

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 9 ФЕВРАЛЬ 1987

ПЕРЕСТРОЙКА:
ГОД ПОСЛЕ
СЪЕЗДА

КТО ЖИВЕТ
В ШЯУЛЯЕ?

БРИГАДА «ГРОЗ»

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 9 (3110)
28 ФЕВРАЛЯ —
7 МАРТА

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987

Главный редактор — **В. А. КОРОТИЧ.**

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Д. В. БИРЮКОВ,
К. А. ЕЛЮТИН,
В. П. ЕНИШЕРЛОВ,
Н. А. ЗЛОБИН,
Д. К. ИВАНОВ
(ответственный секретарь),
А. Ю. КОМАРОВ,
Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ
СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Евгений Евтушенко,
Андрей Вознесенский,
Булат Окуджава,
Роберт Рождественский
в Переделкине.
Январь 1987 года.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Оформление **Е. М. КАЗАКОВА**
при участии **Н. И. БУДКИНОЙ**

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международного — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 09.02.87. Подписано к печати 24.02.87. А00328. Формат 70×108 $\frac{1}{4}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 656. Заказ № 93.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОБЛИЖЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ
С ПОСЕЛКОМ
СВЕТЛЫМ, СТОЛИЦЕЙ СТРОИТЕЛЬСТВА
ВИЛЮЙСКОЙ ГЭС-3,
МЫ ХОТЕЛИ БЫ НАПОМНИТЬ О ТОМ,
ЧТО НОВОСЕЛ
ЯКУТСКОЙ ТУНДРЫ НАХОДИТСЯ В НЕПОЛНОЙ
СОТНЕ КИЛОМЕТРОВ ОТ МИРНОГО, ГОРОДА,
ИЗВЕСТНОГО У НАС В СТРАНЕ
И ЗА РУБЕЖОМ СВОИМИ АЛМАЗАМИ.

НАБОРНАЯ УЗДА ВИЛЮЯ

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Александр
НАГРАЛЬЯН (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»

ДО УНИКАЛЬНОЙ
ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ —
РУКОЙ ПОДАТЬ. СТРОИТЕЛИ
ВОПЛОЩАЮТ
ЗДЕСЬ В ЖИЗНЬ ОРИГИНАЛЬНУЮ
КОНСТРУКТОРСКУЮ ИДЕЮ...

По признанию одного опытного геолога, Заполярье — настолько богатый край, что открытий здесь можно ожидать постоянно. Но для освоения уникальных месторождений полезных ископаемых, как воздух, как хлеб, людям нужна энергия. Дешевле всего пока та, что дают реки. В начале шестидесятых годов гидростроители пришли на Вилюй. Они перегородили бурную реку плотиной. Сначала на ней возвели и пустили одну гидроэлектростанцию, а затем и другую. Не дожидаясь дефицита электричества, ниже по течению начали строительство третьей станции, которая создаст на реке энергетический каскад. Две плотины с набором из трех ГЭС можно образно представить уздой покоренного Вилюя.

Нестандартен и сам подход ко всему строительству в целом. Здесь масштабно осуществляется принцип одновременного освоения средств и на основных объектах, и на так называемых вспомогательных. Но как может быть вспомогательным жилье? Да еще в Якутии?

Именно с создания нормальных условий для жизни и началась пять лет назад Вилюйгэс-3. Никаких балков и временок, никаких барачков. Никаких колышков в основании палатки — только на разметке капитальных корпусов. Светлый — поселок уютный. Со своей большой школой, прекрасным детским садом, Домом культуры, магазинами. В общем, со всем социально-бытовым комплексом.

Как, должно быть, легко представить все это, находясь где-нибудь в крупном промышленном центре, в умеренном климате. Где, можно сказать, все под рукой. А тут, в Якутии, это самое «все», от гайки до горючего, привозное. Да еще по реке Лене, которая стоит во льдах больше полугода. А потом по дальним дорогам на грузовиках.

Все сооружения покоятся здесь на сваях, внедрить которые в вечную мерзлоту необычайно трудно. Этим отчасти объясняется не такая высокая скорость строительства, как, скажем, в средней полосе. А жилье тут, пожалуй, в таком же дефиците, как и энергия. Поэтому в Светлом сооружаются завод железобетонных изделий и комбинат панельного домостроения.

До недавнего времени новые корпуса Светлого возводились, увы, при нехватке средств и материалов. Остается только удивляться тому, как начальник строительства В. И. Воробей упрямо воплощал в жизнь идею пионерного поселка. Впрочем, для

него возникает новая возможность поломать голову над дальнейшим развитием Светлого, поскольку средства скоро начнут поступать с таким избытком, что освоить их полностью в сроки будет, на наш взгляд, просто невозможно. И неизбежен перекос в равномерном ходе строительства. Потребуются рабочие руки, а селить людей будет некуда.

Между тем, недостаток жилья ощущается уже сейчас. По задуманному порядку заселение чудо-поселка должно было проходить постепенно. Далеко не каждого и не сразу принимают здесь на работу — вызывают письмом после внимательного изучения кандидатур.

Только всего предусмотреть не удалось. Чаще всего приезжают семьи к тем, кто живет в общежитиях — их более трети населения Светлого. Прибывшие по собственной инициативе, безусловно, под открытым небом не остаются. Но и получают далеко не то, на что рассчитывали, когда без приглашения решили приехать сюда. Ведь резерва жилья нет. И, чтобы устроить семейных, приходится уплотнять холостяков, отодвигать очереди старожилам, давно заработавшим право на комфортабельную квартиру.

...Станислав Захарович Шеметов из старожилов. В 1961 году он прочел в «Огоньке» о первой Вилюйской и написал письмо в дирекцию строительства. На Вилую поспел как раз к колыхкам.

Минуло тому почти четверть века. На якутской земле у Шеметова крепкие корни. Его дочь Лилия — табельщица в СМУ-3. Сын Валерий учится в десятом классе. Самый младший член семейства — внучка Настенька.

Шеметов руководит комплексной бригадой в СУ-1. В коллективе 38 человек, которые завершили монтаж и приступили к отделке 95-квартирного дома.

— Мы соревнуемся с бригадой Олега Ивановича Харева, — сказал Шеметов. — Соперники они достойные. И последние итоги лишний раз подтвердили это — обошли нас.

Уходят строители на новые объекты и оставляют людям теплое жилье. В Якутии без тепла худо: как бы, например, без него смогли обойтись дети? Но не заметили мы никаких признаков замерзания у учащихся школы, кстати, скоро будет заложена еще одна. А вот детскому саду Светлого (будут еще два) мог бы позавидовать иной южанин. В нем и бассейн есть, и оранжерея в цокольном этаже.

О чем бы ни заходил у нас разговор с людьми, обязательно в нем звучал мотив жилья. И дело тут не в какой-либо одержимости. Скорее называется общая настроенность всех на то, что поселку предстоит вырасти более чем в два раза. Светлый, можно сказать, сам себя строит, сам создает себе сферу обслуживания. Но есть в «букете» инфраструктуры такая сторона, которая для северных районов выглядит не совсем обычно. Это садово-огородный кооператив «Солнечный». Председателем в нем уже знакомый нам Станислав Захарович Шеметов. Его семья вырастила и запасла морковь, помидоры, огурцы, укроп, петрушку. Предмет особой гордости семейства — два мешка картофеля, вызревшего в холодной якутской почве. И, если присмотреться к небогатым огородам «Солнечного», то его теплицы и грядки только подтвердят, что народ здесь решил обосноваться всерьез и надолго.

Тем не менее последняя фраза вызывает у авторов некоторое опасение: как бы не вызвала она внеочередной приток людей на Вилуюскую ГЭС-3. Не торопитесь заказывать билеты и собирать вещи. Напишите сначала письмо — вам обязательно ответят.

СОБЫТИЕ НЕДЕЛИ

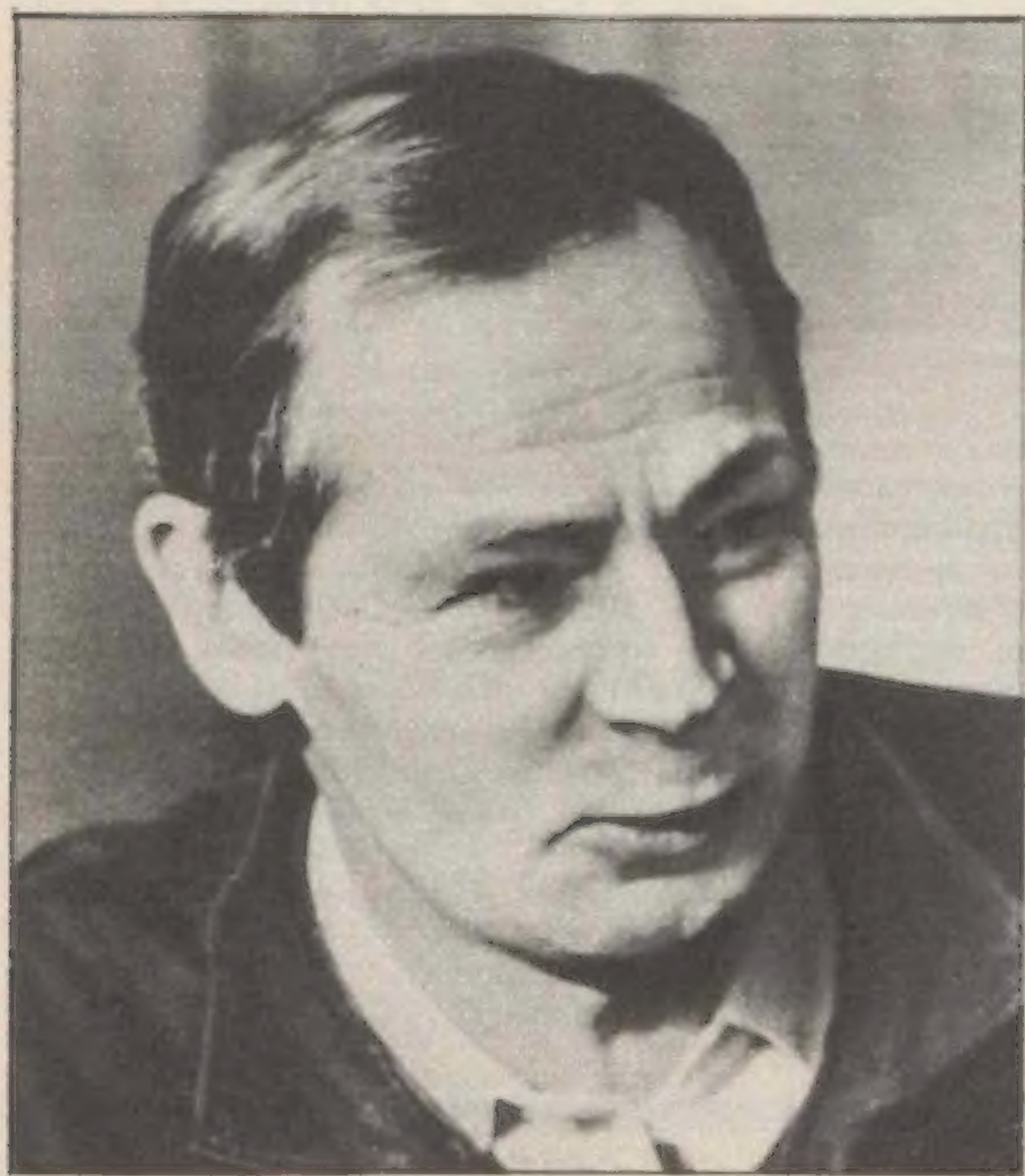
Фото
Д.М. БАЛЬТЕРМАНЦА
и Алексея ГОСТЕВА

24 ФЕВРАЛЯ В МОСКВЕ НАЧАЛ РАБОТУ XVIII СЪЕЗД ПРОФСОЮЗОВ СССР. В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ СОБРАЛИСЬ ОКОЛО ПЯТИ ТЫСЯЧ ДЕЛЕГАТОВ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ САМУЮ МАССОВУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОБЪЕДИНЯЮЩУЮ В СВОИХ РЯДАХ БОЛЕЕ 140 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК. С ОТЧЕТНЫМ ДОКЛАДОМ ВЫСТУПИЛ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЦСПС С. А. ШАЛАЕВ.

25 ФЕВРАЛЯ 1986 ГОДА
ОТКРЫЛСЯ XXVII СЪЕЗД КПСС.
РЕДАКЦИЯ ОБРАТИЛАСЬ К РЯДУ ДЕЛЕГАТОВ СЪЕЗДА
С ПРОСЬБОЙ РАССКАЗАТЬ О ТОМ,
КАК ОНИ ЖИЛИ И РАБОТАЛИ С ТОЙ ПОРЫ,
КАК ИДЕТ ПЕРЕСТРОЙКА В ИХ КОЛЛЕКТИВАХ.

ГОД НАШЕЙ ЖИЗНИ

Валентин ШАХНОВ,
бригадир токарей
могилевского
производственного объединения
«Стромавтолиния»

Бакаш АМАНХАНОВА,
механизатор опытного хозяйства
имени 50-летия Казахстана
Алма-Атинской области

Майму-Майя СИЛЛАТ,
учетчица таллинской фабрики
кондитерских изделий «Калев»

Валентин ШАХНОВ

Госприемку у нас с октября минувшего года ввели. Она нам сразу новый спрос с самих себя продиктовала. Прежде как нередко случалось? Давали токарю заготовку с дефектом, и мастер, стало быть, знал, что и деталь выйдет с дефектом. Но молчал, рассчитывал благополучно ее сдать, потому что ОТК позволяло «сор из избы выносить». Бригадир, рабочие к мастеру приравнивались — им ведь такая политика легкую жизнь сулила...

Теперь я иду к контролеру ОТК Нине Колайчук и прошу: смотри попрдиривей! Как же иначе! Обнаружит госприемка хоть малую погрешность, и бригаде минус, да и заводу неприятность. Вот и приходится самого себя и всех вокруг по новым меркам квалифицировать.

Смотрю на своих товарищей по бригаде. Шестеро из восьми — я

и себя считаю — личные клейма имеют. Кажется, живи спокойно. Не могу. Тем более что от нас пошел по заводу почин «Отвечать за качество всей бригадой». А с инициаторов, известно, особый спрос. К тому же слишком мы в прошлые пятилетки с разными инициативами усердствовали. Столько их появлялось — не успевали подхватывать и распространять. В формализме захлебывались. И что самое негодное — часто почин в кабинетах придумывались, а инициаторами рабочих провозглашали. И приучали к пассивности. («Зачем мне над чем-то голову ломать, если все наверху придумают и на бумажке напишут?») Теперь наконец убедились, что на такой «активности» далеко не уедешь. На январском Пленуме ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев очень верно сказал: «...Порядок в доме может навести лишь человек, чувствующий себя его хозяином». И еще напомнил: «Важнейшая практическая задача — создать такие условия, внедрить такие формы организации производства, которые позволят каждому трудящемуся чувствовать себя

подлинным хозяином предприятия. А это высокое и ответственное положение. Оно не только дает широкие права по реальному управлению делами, но и предполагает высокую ответственность за все, что происходит в трудовом коллективе».

По-моему, воспитание хозяина — сейчас главная задача. Потому что, какое звено ни возьми, надежной почвы для формирования чувства хозяина пока нету. Рабочий мало думает, поскольку его слишком долго в подставных лицах держали и к тому же слишком часто давали повод убедиться, что разговоры, обещания, признание ошибок и недостатков (чем собрания у нас через край переполнялись) сплошь и рядом словами и оставались. Уж не первый год «обсуждается» у нас в цехе проблема уборки стружки. Давайте прикинем, сколько за это время ценных мыслей, полезных начинаний могло бы родиться и осуществиться, а они на конвейере славословия «в стружку ушли»!

В то же время и руководителей завода язык не поворачивается винить.

Им-то тоже полноправными хозяевами быть не приходится. Попробуй всерьез заводскими проблемами заняться, если примерно на тридцать процентов каждый год меняется номенклатура изделий. Появился гипсокартон, нашей «Строммашине» срочное задание: «Дайте линию для его производства!», и для производства цементно-стружечных плит — тоже, и с линиями для производства кирпича поспешайте... Как управиться?! Спешим, суетимся. А всегда ли оправдано? Третий год, например, выпускаем линии для кирпичных заводов, а заводов для этих линий нету, не готовы. Стоят машины, потихоньку стареют, а со «Строммашин» требуют, чтоб она их совершенствовала, хотя известно: совершенствовать можно то, что действует.

Или, скажем, госприемка требует, чтобы все изделия соответствовали технологической документации. Но нужна ли она на машину, если мы возвращаемся к ней в два года раз, а то и реже? Наши специалисты подсчитали, что нужно еще двести (!) технологий, чтобы всю нашу продукцию

технологической документацией обеспечить.

...Перечитываю материалы январского Пленума ЦК КПСС и верю, что сумеем мы осуществить то, что XXVII съезд партии определил как смысл нашей работы на ближайшие десятилетия.

Бакаш АМАНХАНОВА

Почему партия на январском Пленуме напомнила всем нам о перестройке во всех сферах жизни? Видимо, потому, что многие не поняли, что перестройка не кампания, а программа, требующая творческого отношения к делу, каким бы малым оно ни казалось...

Я механизатор, и самое любимое мое дело — жатва. К уборочной страде прошлого года готовилась, как никогда, тщательно. Но праздника не получилось. Совхоз не только не выполнил план по продаже хлеба государству, но и в долгу перед страной оказался. Собрали мы по десять центнеров зерна с гектара. Меня успокаивали: «Ты, Бакаш, не виновата. Честно трудилась, ночей недосыпала. Засуха!»

В другие годы и я бы засуху во всем винила, но не теперь. Земля неряшливости не прощает, земля отзывается только на добросовестную заботу о ней. Что толку стараться на жатве, если, например, отсеялись не в лучшие сроки? Или нарушили севооборот, плохо готовили семена, не внесли достаточно удобрений?

Удобно сваливать свое неумение на стихию. Да и мы, простые совхозные рабочие, механизаторы, были многие годы удобными для наших руководителей — молчали, так легче жить.

Труднее жить с пользой для дела. Вот и хочу быть отныне неудобной. Хочу понять, почему в нашем совхозе вместо дела — бесконечные разговоры о новой технологии? Почему не внедряется хозрасчет? А бригадный подряд?

Говорю все это не для того, чтобы поплакаться. Больше десяти лет назад мы с мужем и его братом — они тоже механизаторы — организовались в семейное звено. Пахали, сеяли и удобряли землю, сами убрали урожай со «своего» поля. Да какой! До тридцати центнеров с гектара доходило. То был настоящий семейный подряд. Но мы забыли о своем же опыте. А теперь вспомнили: уроки съезда, январского Пленума ЦК КПСС помогли вспомнить, и сейчас наше семейное звено возрождается. В том же составе. Думаю, что и засуха, если случится, сумеем одолеть. Конечно, это только песчинка в фундамент перестройки. А песчинки мало... Вот о чем душа болит.

В совхозе у нас есть люди, которые полагают, что перестройка где-то за горами, что она касается начальства, а не каждого рабочего лично. Нет, перестройку нужно с себя начинать! Совхоз — наш общий дом. Но почему хозяину безразлично, как идут дела в его доме? Поселку четырнадцать лет, а до сих пор в нем нет водопровода. И летом, и зимой возим воду бочками мимо «памятников» бесхозяйственности — колонок без воды. А под землей лежат сухие трубы, они ведут к давно пробуренным, но пустым скважинам. Скважины бездействуют! Хотя деньги за все работы были уплачены сполна. Деньги заплатили, воду возим. Почему же молчим? Молчат все: механизаторы, доярки, чабаны и директор. Все такие удобные...

Семь лет в совхозе строили систему поливного земледелия. Построили, а она не работает. И опять мы молчим. Никого это не касается. Почему? Не в личный карман каждого залезли мелиораторы-благотельники, а в совхозный. Мне кажется, что молчание в данном случае граничит с равнодушием.

У меня четверо детей. Сын отслужил в армии, стал связистом, одна из дочерей работает учительницей, другая учится в Алма-Ате, третья еще школьница. Неважно, какую специальность выбирают наши дети, важно, какими людьми они становятся.

Я не волновалась за дочь-студентку, когда услышала о позорном событии в Алма-Ате, в котором была замешана часть казахской молодежи. Верилось, дочь не поддастся националистической провокации. И не ошиблась. Но как же все это могло произойти в республике, где живут люди более ста национальностей? Каких нужных и важных слов мы не скажем своим детям? Часто ли и в каждом ли доме вспоминали, в каких битвах завоевано общее наше счастье? Счастье жить в мире со всеми народами, жить во взаимном уважении. Часто ли обращались к «Словам назидания» великого просветителя Абая: «Ничего нельзя жалеть, чтобы из сына вышел человек. Не будет успокоения тебе, если сын останется невеждой, не будет счастлив он сам и не будет от него блага народу? И еще спрашивал Абай в «Назиданиях»: «Разве ценность человека определяется сопоставлением его с плохими людьми, а не с лучшими из лучших?»

Так давайте же равняться на лучших! И тогда сами станем лучше. Давайте будем неудобными для бюрократов, чинуш, демагогов, подхалимов! Давайте будем в нашей стране хозяевами, ответственными за все. Этого требуют уроки XXVII съезда КПСС. А иначе как жить, как смотреть друг другу в глаза?

Майму-Майя СИЛЛАТ

В конце января у всех газетных киосков выстраивались длинные очереди. Я, пожалуй, и не видела раньше у таллинцев такого нетерпеливого и единодушного интереса к свежим газетам. Все ждали публикации решений январского Пленума ЦК КПСС. Ждала и я...

Казалось бы, наряду с серьезными проблемами промышленности, строительства, сельского хозяйства много ли значит наша продукция — конфеты какие-то? Но ведь, краси-

вые и вкусные, они вносят в наш дом ощущение праздника и радости!

Какие проблемы в связи с этим меня волнуют? За последние десятилетия в нашем коллективе возникла атмосфера самоуспокоенности и самодовольства. Никто всерьез не задумывался о том, что оборудование устарело морально и физически, ведь фабрике 180 лет! Не совсем понятно мне, почему в стране так мало производится техники для индустрии сладкоежек? Даже то не многое, что мы сумели обновить за последнее время, выпущено зарубежными фирмами.

Или, к примеру, «этикет» — как профессионально называем мы конфетные обертки. Часто заворачиваем первоклассную продукцию в такую невзрачную упаковку, что смотреть не хочется, не то что покупать. Или сахар. На заводах его в горячем виде ссыпают в мешки, на холоде он «схватывается» и затвердевает комками, а они потом портят и без того слабое оборудование.

Есть у нас еще одна беда, о которой говорить и горько, и стыдно, и больно. Беда, имя которой — хищения. В конце лета 1986 года закончился судебный процесс, на котором пять человек — три кладовщика, механик и слесарь — были приговорены к лишению свободы. Коллектив еще не успел опомниться и остыть от позорящего его процесса, как охрана ночью задержала показавшийся ей подозрительным мусоровоз — он был загружен отнюдь не мусором, а мешками с сахаром. И опять идет следствие...

Само собой разумеется, что в подавляющем большинстве у нас работают честные люди, и, конечно же, они резко осуждают расхитителей. Но многолетнее отсутствие гласности привело к тому, что о таких проступках люди не то чтобы боятся говорить, просто привыкли отмалчиваться.

Сейчас самое время не сетовать и запоздало сожалеть, а исправлять положение. Надо перестраивать сознание каждого. И производство надо перестраивать. Словом, необходима реконструкция жизни.

СОГРЕВАЯ НЕБО

Хотите — верьте, хотите — нет, но с наступлением весеннего месяца марта газовые горелки многих промышленных предприятий Киева (да и других городов) станут полыхать еще жарче, чем в морозном январе. Невроятно, но факт.

— Как планируем, так и работаем, — вздыхает начальник производственного объединения «Киевгаз» В. Ф. Шевченко. И поясняет:

— В обычный зимний день наш город потребляет на бытовые нужды два с половиной миллиона кубометров газа. А в нынешнем холодном январе эта цифра возросла до шести миллионов «кубиков». Откуда их брать? Приходилось сокращать подачу топлива промышленным предприятиям. Вот и получается, что во время морозов заводы и фабрики невольно экономят...

Откуда берется высокий расход в теплую погоду? Тут свои секреты. Те, кто занят отоплением и обогреванием, на погоду не смотрят, стремятся к одному: выйти на плановые цифры расхода газа. Потому что НЕДОрасходовать лимит так же опасно, как и ПЕРЕрасходовать!

— Если у вас в кошельке есть рубль и вы его сегодня не истратили, то сохраняете возможность что-то купить завтра или через неделю. Так? — говорит начальник паросилового цеха одного из киевских предприятий Ю. А. Лосев. — А с лимитами все наоборот. Если не истратишь сегодня положенные тебе тысячу кубов, то завтра их уже не получишь. Первого января надо израсходовать столько же, сколько и тридцать первого марта.

Наивный руководитель в теплую осень или зиму сэкономит одну-две тысячи кубов газа, а ему в следующем году на столько же и лимиты урежут. А за теплой зимой грянет суровая. Вот тут каждый сэкономленный в прошлом кубометр станет уже сверхлимитным, и платить за него придется в пятикратном размере.

— Мы исписали горы бумаг, — говорит В. Ф. Шевченко, — доказывая порочность такого планирования, которое делает экономию бессмысленной и даже убыточной. Чего нам удалось добиться? Перераспределять лимит в пределах недели. Но по-прежнему расход на лю-

бую неделю в январе остается таким же, как в марте, а любая экономия изымается не только из лимита на нынешний год, но и на будущий.

...Придет весна, и в производственных помещениях станет трудно дышать от жары. Опытные хозяйственники примутся энергично согревать небо, чтобы не окатиться на бобах при очередной раздаче лимитов.

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
соброр «Огонька»

Киев.

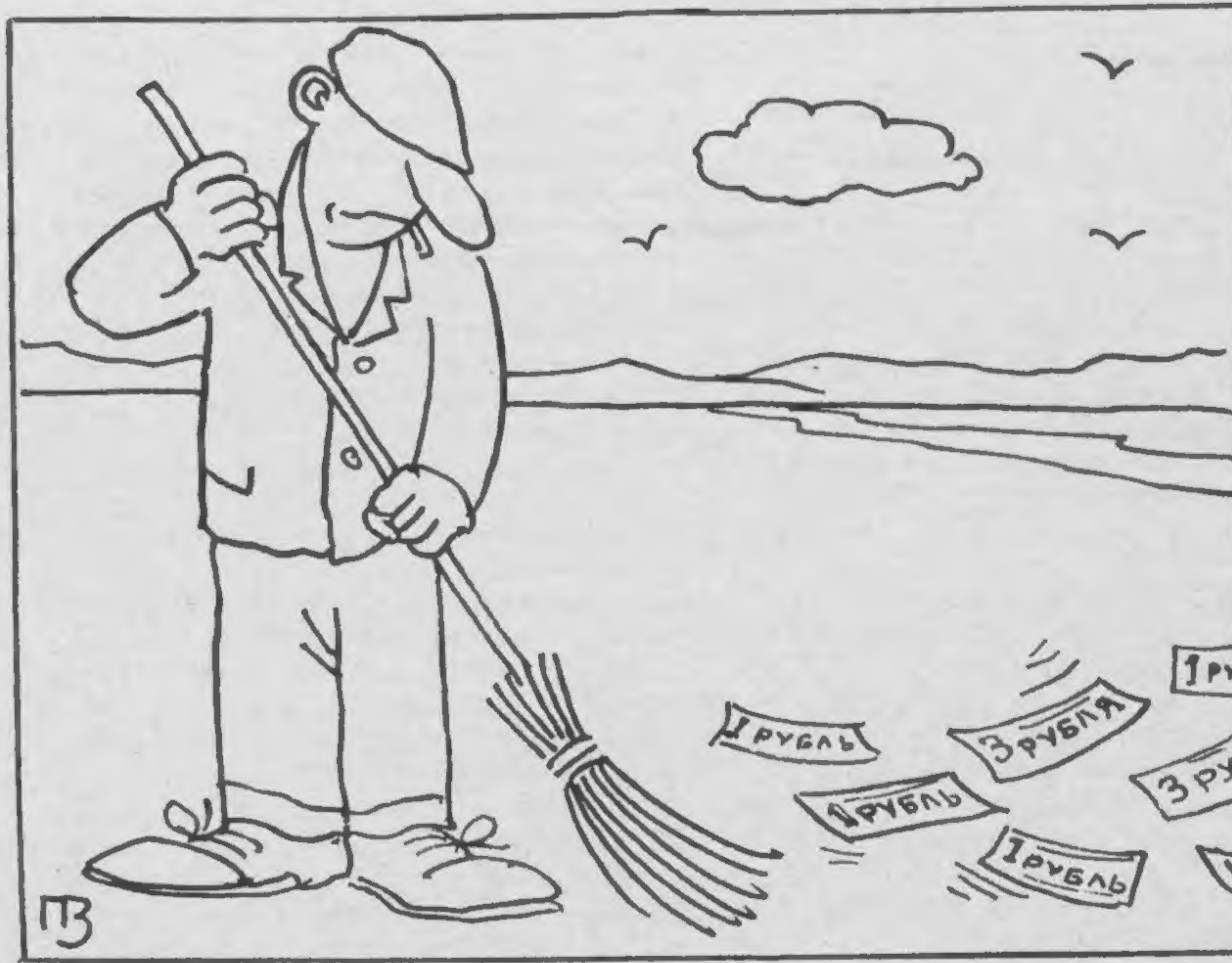

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ШКОЛА — УПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ

● КЛАСС «ПРОТИВ», УЧИТЕЛЯ «ЗА». ● ЗАПЛАНИРОВАННЫЕ ЛИДЕРЫ? ●

Игорь ДУБРОВИЦКИЙ

Более семидесяти процентов юношей и девушек вступают в ряды ВЛКСМ в школьные годы. Что такое комсомол в их представлении?

Вот письмо: «Уже год как я в комсомоле, считая, что я не «случайная» комсомолка, к своим поручениям отношусь добросовестно. Но есть вопрос, который меня до сих пор мучает: для чего мы вступаем в комсомол? Этот вопрос возник у меня впервые, когда нужно было писать заявление о приеме. Ответ мне помогла найти наша вожатая — она просто сказала, что писала в свое время, и я скопировала ее заявление. Мои одноклассники списывали заявление у меня. Но вопрос-то остался! Для чего я вступила в комсомол? Чтобы носить значок, иметь комсомольский билет? Чтобы меня больше за это уважали? Разве я не могу так же добросовестно выполнять те же самые поручения без комсомольского билета? Оксана С. Новосибирск».

Оксана честно поделилась своими сомнениями с нами. Многие и не задумываются — платят взносы, ходят на собрания, худо-бедно выполняют поручения. Павка Корчагин и Виталий Бонивур для них — далекая история, а как сегодня в школе проявить свою инициативу, свой почин?

Кто руководит комсомольской организацией или группой в классе? Как правило, классный руководитель. Возмущенный плохим поведением Коли или Оли на уроке, он иногда может раздраженно сказать комсоргу: «Собери-ка после занятий бюро (или даже собрание), разберем поведение!» И собирают и «разбирают»... Причем первое слово на таком бюро или собрании часто принадлежит учителю. Он распекает, он грозит объявить выговор, «испортить» характеристику. Что-то скажет в поддержку учителя комсорг, еще кто-то из активистов, остальные уныло молчат и ждут, когда же их отпустят домой.

Не парадоксально ли — член ВЛКСМ, имеющий по уставу право критиковать любой комсомольский орган, любое руководящее лицо, вплоть до секретаря Центрального Комитета ВЛКСМ, не имеет права высказать и слова критики своему учителю, директору школы?

«Большинство наших учителей считает, что учитель всегда прав. А ведь бывает, что не прав».

Я один раз «выступила», тут же к директору отвали. Мне тогда наша учительница сказала: «В тихом омуте черти водятся». Ольга Х. Москва».

Однажды ко мне обратилась комсорг 258-й московской школы. Она писала о том, что комсомольская группа ее класса отказала в рекомендации для приема в комсомол одной из одноклассниц. Одиннадцать комсомольцев голосовали «против», восемь — «за». После собрания директор школы и секретарь партийной организации в течение трех часов вели психологическую обработку комсомольцев, уговаривая их изменить свое решение. Ребята стояли на своем: «Ира — плохой товарищ, высокомерна, заносчива, от нее не раз слышали пренебрежительные высказывания о комсомоле. Она и на собрании, увидев, что большинство выступает против ее приема, ушла, хлопнув дверью, не дождавшись голосования». В заключение Наташа просила совета — как быть?

Поехал в школу разбираться. Директор школы была в большом волнении — приезд журналиста да еще для разбора конфликтной ситуации ни у кого, наверное, радости не вызовет. Я стал ее успокаивать:

— Вы должны радоваться, что у ребят есть свое мнение, что они принципиально подходят к приему нового члена своей организации. Это и ваша заслуга.

— Вы правы, — согласилась она. — Но пугает, что у нас такие большие расхождения во мнениях с ребятами.

Во время полуторачасового разговора с ребятами и учителями высокомерие, заносчивость Иры были видны, что называется, «невооруженным взглядом». Главный аргумент педагогов был: «Да, заносчивость у нее есть, но ведь она прекрасно учится, исполнительна, аккуратна».

Через месяц я узнал, что Иру приняли в комсомол.

— Она так быстро изменилась? — спросил Наташу.

— Нет. Но всем эта история надоела, — махнула рукой Наташа. — Устали.

Я не случайно не ставлю в этой статье фамилий авторов писем. На моей памяти грустная судьба одного очень хорошего парня. Он осмелился, выступая во время диспута по радио, сказать, что в его классе мещанская атмосфера. Школа не называлась, имя выступавшего не произносилось... Узнали по голосу. И организовали самую настоящую травлю. Не помогла даже статья в «Известиях» — выпускнику, занявшему второе место на городской предметной олимпиаде, вывели за год четверку по этому самому предмету. А ведь тогда был в силе проходной балл!

А в классе, где учатся Наташа и Ира? На второй день после того бурного комсомольского собрания по непонятным причинам стали снижаться оценки знаний некоторым хорошим ученикам. Причем именно тем, кто голосовал против. В редакцию звонили взволнованные родители, упрашивая меня оставить класс в покое. Нет, они вовсе не против принципиальной позиции, «но, знаете ли...». Одну девочку даже срочно перевели в другую школу.

Еще большее давление оказывают порою учителя на комсомольцев во время выборов руководящих органов организации или группы. Позиция в таких случаях, как правило, однозначна: секретарем комитета, комсоргом должен быть ученик, безупречный в поведении и учебе, аккуратный. Учитель ищет прежде всего послушного исполнителя своей воли, видит в комсорге, в секретаре коми-

тета всего лишь рычаг для воздействия на коллектив.

В незавидное положение попадает, как правило, такой «кандидат». Ведь при всех замечательных качествах ученика такой юноша (или такая девушка) далеко не всегда пользуется авторитетом среди одноклассников. В 70-й московской школе весной прошлого года комсомольцы не посчитались с рекомендациями учителей, выбрали в комитет тех, кого сочли нужным. И секретаря решили оставить прежнего — девушку энергичную, но с характером не простым. Ну так что же? Им-то, комсомольцам, видней, кого выбрать своим руководителем. Им-то характер, видимо, не мешал, если выбрали. А кому-то из учителей мешал. И началась «просветительская деятельность» в классах: «Вы еще малы, вы не отдаете себе отчет, что все зависит от нас...»

Почему же наставники юношества идут на столь рискованные поступки (я бы мог продолжить перечень фактов)? Неужели им не хочется иметь союзника в воспитательной работе — активно действующую, самостоятельную, боевую комсомольскую организацию? Директору-рационалисту, учителю-рационалисту гораздо, видимо, спокойней с теми, кто до серьезных размышлений о жизни и о себе не дорос. Все, что «требуется», педагог с подобными взглядами сам и организует.

«Наша школа сейчас готовится к проверке», — пишет Наташа С. из Мурома. — В числе «новшеств» появилось и новое расписание культурно-массовых мероприятий. Мы посмотрели — и глазам своим не поверили: в воскресенье у нас, оказывается, «Клуб выходного дня». Какой клуб, когда у нас даже дискотеку провести не разрешают! Кого бы мы ни спрашивали об этом «клубе», никто ничего не знает, даже комитет комсомола. Кому же нужна эта показуха перед проверкой?»

Некоторые учителя искренне уверены, что если они не будут организовывать комсомольские собрания, руководить работой политических клубов старшенкласников, командовать на субботниках, то вся комсомольская организация в школе мигом развалится. Вот еще одна цитата — из письма Нади Ф., которая живет в Рубцовске: «...У нас прошел вечер, посвященный дню рождения комсомола. Сценарий был хороший, но было бы лучше, если бы мы готовили его сами. Может быть, вы подумаете, что мы не хотели его готовить? Нет, это не так. Я подходила к учительнице, говорила, что мы сами разработаем и обсудим сценарий. Последовал отказ».

Руководить общественной работой — это вовсе не значит водить за руку своих подопечных или водить их руками. Важно толково поставить задачу, определить цель, заинтересовать, воодушевить. Опытные директора и учителя знают: если дать ребятам право самостоятельно работать, самим решать свои дела, не ругать за вполне возможные просчеты и ошибки, а по-товарищески эти ошибки анализировать и вместе исправлять, ребята сами будут приходить к учителю за помощью.

В начале этого учебного года меня пригласили к себе комсомольцы 79-й московской спецшколы: «Знаете, как у нас интересно! Полное самоуправление. Все чем-то заняты, все что-то делают. Как в двадцатые годы!»

Школу эту я знаю давно. Ее директор, С. Р. Богуславский, как раз из плеяды «комсомольских» директоров. Ничего похожего на атмосферу двадцатых годов (во всяком случае, ту, которая описана Л. Пантелеевым в «Республике Шкид») я не нашел, зато нашел хорошую атмосферу второй половины восьмидесятых годов — атмосферу поисков, творчества, гласности, инициативы.

Рассказывая о своей работе, комсомольцы постоянно подчеркивали: «Это мы сами, это не учителя».

Что же они придумали и сделали сами?

Навели порядок в тесном помещении буфета — по-своему переставили столы, украсили стены. Инициативная группа прошла по школе и пришкольному участку, отметила, что где нужно исправить, починить, улучшить, каждый класс получил свое трудовое задание. Вместо традиционного, всем наскучившего вечера в День учителя решили провести КВН между ребятами и учителями.

Недавно я узнал, что в школе прошло собрание пионерского и комсомольского актива совместно с учителями. Деловое, полезное собрание (вопросы, которые обсуждались на нем, отражены в специально выпущенной стенгазете). Не рухнул потолок школьного зала, представьте себе, от того, что ученики критиковали учителей. Вот некоторые из решений собрания (совместного!): старшеклассники берут на себя контроль за сдачей норм ГТО. На средства, заработанные ребятами в УПК, школа будет арендовать бассейн для занятий плаванием и в то же время откажет посторонним организациям и в аренде школьного зала. Кроме того, по своей инициативе комсомольцы-школьники решили организовать дискуссионный клуб, кинолекторий, проводить День здоровья зимой не в зале, а в Измайловском парке, чтобы можно было на лыжах побежать (сами поедут договариваться). Создана творческая группа, которая должна по-новому проводить дискотеки.

Возможно, 79-я школа вовсе не эталон самоуправления, вполне вероятно, что где-то комсомольцы работают еще интересней. Но именно в этом и должны соревноваться школьные комсомольские организации — в конкретных делах, размахе самостоятельности, творчества, а не в количестве проведенных мероприятий. Это, думаю, верный способ готовить к жизни не просто аккуратных исполнителей, а настоящих граждан своей страны, умеющих грамотно пользоваться всей полнотой своих прав, преимуществами социалистической демократии, не боящихся вступить в бой за правду и справедливость, непримиримых к недостаткам.

И помочь им в этом обязан учитель. Прекрасно сказал, выступая в телевизионной передаче, Шалва Александрович Амонашвили: «Учитель — единственный человек, который может деформировать школу и реформировать школу».

НОВГОРОД НАДО СПАСАТЬ

Недавняя публикация в газете «Известия» очерка «Судьба Ясной Поляны» показала, какой непоправимый ущерб усадьбе Льва Толстого нанес неподалеку от нее расположенный Щекинский химкомбинат. Но мало кто знает, что в двенадцати километрах от Новгорода, а по существу, на окраине города, находится такое же предприятие, как и завод в Щекине. И предполагается дальнейшее наращивание мощностей новгородского комбината.

Выбрасываемые им агрессивные газы и образующиеся в атмосфере кислотные соединения оказывают отрицательное воздействие на естественные камни, растворы и кирпичную кладку памятников архитектуры, меняют колорит всемирно известных новгородских фресковых росписей. Не за горами, по-видимому, и порча бронзового памятника «Тысячелетие России» в Новгородском кремле. Загрязняются воздушный и водный бассейны в городе и пригородах, в частности — озеро Ильмень. Новгородское объединение «Азот» оказывает отрицательное влияние на качество воды и в Ладожском озере (газета «Правда» от 11 ноября 1986 года).

Разработанный и находящийся теперь в стадии утверждения генеральный план развития Новгорода до 2005 года предусматривает не сокращение, а расширение промышленных районов, которые уже сейчас в процентном соотношении равны жилым зонам и зонам отдыха и туризма. Непродуманное, недальновидное планирование хозяйственной деятельности в Новгороде оказывает разрушительное воздействие на все виды исторических ценностей древнейшего русско-

го города, которые по праву входят в сокровищницу отечественной и мировой культуры. Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры признал увеличивающуюся производственную деятельность различных министерств и ведомств в Новгороде, в частности объединения «Азот» Министерства по производству минеральных удобрений, прямым нарушением статей 53 и 54 Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Жители Новгорода в сентябре 1986 года обратились в Совет Министров СССР с письмом, призывающим прекратить всякую хозяйственную деятельность, которая наносит ущерб городу-памятнику. Только путем государственных постановлений, обязательных для всех учреждений, министерств и ведомств, Новгород может быть спасен для будущих поколений.

Недавнее обсуждение упомянутого плана в Министерстве культуры РСФСР показало поразительное равнодушие официальных властей города к судьбе его исторического облика. Да и сами планировщики скорее приспособливают историческое ядро Новгорода к новому городу, а не новый, растущий город к древнему, что было бы здесь естественно так же, как это делается, скажем, в Суздале. Преданы забвению основные положения первого послевоенного генерального плана, разработанного академиком А. В. Щусевым в 1945 году. Научная общественность, представители которой были приглашены на обсуждение в Министерство культуры РСФСР, высказалась, в частности, против постройки железобетонного пешеходного моста через Волхов в центральной части города. Строительство этого моста, проект которого выполнен в Ленинграде, ведется полным ходом, и председатель

Новгородского горисполкома заявил, что он будет сдан в эксплуатацию 7 ноября 1987 года. Речь идет о крупном инженерном сооружении, которое в осуществленном виде не может не испортить всей панорамы Новгорода. Проектировать и строить новый мост через Волхов следовало бы с величайшей осторожностью, с оглядкой на прошлое. Ведь речь идет, по существу, о реконструкции одного из древнейших исторических памятников Новгорода!

В 1820-х годах возник первый полукаменный-полудеревянный мост, повторявший своими очертаниями все ранее бывшие мосты. Маломощный, он продержался около восьмидесяти лет, пока петербургские инженеры не возвели в 1902 году куда более монументальное сооружение, железные фермы которого поднялись почти до куполов близости стоящего Софийского собора. Знаток истории города, горячий защитник его старины А. И. Анисимов оценил это творение нового века как «полуазиатское-полужевропейское чудовище», испоганившее самое сердце древнего Новгорода. В годы второй мировой войны мост был взорван, а в 1954 году новый транспортный мост был разумно поставлен в стороне от кремля. Не обладая никакими архитектурными достоинствами, он исправно несет свою нелегкую службу до сих пор. Но городу нужен еще один, пешеходный мост. Требуется он и постоянно нарастающему туристическому потоку. Так возникла мысль о восстановлении старого моста, который напрямую соединил бы кремль и Ярославово дворище на Торговой стороне.

Споры о новом мосте продолжались много лет, но ни разу он не сделался предметом широкого обсуждения. В конечном счете Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, от которого еще в какой-то мере зависело, какой именно мост будет сооружен в центре Новгорода, проголосовал за осуществление ленинград-

ского проекта — совершенно иного, но не менее примитивного, чем его предшественник 1902 года. Устой и одна пролетная арка нового моста уже заготовлены. Но еще есть время отказать от этой непоправимой потом заты.

Пора ставить заслон самостоятельности местных руководителей, для которых Новгород всего лишь город, каких у нас сотни, а не один из древнейших городов России, требующий к себе особо бережного отношения. Новгород не только достояние русского народа. Мы несем ответственность за сохранение его облика и его памятников перед всем образованным человечеством.

Подлинным бедствием для Новгорода является прогрессирующая утрата исторических ландшафтов в черте самого города и в его ближайших окрестностях. Московское шоссе к востоку от древних городских валов еще в 1950-х годах перерезало низменную местность мощной насыпной дамбой, на которой совсем недавно возникла автозаправочная станция. При строительстве дороги был засыпан исторический Федоровский ручей.

Еще более удручающим является пренебрежение местных властей к единственному в своем роде историческому ландшафту к югу от города, где находятся Юрьев монастырь, Спас-Нередица, Благовещение на Городище и Липна. До 1916 года вид в сторону озера Ильмень сохранялся точно таким, каким он был сотни лет назад. Начавшееся без согласования с местными деятелями культуры строительство от Нередицы железной дороги вызвало в 1916 и 1917 годах многомесячную

полемику в газетах и журналах. Вся передовая печать выступила тогда в защиту Новгорода от посягательства проектировщиков, за отмену южного варианта и за перенос новостроящегося железнодорожного полотна к северу от города. Но Совет министров царской России утвердил уже осуществлявшийся проект с оговоркой, что после окончания войны новгородский участок дороги Нарва — Валдай будет изменен на северный вариант. В условиях поражения России в первой мировой войне и начавшейся затем революции дорога не была закончена, но памятником этого преступного проекта являются монументальные железобетонные опоры для железнодорожного моста и песчаная насыпь в непосредственной близости от Нередицы. Дамба пересекла речку Нередицу и низину на противоположном берегу Волхова, что вызвало стремительное заболачивание местности и последующую порчу нередицких фресок XII века. Казалось бы, исторический опыт должен был подсказать самое бережное отношение города к окружающим его природным ландшафтам и к его южным окрестностям, в частности, где все находится в естественном равновесии и не терпит грубого вмешательства человека. Но нет! У подножия одной из опор построена безликая водоканка, а к ней протянута железнодорожная ветка. На западном берегу Волхова, напротив церкви Петра и Павла XII века, возникли производственные постройки, а на восточном берегу — скучнейшая туристическая гостиница. Недавно в печати промелькнуло сообщение, что возможен проект возобновления железнодорожного полотна и строительство моста на существующих опорах около Нередицы. В таком случае Новгород навсегда лишится остатков своей былой славы города-памятника: его исторический центр будет наглухо изолирован от окрестностей и будет существовать в кольце железобетонных мостов и дамб.

Сохранение исторических ландшафтов — одна из задач всеобщего, всенародного дела охраны памятников. И одна из наиболее простых, поскольку для этого требуется только одно: оградить подобные ландшафты от их бездумной, близорукой застройки. Если мы не на словах, а на деле любим свою Родину, нужно принимать немедленные меры против тех, кто уничтожает лучшее из созданий нашего мира — природу и один из самых величайших памятников отечественной и мировой культуры — Великий Новгород.

Г. К. ВАГНЕР,
доктор искусствоведения,
лауреат
Государственной премии СССР

Г. И. ВЗДОРНОВ,
доктор искусствоведения,
лауреат
Государственной премии СССР

И. П. ГОРИН,
директор Всесоюзного научно-исследовательского
института реставрации
Министерства культуры СССР,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

О. И. ПОДОБЕДОВА,
доктор исторических наук,
зав. сектором истории
древнерусского искусства
Всесоюзного научно-исследовательского института
искусствознания
Министерства культуры СССР

Э. С. СМЕРНОВА,
доктор искусствоведения

С. В. ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР

Еще недавно в городе Гагарине показывали несколько мест, связанных с памятью о космонавте. Среди них — три дома. В первом сейчас Мемориальный музей Юрия Алексеевича. Это коробка «родового» дома. Был он построен семьей в селе Клушине еще до войны, а в 1947 году Гагарины, переехав в Гжатск, перенесли в городок свой дом. В 1961 году Советское правительство подарило Алексею Ивановичу и Анне Тимофеевне Гагариным другой дом в честь подвига их сына. Он был построен через дорогу от первого, в котором продолжала жить сестра космонавта с мужем и детьми. (Мемориальный музей был создан тут после гибели Юрия Гагарина.) Неизвестно, чья это была идея, но дом «отремонтировали» до неузнаваемости: сняты были внутренние перегородки, разобрана русская печь, сломан скотный двор, засыпан подпол. Словом, чтобы ничто (ни-ни!) не напоминало деревенского житья-бытья. Вдоль стен расположили стенды с фотографиями, копиями документов, памятными подарками, книгами. Часть вещей отправлена была в село Клушино — туда, где когда-то стоял гагаринский дом и позже был возведен макет деревенской избы.

Так что домов было много. Но настоящим, несшим в себе дух семьи, живой ее быт, остался только последний — тот, в который Юрий Гагарин ввел родителей в свой первый после исторического полета приезд на родину. Сюда к отцу, матери он приезжал отдохнуть и посоветоваться, здесь бывали его друзья, сюда уже после гибели космонавта шли люди поддержать Гагариных в горе.

В начале восьмидесятых годов сзади дома родителей Юрия Гагарина стали возводить трехэтажный Дом космонавтов. Предполагалось, что тут с удобством будут располагаться приезжающие на родину первого космонавта его друзья, планировалась и квартира для Анны Тимофеевны.

Ключ от новой квартиры матери космонавта вручали на праздновании ее 80-летия в декабре 1983 года. Все было торжественно: на юбилей съехались областные руководители, космонавты, состоялось награждение Анны Тимофеевны орденом Дружбы народов.

А свой дом Анна Тимофеевна решила подарить музею.

Как развивались события дальше, я знаю со слов Анны Тимофеевны, из документов, писем. В то время мы продолжали работать над второй книгой воспоминаний о Юрии Гагарине (первая, «Слово о сыне», была уже опубликована).

Как-то в начале марта 1984 года вечером она позвонила мне домой: «Приезжайте! Поскорее!» Я решила, что речь идет о нашей совместной работе. Но дело было не в этом. Наутро я была в Гагарине...

А накануне к Анне Тимофеевне, оказывается, приезжал один из руководителей Смоленской области и предложил... снести дом родителей космонавта. Так как он загромождал новое строение. Анна Тимофеевна возразила: в городе, мол, не осталось ни одного здания, связанного с Юрием Гагариным такой вот живой памятью. Пояснила, что считает важным, чтобы их с Алексеем Ивановичем жилье сохранилось таким, каким оно было при жизни сына. Влиятельный гость настаивал на своей идее. И тогда Анна Тимофеевна заметила:

— Мы много чего поносили, да вот теперь оказывается — ошибки наделали...

Тогда было предложено перенести дом в Клушино. Но и на это Анна Тимофеевна ответила отказом: зачем отрывать дом от земли, на которой возвели его?

— Мне хоромы не нужны. Конеч-

СУДЬБА ДОМА ГАГАРИНЫХ

но, за внимание спасибо. Только если взамен я должна дать согласие свой дом сломать, возвращаясь на старое место...

Посетитель ушел, ничего иного не пообещав.

А ответа из областного музея-заповедника о принятии дара Анны Тимофеевны между тем все не поступало. В Смоленск, в дирекцию музея она звонила постоянно, там отвечали уклончиво и документа не присылали.

— А вдруг он настоят? Вдруг ему удастся? — все повторяла Анна Тимофеевна.

...Оформления дара все не следовало. Здоровье Анны Тимофеевны ухудшалось. Ночью 12 июня 1984 года мне позвонили из Гагарина и сообщили скорбную весть.

Теперь, после смерти матери Юрия Гагарина, ничто уж не препятствовало осуществлению той злополучной идеи. Куда только не обращались родные Юрия Гагарина за помощью! Все письма пересылались в область...

И в год 50-летия Юрия Гагарина дом родителей первого космонавта Земли был снесен. Единственно, что удалось сделать сестре Юрия Алексеевича, Зое Алексеевне, и ее дочерям Тамаре Дмитриевне (заведующей

Мемориальным музеем), добиться, чтобы стены-панели были аккуратно сложены, обстановка, фотографии, портреты, украшавшие дом, тщательно убраны. Чтобы со временем можно было бы восстановить...

Снесли домик по постановлению Гагаринского горисполкома в связи с «ветхостью» и «целесообразностью переноса на другую сторону улицы» (1).

И вот теперь вид на Дом космонавтов — терем, облицованный светлым кирпичом, с мраморными полами внутри, лестницами, украшенными чеканкой и статуями, с просторными номерами-люкс и бильярдной, — действительно ничто не загромождало. Те, кому он нравится, могут им любоваться. Правда, не совсем понятно, что это такое? Домом, где жила мать первого космонавта, его не назовешь. Потому что нельзя сказать «жила» о тех 5 месяцах 23 днях, которые Анна Тимофеевна провела тут до времени кончины.

Кстати, Дом космонавтов который год пустует. Так, в 1986 году гости посещали его лишь дважды. Не вызывая ли держать необитаемыми роскошные апартаменты в городе, где, как и повсеместно, жилищная проблема остается острой?

Вот ведь парадокс! Была бы Анна Тимофеевна не столь бескорытна, как всю свою жизнь, не подарила дом музею, его бы снести было невозможно: потребовались бы официальные согласия пяти наследников. Подарила же, не запросив за него ни рубля (а делала она это не от великого богатства, на сберкнижке у нее по смерти только и обнаружились те две тысячи, что выделены были родителям как единовременная помощь в связи с гибелью Ю. Гагарина), и дом оказался вроде бы как ненужным.

Нанесен огромный урон памяти Юрия Гагарина. У него был редкий, неприметный талант — он был хорошим человеком во всей глубинности этого понятия. Где, как не на земле, вскормившей его, в семье, взрастившей и воспитавшей его, это видишь зримо? И пока жив был дом родителей, не нужно было иных доказательств скромности, трудолюбия Гагариных. Войдите, убедитесь, товарищи, вот так непритязательно жили его отец и мать. Здесь же была и «дача» космонавта. Вот этот огород, с его ухоженными грядками картошки, капусты, свеклы и моркови, лучше любых повествований поведаст о трудолюбии Гагариных. А через дорогу, где сейчас Мемориальный музей, вплоть до 1968 года жила его сестра Зоя Алексеевна с семьей. Да, в городе, от которого ее знаменитый брат был избран депутатом Верховного Совета СССР, она продолжала жить в скромных деревенских условиях.

А о чем нынче будут рассказывать экскурсоводы под стенами помпезного красавца у цветущих розовых клумб?

...Настала пора создать в городе имени Юрия Гагарина его музей. Всесоюзный! Который мог бы вести настоящую работу без оглядки на областные вкусы и капризы. Начать, думается, надо с исправления последней ошибки, с полного восстановления на прежнем месте дома родителей космонавта с прилегающими к нему огородом, садом.

Потому что был дом родителей Юрия Гагарина.

Был!

Татьяна КОПЫЛОВА

Фото Алексея ИВАНОВА

И

так, судьбе было угодно, чтобы сын польского революционера Михаил Зданевич был выслан за участие в восстании 1863 года из Варшавы в Грузию. У него родились два сына — Илья и Кирилл. Илья — поэт, Кирилл — художник. Оба учились в туманном Петербурге. Летом 1912 года они приехали в Тифлис на каникулы. С ними был их друг — студент Академии художеств, пылкий и талантливый Михаил Ле-Дантю. Юноши были одержимы искусством, их влекли новые формы, фольклор, народное искусство...

Итак, душным вечером 1912 года трое молодых людей вошли в гостеприимно распахнутые двери «Трактирного заведения «Варяг». Веселый голос духанщика соперничал со звуками зурны. На жестяной вывеске заведения — стремительный крейсер с андреевским флагом и дымящими трубами. Зурна, духанщик, шашлыки, «Варяг»...

Но картины на стенах заставили трех молодых людей забыть обо всем. Чудо! Восторг — до немоты! Вот охотник — из-под черной чохи краснеет рубаха, и эти два вечно враждующих цвета объединяет безгрешная синева. Вот пастух — трубка в зубах, кинжал за поясом. Вот портрет великого Руставели, царицы Тамары, молящегося отшельника... Картины написаны на черной клеенке, и там, где черно, клеенка не закрашена.

Кто это?

Это «малыш Нико», чудаков, беднейший неудачник. Это Пиросман, Пиросмани, Пиросманашвили, или «Ж. Н. П.», как чаще всего подписывает он свои «карточки», — «Живописец Нико Пиросмани».

Где он?

Он живет, не имея угла. Он кочует от одного заказчика к другому, кормится похлебкой, а если заказчик особенно доволен работой, ему подносят стакан вина. Он работает за еду, деньги платят редко. Закончив работу у одного заказчика, идет к другому, перекинув через плечо ремешок своего ящика с красками и самодельными кистями. Господин в цилиндре, нарисованный на крышке ящика, его вернейший друг. Он же хранитель тетрадки с записями Нико.

Художник — кахетинец. Ему пятьдесят. Картин у него много. Они висят на стенах духанов, лавочек, трактиров, столовых, винных погребков... Вся окраина Тифлиса завешана его работами. Много картин! Но стекла, на которых написаны вывески, бьются. Жест ржавеет. Да и картины на клеенке надо хранить. Много, много работ пропадает, буквально гибнет.

Михаил Ле-Дантю назвал в тот вечер Пиросмани современным грузинским Джотто. Братья Зданевичи, наделенные тонким вкусом и чутьем, поняли, что перед ними картины художника мирового класса. И поняли, как важно их сохранить. Если бы не тот вечер лета 1912 года, кто скажет, знали бы сегодня в мире Нико Пиросмани.

Как назвать иначе, нежели подвигом, все, что сделали братья Зданевичи? В особенности Кирилл. Такой подвиг под силу истинному интеллигенту. Зданевич не был богат. Отнюдь — иной раз, приобретая у какого-нибудь лавочника очередную картину Пиросмани, Кирилл Зданевич и его семья затачивали пояса потуже. Жена его, как вспоминает Константин Паустовский, бегала на базар продавать что-либо из вещей, а его отец, дававший частные уроки, брал плату задолго вперед.

«Как только ему сообщали, что где-то в глуши, в Марткопи или Каспи, в Шрома или Поты, кто-то видел вывеску, похожую на работу Пирос-

Неисповедимы пути художников, непредсказуемы судьбы. Одних всю жизнь сопровождало равнодушие мира, других — инквизиторская травля. Святые «завтра», когда человечество склонялось в благодарности, нередко наступало уже за пределами даты, отмечающей смерть художника. Кое-кто даже утверждал: чем хуже художнику, тем ему лучше. Это ложь. Это безразлично. Внимание и понимание народа нужны художнику не как лавры — это необходимо для полного развития и раскрытия его дара, его национального духа. Но гораздо чаще, чем хотелось бы, художник мечтает отдать, а у мира руки заняты... И потому в рассказах о художниках так часто звучат слова «судьбе было угодно»...

Петр ВЕГИН

ПАЛИТРА

ПИРОСМАН, ПИРОСМАНИ, ПИРОСМАНАШВИЛИ, ИЛИ

«Ж.Н.П.»

мани, Зданевич тотчас мчался туда и часто возвращался с победой — с новым подлинным Пиросмани — так вспоминает Паустовский.

Большинство работ, находящихся сегодня в Государственном музее искусств Грузинской ССР, спасены братьями Зданевичами.

В толстой тетради с переплетом из черной — пиросманиевской! — клеенки Илья Зданевич вел записи о каждой встрече с художником, о каждой найденной работе.

Вот запись о первой встрече с Нико: «Мы разыскали художника. Подошли к дому на Молоканской улице, тут нам указали на Нико, стоящего на тротуаре. Он писал кистью стенную надпись «Молочная», повернулся, с большим достоинством поклонился и продолжал работать, изредка репликами поддерживая разговор. Эта встреча запомнилась мне: у белой стены стоял художник в равном пиджаке и мягкой фетровой шляпе, высокого роста, спокойный и независимый, но с некоторой затаенной горечью в обращении...»

Какой великолепный и точный портрет! В две краски — белой и черной — вся судьба большого художника.

Понимал ли Пиросмани, что он большой художник? Несомненно! Только большой художник, спокойно осознав, что жесткие руки жизни сильнее его тонких рук, способен найти единственное противодействие — достоинство, доброту, духовное спокойствие. Неизбежной жесткости и беспардонному равнодушию жизни он противопоставил свои картины, которые были по душе многим простым людям. Пиросмани этим гордился. Среди них были и такие, кто на вопрос, не продаст ли он клеенки Пиросмани, отвечали: «Только на вес золота!»

Правда, изредка бывало и такое: «Мне за эту тряпку денег не надо. Возьми ее себе на память, если она тебе нравится, мне она больше не нужна».

Этой «тряпкой» была картина «Обед духанщиков».

Но главное — простой люд, рабочий Тифлис его картины и его самого любил. Конечно, духанщики и лавочники старались поменьше платить художнику за работу, по-крестьянски полагая, что лучше накормить. Они помогали Пиросмани чисто по-житейски. И сохраняли его работы.

«Я вижу в этих картинах такую сердечную доброту, что считаю их иконами, бог любви осеняет их». Это тоже слова одного из духанщиков. Так что недобрая слава стяжателей далеко не всегда справедлива к людям этой гильдии.

Кого он писал? Кинто, дворников, пекаря, лекаря, шарманщика, зеленщика, бедную женщину, деревенское застолье... Он жил среди этих людей, он среди них вырос. Его отец Аслан Пиросманашвили был знатным садоводом, которого знала вся Кахетия. Конечно, он мечтал, что сын пойдет по его стопам. Но когда будущему художнику исполнилось восемь лет, отец умер. Вскоре не стало и матери. Нико и две его сестры, чтобы как-то прокормиться, пошли в услужение к богатым тифлисам. Но потом умерла старшая сестра, Мария. Нико с младшей, Пепуцей, вернулись в деревню — на землю. Нико стал деревенским пастухом. Пока его телята пощипывали траву, он учился читать. Книжки захватили. В четырнадцать лет он начал рисовать. Но откуда в грузинском селе бумага, краски, карандаши?..

Влекомый жаждой знаний, он прощается с родным селом Мирзани, сестрой Пепуцей, телятами и уезжает в Тифлис. Три года работает тормозным кондуктором на железной дороге. Тогда это был нелегкий труд, требующий крепкого здоровья, физических сил. Этого у Пиросмани не было. Был талант, который искал выхода. Нико уходит с железной дороги и открывает молочную лавку. По стенам лавки брели яркие коровы и телята, которых он гонял на пастбище. Первая крупная роспись — сам Нико считал ее началом своей работы.

Судьба ненадолго улыбнулась. Казалось, можно не бедствуя писать. Но... О, это «но» в судьбе художника! Чаще всего оно бывает связано с женщиной.

Женщину звали Маргарита. Легенда гласит, что она была француженкой — танцовщица кафешантана, певица...

Кому вы разбили сердце, мадемуазель Маргарита? Чье скромное состояние вы прикарманили, одарив на прощание черноглазую ложью? Вы дурачили, молочника. Но и молочнику с крахмальным сердцем, наверно, не выдержать такого удара. А художнику...

Нико был разорен, это понятно. Не это страшно. Страшно то, что душа его закрылась, он перестал смеяться, стал угрюмым, немногословным.

Вот стоит перед нами «Актриса Маргарита» — его Джоконда, Венера, Даная. Белая — на черном фоне своей подлости. Чистая и святая, как видел ее художник. Художники не мстят. Белый цвет — любовь и чистота. Он написал ее, как говорится, в один заход. Безошибочно, без каких-либо набросков, а сразу кистью Нико нарисовал ее лицо и фигуру. Она стоит, белолицая и черноглазая, руки

ее полураскинуты, словно она собирается обнять художника, губы полураскрыты, как если бы они произносили то слово, которое мечтал услышать художник. Один из тысячи букетов, подаренных Нико, никогда не завянет в ее руках. Птицы садятся к ней на плечо...

Одно из лучших полотен Пиросмани, «Кутеж трех князей», было написано по заказу. Но князя Гульбатова и князя Чавчавадзе были оскорблены, сочли насмешкой и уродством работу художника. И вернули ее, не заплатив. Вот уж поистине уродство! После этого Нико сказал: «Богатые меня не любят, у них есть другие художники».

Простой люд...

Взгляните еще раз на пиросманиевских «Повара» и «Рыбака», «Дворника» и «Грузинку с бубном», «Кормилицу с ребенком» и «Мальчика на осле». Что отличает, точнее, что объединяет их все, как, впрочем, и портреты зверей — жирафа, льва, оленя, медведя... Цвет? Ирония? Статика изображения? Может быть, с точки зрения аналитической, искусствоведческой. Но мы воспринимаем искусство душой, чувством, во имя которых оно и существует. И не статичность, а вот что отмечает она, душа, объединяющее во всех картинах этих — достоинство. Человеческое, природное достоинство — стержень души. Достоинство — то, что делает человека. Не профессия. Пиросмани писал не внешнюю фактуру, как бы она ни была привлекательна в его работах. Пиросмани писал самое главное и самое хрупкое, что часто подвергается унижению и поруганию, но существует вечно и неистребимо, — достоинство.

Думаю, именно высокое человеческое достоинство и помогло самому Пиросмани безгрешно пройти его горькую жизнь.

В том же 1912 году в грузинских и русских газетах были напечатаны первые статьи Ильи Зданевича о Пиросмани. В них говорилось и о бедствиях художника. Зданевич обращался к тбилисской и русской интеллигенции с призывом собирать и хранить его работы.

Приехав в Москву, братья Зданевичи показали организаторам выставок три картины — «Кутеж мушей», «Олень» и «Красавица Ортачала». Картины были приняты на выставку, и зимой 1912/13 года Москва впервые увидела Пиросмани. Успех был небывалый. Особенно в среде художников. Вот что писал Илья Зданевичу один из блистательных русских художников начала века, Михаил Ларионов: «...У нас выходит сборник о выставках и художниках, участвующих в них, последних двух лет в

Москве. Я вас покорнейше прошу дать мне статью о Нико Пиросмани. Прошу вас именно это, потому, что знаю, у вас имеются материалы.

...Чудесного и необыкновенного Нико Пиросмани побольше (мы его так полюбили)...»

Наступивший 1913 год благосклонен к Пиросмани. Его узнают в Москве и Петербурге. Он обретает популярность на родине. Но все это относительно. Жизнь художника не изменилась. Он по-прежнему беден. Это его образ жизни — бедность и благородство. Из этой жизни не выпрыгнуть. Выход один — писать.

Первая мировая война умножила его житейские беды, неустроенность.

Война всегда вроде разлучницы, она вынуждает людей отворотить глаза от искусства и надолго устремить взоры на раны и несчастья. Но как ни жестока жизнь, она не в силах закопать талант. И ослабевший от постоянного недоедания, заброшенный Нико все же вспыхивал время от времени и даже при нехватке материалов создавал шедевры. «Белый медведь с медвежатами», «Праздник в Болниси», «Пьющая лань», «Священник на осле», «Кахетинский эпос» — вот главные вещи того трудного периода.

В 1916 году Пиросмани пригласили на собрание Союза художников Грузии. Его приняли ласково, добро,

с почтением, доходящим до почитания. Нико был скромен и достоин, как всегда. Несколько художников рисовали его. Но, как вспоминает один из участников этой встречи, никому не удавалось схватить и запечатлеть его облик — слишком велика была в нем духовность, она соперничала с внешним обликом и подчиняла себе.

Большинство выступавших воздавало хвалу художнику и великой грузинской земле, родившей такого сына. Но были и укоры в адрес Нико. Что на них, что на хвалу Пиросмани реагировал одинаково спокойно, то есть не реагировал никак. В конце собрания Нико сказал: «...Нам нуж-

но построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться, купить большой стол, большой самовар, будем пить чай, много пить, говорить о живописи и об искусстве...»

Он хотел жить. Но жизнь уже отвернула от него свое лицо актрисы Маргариты. Союз художников несколько раз при всей своей бедности помогал Пиросмани. Пусть немного, почти символически, но все же в этом было рукопожатие, неравнодушие.

«Здоровье меня оставляет, я вижу плохо», — сказал он молодым Давиду Какабадзе и Ладю Гудиашвили, которые его с трудом разыскали. Две доски служили ему постелью, пустые винные бочки загромождали и без того небольшую пристройку под лестницей, где он ютился. Нико был грустен, не принял денег. Он чувствовал, что дни его сочтены.

Весной 1918 года он забрел в подвал одного из домов на Молоканской улице и лег на пол... Через три дня в подвал совершенно случайно спустился Арчил Майсурадзе. Он не узнал Нико и закричал от неожиданности. Нико назвал себя. «Мне плохо. Три дня я здесь лежу и не могу выйти». Арчил пригнал фаэтон и отвез Нико в больницу. На другой день его не стало...

Если вы не видели, мне бы очень хотелось, чтобы сейчас, немедленно вы посмотрели «Пиросмани». Нет, не картины его — с картинами, раз уж мы встретились, то не расстанемся никогда. Не картины — фильм. Таких фильмов мало. Так же мало, как

АКТРИСА
МАРГАРИТА.

КОСУЛЯ
НА ФОНЕ
ПЕЙЗАЖА.

ГУМНО.

Продолжение на вкл. 3—4

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН

(Игорь Васильевич ЛОТАРЕВ)

1887—1941

Родоначальник эгофутуризма.
На одном из вечеров поэзии
в Москве был избран
«королем поэтов»,
несмотря на присутствие Блока
и Маяковского. Популярность
Северянина была неописуемой,
правда, недолго.
В его стихах причудливо смешаны
манерность, щегольство
неологизмами и недюжинное
поэтическое дарование.
У стихов Северянина не отнимешь
одного — они похожи только
на стихи Северянина.
Умер в Прибалтике,
перед смертью приветствуя
«шестнадцатиреспубличный Союз».

МОРОЖЕНОЕ ИЗ СИРЕНИ

— Мороженое из сирени!
Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре
копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль? не
дорого — можно без прений...
Поешь деликатного, площадь:
придется товар по душе!
Я сливочного не имею, фисташковое
все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы
требуете крем-брюле?
Пора популяризировать изыски, утончиться
вкусам народа,
На улицу специй кухонь, огимнив
эксцесс в вирелэ!
Сирень — сладострастия эмблема.
В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце,
в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени!
Мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй!
Ей-богу, похвалишь, дружок!

Сентябрь 1912.

УВЕРТЮРА

Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо
и острó!
Весь я в чем-то норвежском!
Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь
за перо!
Стрекот аэропланов! Беги
автомобилей!
Ветропрóсвист экспрессов! Крылолёт
буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то
побили!
Ананасы в шампанском — это пульс
вечеров!
В группе девушек неранных, в остром
обществе дамском

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Я трагедию жизни претворю
в грезифарс...
Ананасы в шампанском!
Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из
Нью-Йорка — на Марс!
Январь 1915.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЕГИЯ

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне.
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день — и было скучно,
Как всё, что только не во сне.

1909.

РУССКАЯ

Кружевеет, розовеет утром лес,
Паучок по паутинке вверх ползет.
Бриллиантится веселая роса.
Что за воздух! Что за свет! Что
за краса!
Хорошо гулять утрами по ослу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом:

«Ха-ха-ха!»

Ах, люблю бесцельно утром
покричать,
Ах, люблю в березках девку
повстречать.
Повстречать и, опираясь на плетень,
Гнать с лица ее предутреннюю тень,
Пробудить ее невыспавшийся сон,
Ей поведать, как в мечтах я вознесен,
Обхватить ее трепещущую грудь,
Растолкать ее для жизни как-нибудь!

Февраль 1910.

КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил
в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грезы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные

в гроб!

1925

Е. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА

(Елизавета Юрьевна ПИЛЕНКО)

1891—1945

Кто знает, осталась бы ее поэзия
в нашей памяти,
если бы Мать Мария не совершила подвиг
в гитлеровском концлагере,
когда она вошла по своей воле
в газовую камеру
вместе с другими женщинами и детьми, чтобы
облегчить их участь в последние мгновения.
Этот подвиг легендарен, и поэтому то немногое,
что осталось от ее стихов,
написанных в годы оккупации Франции,
драгоценно как человеческий документ.
Но еще совсем молодой девушкой
она обратила на себя внимание Блока,
посвятившего ей стихи, и, наверное,
не только потому,
что она была молода и красива,
а потому, что и в ее глазах,
и в ее строчках светилась та нравственность,
которая помогла ей не поставить
чужие жизни выше своей в момент
последнего выбора.

«ДУХОВ ДЕНЬ» Из поэмы

...И я вместила много; трижды —
мать,—
Рождала в жизнь, и дважды в смерть
рождала.
А хоронить детей, как умирать.
Копала землю и стихи писала.
С моим народом вместе шла на бунт,
В восстании всеобщем восставала.
В моей душе неукротимый гунн
Не знал ни заповеди, ни запрета,
И дни мои, — коней степных табун,
Невзнузданных, носились. К краю
света,
На запад солнца привели меня,
И было имя мне — Елизавета.

...Шуми и падай, белопенный вал.
Ушкунник, четвертованный Емелька,
Осенней ночью на Руси восстал.
Русь в сне морозном. Белая постелька
Снежком пуховым занесет ее
И пенем убаюкает мятелька.
Солдат, чтобы проснулась, острием
Штыка заставшуюся пощекочет.
Он точно знает ремесло свое, —
И мертвая, как встрепанная, вскочит,
И будет мертвая еще плясать,
Развеваяши волос седые клохья...
Звон погребальный... Отпевают мать...
А нам, ее оставшимся волчатам,
Кружить кругами в мире и молчать,
И забывать, что брат зовется братом...
За четверть века подвожу итог,
Прислушиваясь к громовым
раскатам...

Глаза сощурив, спину выгнув, тигр
Его ударил лапою. Шакала
Я рядом вижу. Вместо летних игр
И плясок летних, летней же порою
На древнем месте новый мир воздвиг
Победоносный зверь. И стал тюрьюмою
Огромный город. Сталь, железо, медь
бряцают сухо. Все подвластно строю...
О, пристальнее будем мы глядеть
В туманы смысла, чтоб не ошибиться.
За тигром медленно идет медведь,
Пусть нужен срок ему расшевелиться,
Но, раз поднявшись, он не утомим, —
Врага задушит в лапах. Колесница
Медлительная катится за ним.
Тяжелым колесом живое давит.
Не тяжелей ступал железный Рим.
Кого везет? Кто колесницей правит?
Где родина его? Урал? Алтай?
Какой завет он на века оставит?
Тебя я знаю, снежной скорби край.
В себе несущей твоей весны напевы.
Тебя зову я. Миру правду дай.

1942.

О, многое откроется сейчас
Неясно все. Иль новая порода
И племя незнакомое среди нас
Неведомый закон осуществляет,
И звонко бьет его победный час?
Давно я вглядываюсь. Сердце знает
И то, чего не уловляет слух.
И странным именем все называет.
В Европе, здесь, на площади, петух,
Истерзанный петух разбитых галлов,
Теряет перья ключьями и пух...
Нет, не змея в него вонзила жало,

ПЯТАК В ОПАЛЕ

Долгое время я был уверен, что, имея обыкновенный пятак в кармане, можно совершенно свободно разъезжать на всех видах транспорта по всем городам страны. Однако в недавнюю поездку на курорт попал впросак. Оказалось, что в Сочи на автотранспорте внедрены специальные талоны, места их продажи приезжему удастся выявить не сразу. А пятак за оплату проезда не берут в автобусе ни кондуктор, ни кассаводомат. Вот и приходилось порой ездить зайцем.

Хочу спросить: не стоит ли унифицировать способ оплаты за проезд на всех видах городского транспорта, причем по всей стране?

К. ГРИВЧАУСКАС

Рига.

ЦВЕТЫ КРУГЛЫЙ ГОД

Осенью попала я на популярный цветочный базар у станции метро «Белорусская». Покупка цветов — всегда праздник, и хотя лужи уже прихватило перлым ледком, здесь было весело и многолюдно. Розы, гвоздики, хризантемы с Кавказа и из Крыма, георгины и астры из Подмосквы радовали глаз первозданной свежестью. А вот продавцы, в основном пожилые женщины, выглядели не столь привлекательно: попробуй-ка постоять весь день на холоде да на ветру!

Цветочный базар работает до восьми часов вечера, а позвольте, как сообщила контролер рынка Елена Максимовна, продать букет — это уже проблема. То есть, проще говоря, цветочники разлучают с покупателем как раз в наиболее удобное для горожан вечернее время.

Сейчас, когда на дворе зима, мороз совсем прогнал их с улиц. Но семейные и прочие праздники ни в какую стужу не отменяются. В государственной же торговле цветов на всех желающих не хватает. Попробуйте в новогодний вечер купить в магазине или киоске свежий цветок! Улыбаются несбыточной фантазии?

Почему бы не подумать, как более уютно на зимний период устроить эти базары близ станций метро и подземных переходов, чтобы не коченели ни цветы, ни люди?

В. МАКСИМОВА

Москва.

1917 • 1987

В СЕМНАДЦАТОМ ГОДУ КОНСТАНТИН СУХАНОВ СТАЛ ПЕРВЫМ ПРЕДСЕДЕТЕЛЕМ ВЛАДИВОСТОКСКОГО СОВЕТА. ПО РАБОТЕ МОЛОДОГО ВОЖАКА МАСС В СЛОЖНЕЙШЕЙ ОБСТАНОВКЕ МОЖНО БЫЛО СУДИТЬ О НЕЗАУРЯДНОСТИ ЕГО ЛИЧНОСТИ. СУХАНОВ НЕ ДОЖИЛ И ДО ДВАДЦАТИ ПЯТИ, ПАВ ЖЕРТВОЙ ВРАГОВ РЕВОЛЮЦИИ...

СЛОВО ЧЕСТИ

Константин Суханов.

Павел ДЕМИДОВ

Теперь это выражение почти не употребляется в разговорной речи. А когда фраза уходит из бытового языка, это означает, что в ней не стало нужды. Не стало причин, которые рождали бы в ней потребность, не стало обстоятельств, поддерживающих ее стойкость, не стало, наконец, поступков и действий, характеризующих ее. Так по идее. Но всегда ли так по жизни?

Слово чести. Я имел в виду именно эту фразу, принимаясь за статью. Хотя на первый взгляд есть некая несочетаемость рубрики, юбилейно-торжественной, настраивающей на высокий лад, и предмета размышлений. Слово чести. Чье? Кому? И вообще, повод ли? Ибо встает за ним хрестоматийный образ дворянской России, сословия, коему якобы единственно честь была превыше всего. А зря. Не от голубых кровей — из самых глубин народных идет напутствие юным: береги честь смолоду. Стало быть, равно береги и слово чести. Как-то забылось, что есть у этого понятия иной смысл, куда более возвышенный и чистый. Берущий исток в благородстве души, в верности идеалам, в убежденности и бескорыстии. Не согласен — и потому не могу. Или, напротив, убежден — и на том буду стоять. Вот что есть слово чести. А как-то забылось...

Мне представляется разговор этот особо созвучным нынешней поро — поро обновления, и прежде всего нравственного, поро очищения, духовного прежде всего. И я вновь к слову чести. В его последнем, более всего близком моему сердцу значении.

В бескомпромиссное и суровое время революции, как, собственно, и во все времена, были люди, чья высокая духовность, наследованная от поколений, являла образцы удивительные

в своей приверженности идее. Об одном из таких людей я и хочу рассказать.

Когда-то о нем сказал Сергей Лазо: «Вот человек, который знает, что делать, как жить». Лазо было в ту пору восемнадцать лет, он лишь нащупывал дорогу революционной борьбы. А человек, который уже знал, что делать и как жить, был его ровесником. Они встретились на одной из студенческих сходов. Сергей Лазо — от технологического института, Константин Суханов — от Петербургского университета. Они не познакомились: Сергей слушал, Константин выступал с речью. Потом их дороги пройдут совсем рядом — по Дальнему Востоку, но силой только случайных обстоятельств не пересекутся. В двадцатом во Владивостоке выступит с речью Лазо, но Суханов не услышит его: вот уже полтора года, как его не будет в живых. И Лазо скажет о нем: «Мы должны вспомнить первого председателя Владивостокского Совета, погибшего товарища Суханова. Многие здесь знают его твердую волю и светлый ум, знают, что он был вождем владивостокского пролетариата... Он исполнил свой долг и стоял на своем посту до конца». Они так и не познакомились, Лазо и Суханов, хотя были так близко друг от друга... Но я не о символических случайностях — о реальной закономерности, вытекающей из сказанного о Суханове-студенте и подтвержденной дальнейшим.

В ноябре 1917 года рабочий и солдатский Владивосток избрал Константина Суханова председателем своего Совета. Пройдет совсем немного времени, и город превратится... У советского историка и публициста К. Харнского об этом сказано так:

«Этот скромный и окраинный город был тогда похож на какую-нибудь балканскую столицу по напряженности жизни, на военный лагерь по обилию мундиров. Кафе, притоны, дома христианских мальчишек, бесчислен-

ные, как клопы в северном доме, спекулянты, торгующие деньгами обоих полушарий и товарами всех наименований. Газеты восьми направлений и еще большего количества источников дохода.

Морфий и кокаин; проституция и шантаж; внезапные обогащения и нищета; мчащиеся автомобили; кинематографическая смена лиц; литературные кабачки, литературные споры, литературная и прочая богема. Напряженное ожидание то одного, то другого перехода. Мексиканские политические нравы. Парламенты. Военные диктаторы. Речи с балканов.

Обилие газет и книг из Шанхая, Сан-Франциско и откуда угодно, английский язык, «интервентские девки». Мундиры чуть ли не всех королевств, империй и республик. Лица всех оттенков, всех рас до американских индейцев включительно. Белогвардейцы и партизаны, монархический клуб рядом с митингом левых. Взаимное напряженное недоверие.

Американские благотворители. Шпионы. Взлетающие на воздух поезда в окрестностях. Пропадающие неизвестно куда люди. Проекты и прожектеры. Бесконечные слухи, то радостные, то пугающие, слухи, которыми, казалось, был пропитан воздух. И полная изолированность от Москвы, превратившейся во что-то сказочное, недоступное, более далекое, чем Нью-Йорк или Лондон... А над всем этим интервентский кулак.

Вообразите себе худший тип прежней Одессы, вообразите себе горы вместо степей и изрезанный, как прихотливое кружево, берег вместо прямой линии, перенесите все это куда-нибудь за восемь тысяч верст от Советской земли, отдайте одну улицу белым, а другую красным, прибавьте сюда по полну, по роте солдат разных наций, от гололобых шотландцев до аннамитов и каних-то неведомых чернокожих — и вот Владивосток — переходных времен.

Таким же, с изменениями то в одну, то в другую сторону, он оставался все время с 1918 по 1922 год».

К этому эмоциональному фону следует добавить конкретные исторические реалии. Восемь иностранных консульств, и каждое, явно или скрытно, равно враждебно к молодой пролетарской власти. Существующие параллельно с Советом городская дума и земство — тоже враги, только внутренние. Особо присталь-

ный интерес Америки и Японии ко всему, что делается в городе, интерес, доходящий до прямых вторжений в его жизнь. Последнее — весьма прозаично. Владивосток, как ни покажется это странным, был в то время самым богатым городом России. В его порту скопилось около пятидесяти миллионов пудов грузов из-за океана — продовольствие, военное обмундирование, оружие. Все это добро предназначалось царской армии для войны против Германии.

Февральской революцией союзники царской России по Антанте могли не опасаться: лозунг Временного правительства — «Война до победного конца» — их вполне устраивал. Но лозунг оказался временным, как само правительство. Октябрьская же революция провозгласила: пролетарская Россия не намерена воевать. Ни с кем. Никогда. Это наш принцип, наше слово чести. Стало быть ждать, когда боеприпасы арсеналов Владивостока станут рваться на русско-германском фронте, не приходится. Чего же тогда ждать? Пока Советы обернут все это богатство к собственной пользе? Или, не дай бог, против его прежних владельцев, буде последние заявят права на Дальний Восток?

Так Владивосток оказался в зоне особого внимания и американцев, и французов, и англичан. Ну и, разумеется, японцев — растущий империализм Страны восходящего солнца никак не мог утратить свой голод. Сохранилась телеграмма посла США в Японии Морриса госсекретарю Лансингу, датированная 17 января 1918 года: «Я бы предложил на рассмотрение министерства, чтобы «Бруклину» было указано оставаться в Иокогаме, готовым направиться во Владивосток, если положение там будет угрожающим. Это дало бы возможность адмиралу Найту действовать без промедления...». (Для справки: Найт — командующий Тихоокеанской эскадры США, впоследствии глава союзнической миссии во Владивостоке.) Нужно отдать должное будущим интервентам — планы свои они выполняли исправно. На рейде бухты Золотой Рог один за другим самолично бросают якоря крейсера «Суффолк», «Асахи», «Ивами», а затем и «Бруклин».

Это, быть может, несколько странное отступление в историю показало мне уместным, чтобы, с одной стороны, приблизить читателя к тем реалиям, которые, возможно, не были ведомы ему в таких подробностях, а с другой — чтобы он зримо мог представить всю сложность обстановки, в фокусе которой оказались Владивостокский Совет и его председатель Суханов. А руководителем власти, господствовавшей тогда в городе, было всего двадцать три года. И это было время решений. Причем решений подчас немедленных, ибо отдаленность от центра, ненадежность средств связи, изменчивость оперативной обстановки предъявляли требования особые, и прежде всего зрелость и твердость. А тому, кто сполна должен был отвечать этим требованиям, было, повторяю, всего двадцать три года.

На экономическую жизнь Владивостока во многом влиял тогда так называемый биржевой комитет из крупных промышленников и торговцев. Большевики еще не могли провести повсеместную национализацию, и поэтому приходилось искать приемлемые формы взаимодействия с частным капиталом, который, разумеется, творил жизнь по своим законам. А закон один — делать все, что во вред новой власти. Одни заводы и рудники неожиданно закрывались, на других адрог снижались расценки, на третьих проводились массовые увольнения. Иные хозяева старались тайно продать свои предприятия иностранцам. Словом, хватало всего.

Большевики Приморья самоотверженно боролись против контрреволюции. В январе 1918 года был создан областной совет рабочего контроля над производством и распределением. Буржуазный Владивосток ответил на это саботажем. Утром следующего дня горожане не смогли купить хлеб, сахар, чай, ибо частные лавки и магазины оказались в большинстве закрыты, а в тех немногих, что продолжали работать (и это тоже было сделано умышленно), цены поднялись вдвое и выше. Государственная торговля еще не могла удовлетворить все запросы. В городе создавалась критическая обстановка. 23 февраля газета «Красное знамя» писала, что продовольствия осталось на 5—7 дней. Именно такой ситуации ждали интервенты — использовать ее как повод ввести в город войска «для поддержания порядка и безопасности иностранных подданных».

Совет рабочего контроля обратился в те дни к биржевому комитету: «Трудящийся народ поднимет перчатку, брошенную вами, и говорит: он будет бороться с вашим произволом до последних сил, ибо он верит, что с ним все беднейшее население, обобранный вами до нитки и уже не могущее платить вам сумасшедших сверхприбылей, он должен или сломить ваши аппетиты, или... умереть с холоду и голоду». Предупреждение не возымело действия, и тогда Суханов отдает приказ арестовать председателя комитета и трех его старшин.

Это был акт чрезвычайной остроты и силы. Он вызвал замешательство даже в Совете. Кое-кто дрогнул, испугавшись возможных контрмер (консульский корпус, например, предъявил Суханову ноту, которой тот не принял). Кто-то усомнился в целесообразности ареста, а кто-то и в его законности. Состоялось заседание исполкома. Вопрос один — действия председателя Владивостокского Совета и председателя Революционного штаба по борьбе с контрреволюцией Суханова. По сути, вопрос о доверии.

Большинством в два голоса исполком постановил считать арест биржевиков неправильным и из-под стражи их освободить. Суханов потерпел поражение.

Кому как, лично мне не доводилось оказываться в подобном положении. Случалось, конечно, оставаться в меньшинстве, но то бывали ситуации не экстремальные, как принято теперь говорить, не столь уж принципиальные и тем более не жизненно важные. Бытовые, скорее, ситуации. Потому не берусь судить с позиции «будь я на его месте...» — лишь изложу дальнейшее развитие событий.

Константин Суханов и его заместитель по Революционному штабу Петр Никифоров, он же председатель совета рабочего контроля, сделали следующее заявление:

«В настоящий момент классовая борьба в России достигла крайнего напряжения. Рабочий класс делает последние усилия, чтобы отстоять завоеванные Октябрьской революцией ценности, во имя которых идет теперь ожесточенная борьба.

Стоя на точке зрения защиты этих ценностей, часть исполнительного комитета была готова принять все последствия этой защиты».

В местной борьбе за право введения рабочего контроля были применены меры, которые применяет пролетариат в центре.

За сопротивление контролю и за призывы не подчиняться постановлению Советской власти был арестован президиум местного биржевого комитета.

При обсуждении вопроса об аресте на заседании Объединенного исполнительного комитета большинством в два голоса было постановлено считать арест не достигающим цели и арестованных освободить.

Считая, что большинство исполнительного комитета уклонилось от позиции, занятой пролетариатом России, мы не считаем для себя возможным оставаться в исполнительном комитете и слагаем с себя полномочия».

Иными словами, отставка.

Непривычный и сегодня, тогда поступок этот вовсе выглядел антиобщественно. Казалось бы, покончено с проклятым прошлым, отряхнут прах его с наших ног, но кому-то, видно, оно очень дорого, коль он пытается жить по прежним законам. И кто? Вождь новой, пролетарской власти, большевик, он, словно театральная примадонна, капризно надувает губы: «Ах, не по-моему? Тогда уходи!»

Пришлось услышать и не такое. И не только от врагов. В самом деле, уязвленное самолюбие — разве же это не убедительное объяснение поступку? Или просто страх. Перед сильным противником, перед настоящей и будущей ситуацией, которую не сможет изменить, а отвечать придется. Или опасение, что отныне будет не в состоянии руководить Советом, а это, кстати, тоже весьма вероятно.

Истина же, мы вскоре убедимся, состояла в одном. Подчиниться решению исполкома для Суханова было равнозначно уклонению от позиции, занятой всем пролетариатом России. Позиции, которой он присягнул на верность, без громких фраз, внутренне, всей своей жизнью, дал, по сути, слово чести. Изменить или отменить решение исполкома он не мог. Оставалось уйти.

Но это сегодня, это мы, погружая взгляд в прошлое, зная, что было потом и что было после потом, это мы, с нашим историческим опытом, можем судить о правых и неправых, да и то нередко погрешая. А тогда? И сколько же требовалось мужества — именно так! — чтобы пройти через все, выдержать, вынести, не поддаться. Выдержал. Вынес. Истинная, а не мнимая правда жизни доказала его правоту. Во Владивостоке собрался чрезвычайный пленум Совета. Он обсудил заявление об отставке. И постановил:

«Забастовку торгово-промышленников считать преступной и возмутительной, направленной против интересов малоимущего и неимущего населения г. Владивостока, поэтому необходимо принять самые решительные меры для скорейшего открытия всех магазинов и в дальнейшем продолжать самым энергичным образом проводить в жизнь рабочий контроль».

Арест четырех контрреволюционеров из состава биржевого комитета признать правильным, как акт, диктуемый нынешним состоянием революции, а постановление большинства Объединенного исполнительного комитета об их освобождении признать неправильным, против чего выразить этому большинству протест и порицание.

Действия Суханова и Никифорова признать правильными и в интересах революции просить их немедленно же возвратиться в ряды Объединенного исполнительного комитета и Военно-революционного штаба и впредь продолжать свою деятельность в том же духе».

И они вернулись. И продолжали свою деятельность. Хочу добавить: жизнь еще не однажды поставит Суханова перед жесткой проблемой выбора, и всякий раз он проявит такую же стойкость. Не дойдет, правда, до отставки, но, быть может, как раз благодаря тому, что однажды он уже поступил так и победил. Он не оставил после себя мемуаров, где поделился бы мыслями и взглядами на происходящее. И коллективная память современников, к сожалению, оказалась скупа на подробности о нем. Видно, не до того было в те поры, не об увековечении собственном и соратников своих пеклись отцы нашей революции — о самой революции. Жаль, конечно, что сегодня, пытаясь постичь минувшее, понять, как это было, иное приходится и домысливать, анализируя, но, возможно, и к лучшему оно — иначе как научиться осознать? А без этого — ни своего отношения к прошлому, ни позиции в будущем и настоящем.

Возвращаясь к нашему герою и его поступку, хотелось бы предварить чи-

тателя от возможного впечатления о Суханове как о человеке, всегда и заведомо уверенном в своей правоте. Вспомним и Сергея Лазо о нем: «знает, что делать, как жить». Суханов действительно знал. Именно это знание развело их дороги с отцом, крупным царским чиновником, убежденным монархистом, но таким же неподкупно честным, верным своему долгу человеком. Именно оно, это знание, привело петербургского студента в Российскую социал-демократическую партию, поставило организатором Инициативной группы марксистов, сделало вождем и любимцем пролетарского Владивостока. И когда возник вопрос, кому возглавить городской Совет, вопроса не было — конечно же, Константину Суханову. Все звали его только так: наш Костя.

Казалось бы, абсолютный авторитет, безграничная власть. Как, в самом деле, легко уверовать в свою непогрешимость, особенно если поставлен творить благо. Как легко простить себе при этом и слезы чужие, и чужое горе, приносимые тобой. И как легко забыть, что добро, творимое насильно, — не добро уже в основе своей. Суханов не забывал. И потому самые жесткие из его поступков были те, что либо касались его лично, либо ставили его вровень с остальными.

29 июня 1918 года во Владивостоке вспыхнул мятеж. Легион белочехов (из пленных первой мировой войны, которых Советское правительство отпустило на родину) выступил на стороне интервентов, и Совет был низложен. Суханову предъявили ультиматум: капитуляция или арест. Так он и его товарищи оказались в тюрьме.

4 июля рабочий Владивосток хоронил погибших во время мятежа. Кстати, это был национальный день независимости Соединенных Штатов, и на рейде Золотого Рога стоял с расчехленными орудиями и украшенный флагами крейсер «Бруклин». Город потребовал отпустить Суханова на эти похороны, пригрозив всеобщей забастовкой. Об этом написал американский журналист Альберт Р. Вильямс, очевидец этого события:

«Внезапно по толпе пронеслась весть, что Константина Суханова выпустили под честное слово до 5 часов вечера... Пока спорили, возможно это или нет, появился и сам Суханов. Матросы быстро подхватили его на плечи и понесли над толпой. Под гром аплодисментов он взобрался на импровизированную трибуну и улыбнулся...»

Словно желая собраться с мыслями и овладеть собой, он отвернулся. Взгляд его впервые упал на красные гробы погибших в борьбе за Совет, и силы покинули его... Закрыв обеими ладонями лицо, Суханов плакал, как ребенок, на руках товарищей... Русские плачут редко. Но в тот день на городской площади Владивостока вместе со своим юным руководителем плакали тридцать тысяч русских людей...»

В тот день он произнес свою последнюю речь.

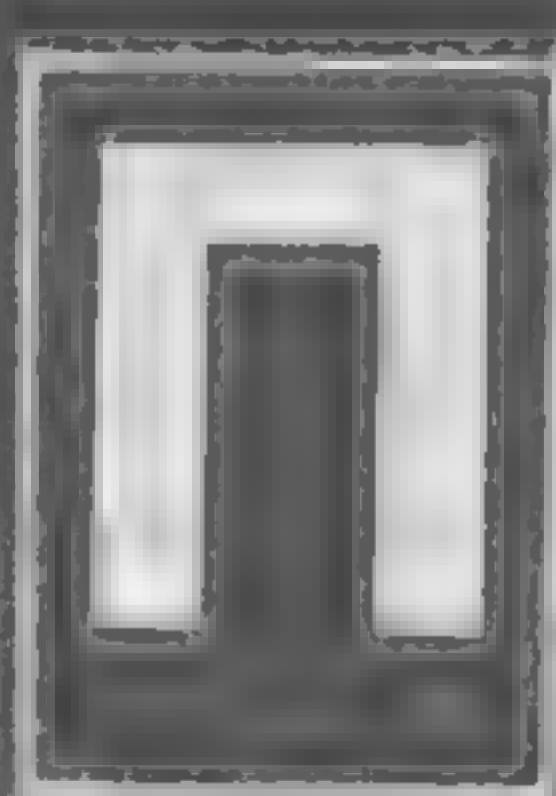
Его убили почти в упор, выстрелом в затылок. «При попытке к бегству», — утверждала официальная версия. Его убили 18 ноября 1918 года, спустя сто пятьдесят пять дней после того, когда он действительно мог бежать. Если бы считал для себя возможным. Но он дал слово чести. Пусть врагу, но — слово чести. И он сдержал его.

Не считаю для себя возможным... Это была любимая фраза Константина Суханова. И я думаю сегодня: как часто нам не хватает... мужества? честности? — пожалуй, и не определить одним словом, чего же нам не хватает, — но как часто надо бы произнести эти пять слов, пусть не всегда даже вслух, пусть только самому себе, но как бы надо...

Чтобы отстоять.

Или отказаться.

Дмитрий ВЯТИН,
Павел
КРИВЦОВ (фото),
специальные
корреспонденты
«Огонька»

о шатному расписанию они именуются горнорабочими очистного забоя. Но сами шахтеры, в которых вместе с антрацитовой пылью вьется привычка к краткости, называют человека из такой бригады иначе — «гроз». Это только с виду аббревиатура, а вообще-то очень емкое слово: в нем и грохот железа, и запах майской грозы...

Бригадир Максимову тридцать семь лет. Из них больше десяти — на шахте имени 50-летия Октября в Гукове Ростовской области. За эти годы Максимов отмахал тысячи километров на громышающем подземном вагончике, который шахтеры называют «козой», прошел — километры! — трудными лавами. Словом, знает, почему фунт этого самого уголька. Если бы не знал, то, наверное, вряд ли предложил ребятам пойти на рекорд. Да он и не агитировал даже, собрал всех однажды, спросил: сможем ли, не слабо? «Сможем!» — загудели в ответ друзья-шахтеры. Этим все было сказано. Тогда понял Максимов: ребята не подведут. И не подвели. За год, прошедший после XXVII съезда КПСС, делегатом которого он был, бригада выдала на-гора миллион тонн антрацита.

Это уже потом специалисты подсчитали, что производительность труда в бригаде возросла за год на 7,8 процента, что себестоимость тонны угля снизилась на девять копеек, а эко-

ЗАБОЕ — ГОРНОРАБОЧИЕ
ТРИГОРИЙ ФОМЕНКО,
СЕРГЕЙ БЕЛОВ
И ИВАН ГЛАВНСКИЙ.

РАБОЧИЙ ДИАЛОГ.
ДИРЕКТОР ШАХТЫ
В. С. КАРИН
И БРИГАДИР
Ю. П. МАКСИМОВ.

ТРУДН

АЯ ЛАВА

номия от снижения затрат на производство составила сто десять тысяч рублей.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, где-то там, в недрах ростовской земли, бригада пошла на свой второй миллион. Впиваются в лица маски респираторов, мельтешат шахтерские лампочки — идет работа. После смены люди сядут в грохочущие клеты, поднимутся из очистного забоя и молча потянутся в душ, чтобы смыть с пропитанных потом тел черную антрацитовую пыль.

Дома их уже будут ждать. Кому-то жена поставит глубокую тарелку дымящегося борща, сядет напротив и долго будет смотреть, как смачно уплетает варено ее единственный, самый дорогой мужик. Потом

спросит: «Ну как там ваш миллион!» А в ответ услышит: «В порядке». И в его голосе не будет ничего героического.

...Совсем недавно в бригаду принимали нового человека. Звать его Валера Коваленко. Несмотря на юные годы, Валера уже понюхал пороха, был ранен в Афганистане и награжден медалью «За отвагу». Его голова больше привыкла к стальной солдатской каске, но вот теперь Герой Социалистического Труда Кирилл Семенович Маркелов вручает ему легкую шахтерскую. Впрочем, легкая она только поначалу. «Носи, — говорит Маркелов и, по старой шахтерской традиции ударив по каске ладонью, добавляет: — И пусть все будет хорошо».

ПОСВЯЩЕНИЕ В ШАХТЕРЫ.

ПОСЛЕ СМЕНА

Петр ГРАДОВ

ОБНОВЛЕНИЕ

Обновляется!
Все обновляется!
Обновление
наших дней
с очищения душ
начинается,
и не чьих-то —
моей и твоей.

Обновляется!
Все обновляется!
В нашей стройке,
в каждом из нас
Революция
продолжается,
что в семнадцатом
началась.

Обновляется!
Все обновляется!
Победим
и застой, и лень.
Лишь одно в душе
не меняется —
наша вера
в грядущий день.

Обновляется!
Все обновляется!
Предстоит нам
немало пройти.
И пускай никто
не пытается
встать
у Времени
на пути!

ВETERАНСКИЕ Льготы

Все законно,
и спорить не стану,
лишь спасибо
сказать я хочу.
Получаю
пак ветерана,
за проезд
половину плачу.

И налоги
намного поменьше,
и путевку
бесплатно дают...
Только я вспоминаю
тех женщин,
что со мной по соседству
живут.

Ах, как молоды были
и звонки
до войны
и в военные дни.
А потом,
получив похоронки,
постарели заметно они.

Сыновей,
дочерей поднимали.
Поднимали до звезд
от земли.

О себе-то они
забывали,
о войне позабыть
не смогли.

Есть у каждого
в жизни заботы.
Но, по совести,
кажется мне,
что должны мы
отдать наши льготы
вдовам тех,
кто погиб на войне.

СОАВТОР ГОРОДА- КАЖДЫЙ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

Фото автора

З аставят улыбнуться и похожие на чертей коты, оседлавшие конек ближней крыши. Улыбку вызовет румяный поросенок, который тащит на блюде копченую вкуснятину в «свой» магазин. А еще вас подкараулят на этой улице смешной фотограф в железном цилиндре, громадная рыбина с мотоциклетными фарами-глазами... А под вечер, когда пушистый снег укроет спины и клювы ласточек, растушует силуэты котов, весело помчатся вдоль улицы перемигивающиеся огоньки фонарей. К этому часу многие уже закончат свою работу и учебу и не сразу ринутся сломя голову к автобусу, увозящему в дальний микрорайон, а не спеша пройдут вдоль сказочной улицы. Кто заглянет в магазин, кто завернет в кафе — вот светятся огни одного из них...

А теперь, когда вы поверили, что такое место может быть, назову адрес: город Шяуляй. Один из старинных и новых городов Литвы. (Вот вы меня, читатель, и поймали! Совсем зарпортовался — старинный и новый: такого, мол, не бывает. Бывает!) Шяуляйцы долго вычисляли возраст своего города и сошлись на числе 750. Город, возможно, даже старше: здесь были поселения и в более отдаленные времена. Уже в конце прошлого тысячелетия на горе Салдуве высился деревянный замок. В 1236 году здесь литовцы разбили немецких рыцарей. Год этот и приняли за дату основания Шяуляя.

...Самой сокрушительной оказалась последняя война. Когда 27 июля 1944 года Красная Армия освободила Шяуляй, город был настолько разрушен, что более или менее уцелело лишь по одному из каждых шести домов. Поэтому и стал расти Шяуляй — новый старый город.

А не все ли равно, стоит ли твоя блочная пятиэтажка на окраине Петропавловска-Камчатского, или же в поселке нефтяников близ Ямала, или в Каракумах? Жилой короб с равным успехом вписывается (а вернее, не вписывается) в любой пейзаж. Так не все ли равно, что за окном: барханы снежные или барханы песчаные? Так вот им, шяуляйцам, показалось, что не все равно.

Наверное, поэтому, когда возникла мысль вырвать Шяуляй из серости и безликости, главной задачей было научить каждого жителя любить свой город, гордиться им, ну и как следствие — научить вносить в его облик те черты, которые и заставят людей разных считать город своим, единственным.

...Вилюс Пуронас — человек редкой профессии. Я слышал, что такая должность существует во многих, если не во всех городах, но как-то не приходилось сталкиваться воочию. Вилюс — главный художник Шяуляя. В горисполкоме у него есть кабинет. Значит, с одной стороны, он лицо, наделенное определенными полномочиями, вооруженное и связанное инструкциями. С другой стороны, он творец, имеющий право быть «неожиданным»: сочетание двух начал дало интересный эффект.

Что такое городской дизайн? Как считает Пуронас, это вся та эстетическая среда, в которой мы живем. Архитекторы тоже решают подобные задачи, но многое выпадает из их поля зрения. Вот этим и должен заняться главный художник: состыковать разрывы, устранить разнотильность, продумать отдельные элементы, обеспечивающие гармонию целого. А если говорить проще, постараться безликую архитектуру недавних лет привести в божеский вид, замаскировать ее удру-

...Из такого кочана капусты можно бы наварить щей на весь город. А ласточки, что облюбовали место на одной из уличных тумб, если бы взмыли вверх, запросто заслонили бы собой солнце — так они велики. Но ласточки не рвутся в небеса, а из кочана ничего не сварить, поскольку он железный. Не годится ни в суп, ни в полет и петух, сторожащий уличные часы. И гигантская змея, изогнувшаяся над чашей возле аптеки, никого не ужалит, но никого и не вылечит. А впрочем... Может вылечить от скуки и хандры — хоть на секундочку — прохожего.

чающую монотонность. Задача, прямо скажем, не из легких, хотя и заманчивая.

Много лет назад в Шяуляе возникла мысль о создании пешеходной улицы. Всем понятно, что запретить движение автомобилей не значит создать пешеходную зону. Чем-то надо привлечь людей. Не проходить же каждый раз бесцельно, надо что-то разглядывать. Такой приманкой может стать реклама. Но сделанная необычно, с выдумкой, с озорством. Где найти средства и людей для выполнения замысла, который родился в голове художника? И вот тут шяуляйцам, не берусь уточнить, кому именно, пришла хорошая мысль: надо привлечь к делу обустройства, оформления улицы побольше людей, дать каждому возможность почувствовать себя соавтором города.

В Шяуляе есть пединститут, готовят там и будущих учителей рисования. Разве откажутся они расписать стены домов, предложи им такое? А сколько художников на предприятиях! Чем они занимаются? Лозунги иногда пишут... А если они соорудят капустный кочан, да такой, чтобы всем кочанам кочан! Главный художник дает идею, но не отнимает у исполнителя авторства. Пусть каждый проявит свою фантазию, изберет материал, доведет идею до ума. Как приятно, если твоя работа видна всем, если она будет стоять на приметном месте, вызовет улыбку! Или удивление. Но как проявить себя тому, кто пока не стал художником, еще только учится рисованию? Что ж, посильная работа всем найдется. В каждом дворе где-то прячутся мусорные баки. Страшны порою они. Ну, а если их ярко раскрасить или украсить веселым рисунком? Тема для всех одна — коты. Но какого кота ты сумеешь придумать, какой характер ему подарить — решаешь сам: ты автор! Обидно мусорный бак расписывать? Ничуть! Поскольку это не повинность, а веселое соревнование. И опять же мой труд — всем!

Но было бы несправедливо все заботы об оформлении города отдать только в руки любителей. Что же, в Шяуляе нет настоящих художников? Есть, конечно, есть. Произведения высокого класса украшают аллеи и скверы, улицы и площади города. Тут и работы Казиса Касперавичюса, скульптора-монументалиста, и его жены Бируте Касперавичене — лиричные, женственно теплые; тут и декоративные скульптуры А. Толейкиса, работы других замечательных художников. Случайно ли все это? Нет, не случайно. Этих художников в этом городе ждали, создали им необходимые условия. Как же профессионалы воспринимают «ярмарочность» города, его веселые шутки в оформлении? Сложно воспринимают, неоднозначно. Можно услышать и слово «кич» — безвкусица. Ярмарка, мол, хороша на день, на неделю — не больше. Профессионалы, наверное,

Продолжение см. на стр. 24.

Реклама с выдумкой —
приметный штрих Шяуляя

Компьютер — это так интересно!

Казис и Бируте Касперавичюсы

«Нет безликих людей. Не должно быть и безликих городов», — убежден главный художник Шяуля Вилюс Пуронас ● Форма уличного фонаря, рисунок чугунной решетки — все находится в поле зрения «дирижеров красоты».

О ЧЕМ ПИШУТ МАСЛОВУ?

ПОЛТОРА
МИЛЛИОНА
ПИСЕМ
ПОЛУЧИЛ
НОВАТОР
ЗА
ТРИ
ГОДА

Игорь
Михайлович
МАСЛОВ
разбирает
почту.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

Правда, трудно такому поверить? Но это так. А какое разнообразие адресов! Некоторые посылали конверты просто: «Маслову И. М.», или «главному агроному страны», или «академику Маслову»...

Игорь Михайлович Маслов, конечно, никакой не академик, он и агрономического образования не имеет. Он инженер, а с недавних пор на пенсии. И тем не менее за три года И. М. Маслов стал популярнейшим человеком. Его разыскивают, его беспокоят по телефону, с ним хотят встретиться, поговорить.

Что же такого сделал Маслов? Почему такой интерес к нему? Почему так много писем по его адресу: Московская область, Калининград?

И вот я в его квартире. Пенсионер молодой. На столе письма. И не только на столе — они заполнили дом.

— Письма у двери, — объясняет Игорь Михайлович, — почта только одного дня. Часто приходится отвечать и ночью. Помогают средства массовой информации, телевидение, печать, радио... Да, выступал по телевидению, свыше десяти журналов публиковали материалы о моих работах.

Маслов снимает очки.

— А все началось с огурцов на подоконнике. Зимой это не только дополнительные витамины, но и общение с живой природой, радость в доме, приподнятое настроение. Однако комнатный огурец Рытова до последнего времени был незаслуженно забыт. Сейчас у нас создан, образно говоря, всесоюзный домашний «огород». Ему не страшны никакие капризы погоды, урожай с него можно снимать круглый год, практически без материальных затрат.

— Видимо, вы заинтересовали многих любителей?

— Еще бы, таких оказалось много! Часто мне пишут люди увлеченные. А, например, многие пенсионеры, инвалиды нашли в домашнем огороде, если хотите, выход из скуки будней, у них появился качественно новый интерес к жизни...

— У вас, Игорь Михайлович, не совсем обычные помидоры: в грозди целое ведро!

— Да, но я не сразу пришел к этому. Когда я увидел, что растения при обычной посадке (с подвязкой) испытывают голодание, я стал сажать их... горизонтально, мелко прикапывая, корнями на юг.

Первый же урожай с такого куста с мощно развитой корневой системой раз в десять превысил обычный для помидоров! Тогда я начал прикапывать и несколько боковых ветвей — пасынков (я их не удаляю). Они быстро догнали в росте основной куст и тоже начали плодоносить. Теперь я получаю с одного куста до семисот плодов. А метод запатентовал. Ныне тысячи овощеводов во всех концах страны собирают по полцентнера плодов с куста.

А теперь я сажаю «лежа» и цветную капусту. Не кочаны — гиганты!..

— Есть, наверное, и еще секреты?

— Совсем из другой области. Я турист, много путешествую. Изобрел особую переносную печку. На ней можно варить, жарить, тушить, коптить, печь хлеб и пироги. Печка портативная и хитрая. И опять — сотни, тысячи писем! Дайте чертежи, поясните! Вот и поясняю. — Маслов делает жест в сторону лавины писем.

«Вы один из тех талантливых людей, которые составляют цвет русского народа, — их немало, Кулибиных, наших самородков» (Е. Копыл из Саратова).

«Я потрясен, ошеломлен» (Э. Элян, заслуженный летчик-испытатель СССР, Москва).

«...Благодарим судьбу, что есть еще в нашей стране быстрые умом, добрые душой и умелые люди, как Вы! Разносторонняя деятельность одного такого человека, талантливого и неленивого, стоит деятельности многих псевдоученых» (семья врачей Журавлевых, Коми АССР).

«Удивлена Вашей способностью жить с увлечением, поражена Вашей энергией, достижениями. Такому человеку интересно жить! Благодарю за урок жизни. Ваш пример — упрек мне за прозябание» (В. Яшина, Мурманск).

«Я инвалид войны, с трудом передвигаюсь по квартире в велокресле. Ваше выступление принесло мне радость. Вот дело, которым я могу заняться с интересом для себя и семьи. Радость от контакта с растительным миром!» (В. Алабин, Омск).

Дать радость людям, открыть им новый круг интересов — все это хорошо. Но за опытом И. М. Маслова стоит и более широкая проблема. Лю-

битель, испытывая, пробуя разные сорта томатов, выбирает лучшие. Но и этого мало. Пример Игоря Михайловича привлек к техническому творчеству других новаторов. Рабочий из Подмоскovie Евгений Александрович Гридин создает автоматическую систему по уходу за огуречными и томатными растениями в домашних условиях! Здесь и фотозащиты, и термодатчики, и автомат, подающий питательный раствор. «Умная» машина.

Десятки заводов проявили интерес и к чудопечке Маслова. Он опубликовал чертежи во многих журналах (лишившись при этом авторского свидетельства), сам рассылал их заинтересованным организациям, в том числе и в страны СЭВ, куда благодаря телевидению проникла информация о работах Игоря Михайловича.

Игорь Михайлович не останавливается на достигнутом. Мысль ищущая плодотворна. Он создал простую, использующую обычный автомобильный домкрат соковыжималку для фруктов и овощей. И снова письма, письма...

«Гибнут фрукты и овощи, а заводское оборудование годится лишь для выжимки одного стакана сока», — горюет Г. Шишкин из Тобольска.

«В Вашей конструкции все рационально, красиво, быстро. Люди скажут спасибо» (Н. Лапин из Саратова).

Такие люди, как И. М. Маслов, «возмутители спокойствия», свидетельствуют о том, что «человеческий фактор» работает в нашем народном хозяйстве, способствует ускорению научно-технического прогресса.

Конечно, читатели спросят, как отнеслись к талантливому человеку организации, наиболее заинтересованные в его изобретениях. Любитель А. П. Егоров оставил после смерти семена чудогурцов, запаянные в металлическую банку. После выступления Маслова по телевидению толпы штурмовали домик вдовы Янины Леоновны Егоровой. Сотни автомашин приезжали ежедневно в подмосковный поселок. Вдова и ее сыновья Руслан и Евгений роздали два миллиона семян! Ученые-овощеводы на предложение размножить семена ответили, что можно скрестить сорт М. В. Рытова с другим, более современным сортом. Институт, мол, не размножает, а создает сорта! Под своим, разумеется, именем...

Метод посадки помидорной рассады в положении лежа используется только в частном секторе. Даже приезжавшие к Маслову председатели колхозов и директора совхозов используют его опыт в основном на личных приусадебных участках. А в поле?

— Если мы запустим этот метод на поля, — стыдливо говорили руководители, — нам немедленно увеличат план в несколько раз. Попробуй собери тогда помидоры!

По имеющимся сведениям, только машиностроительный завод в Вятской Поляне делает печки Маслова и уже отправил в торговую сеть несколько тысяч их. Но...

— Когда я получил один из первых экземпляров печки, — с горечью рассказал Игорь Михайлович, — я пришел в ужас. Заводские конструкторы «творчески» переработали мои чертежи и создали совершенно безграмотную, но зато «свою» конструкцию. Исчезло поддувало, что препятствует горению. Копчение продуктов невозможно. Корпус составили из двух частей, он в стыке дымит. Так что название печки «Дымок» вполне соответствует замыслу заводчан. Но что скажут обо мне покупатели?

Новатор каждый раз наталкивается на сопротивление в любой форме: то некто бездарный лезет в соавторы, то некий администратор говорит «Не пущать!», то ко всему давно безразличный чиновник огрызается: «Не поднимай волну! Не возникай...»

Агроном тепличного комбината из Новоднестровска В. Д. Гадан пишет: «Давно у меня была мысль изменить технологию. Но сами знаете, как на производстве тяжело внедрять новое. Руководителям не до экспериментов, им давай план!..»

Агроном из села Глинка В. М. Унгурянц рассказывает: «Молдавия — край фруктов и овощей, но мы заинтересованы получать еще большие урожаи. Однако попытка дать дорогу Вашему методу в производственных условиях была пресечена. Во время работ по прикапыванию побегов наведалься агроном из района и заявил, что у нас не испытательный полигон!»

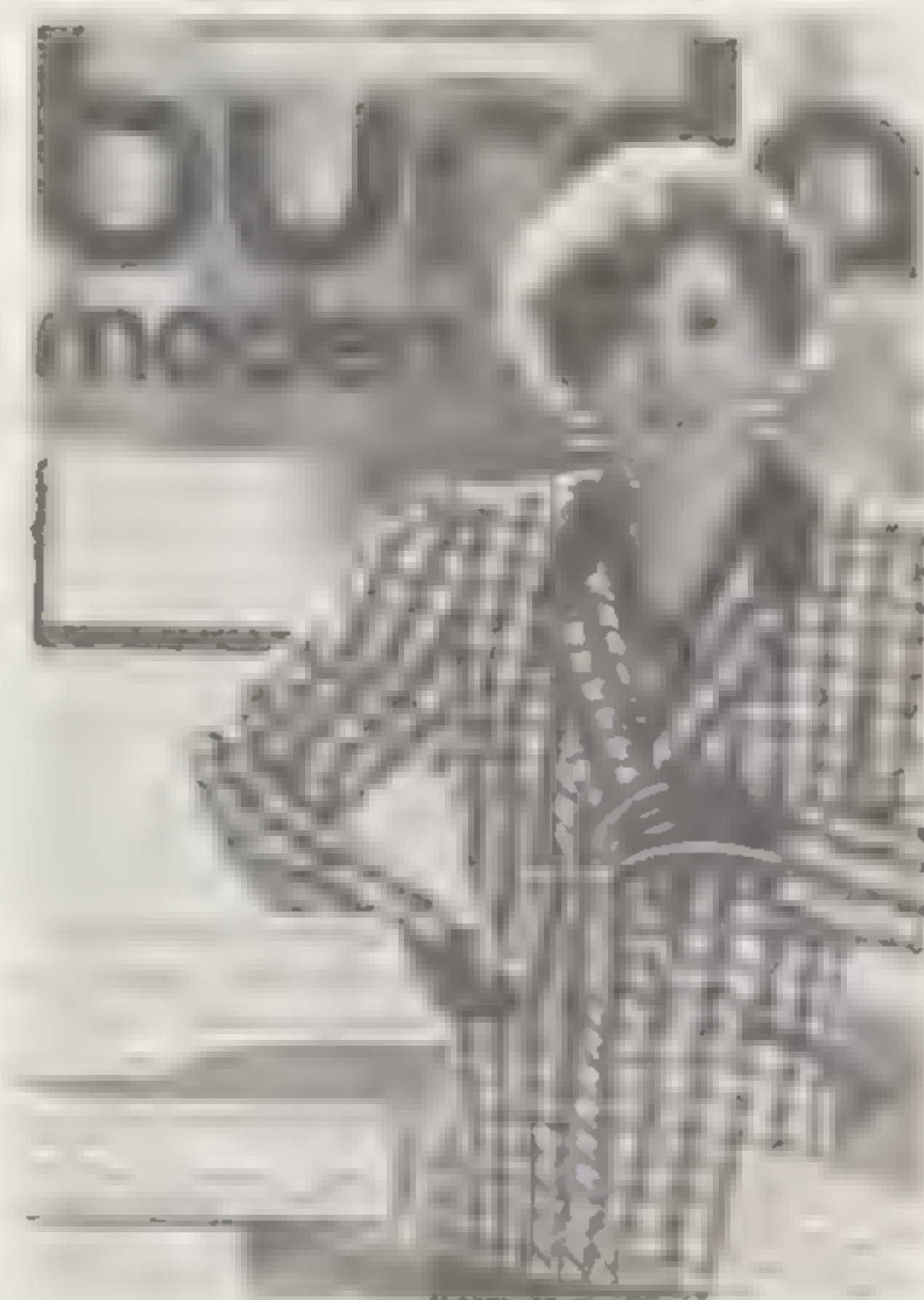
Расстаюсь с гостеприимным хозяином и с полтора миллионами писем — благодарных и требовательных, и невольно думаю: люди такого типа несут в себе заряд нового общественного отношения к общегосударственным задачам.

«БУРДА»: ЭЛЕГАНТНОСТЬ — ПРАКТИЧНОСТЬ

В мире моды есть журнал, снискавший особую популярность тем, что его модели элегантны и практичны. Западногерманский журнал «Бурда» предлагает своим читательницам вполне доступные выкройки, по которым можно шить самим. Так вышло, он стал пользоваться высоким спросом даже в странах — законодательницах мод: Франции и Италии...

Подготовлен рабочий макет издания «Бурды» на русском языке, в котором более двадцати моделей весенне-летнего сезона. С марта этого года журнал намечено выпускать ежеквартально. Умеющие шить — будьте внимательны!

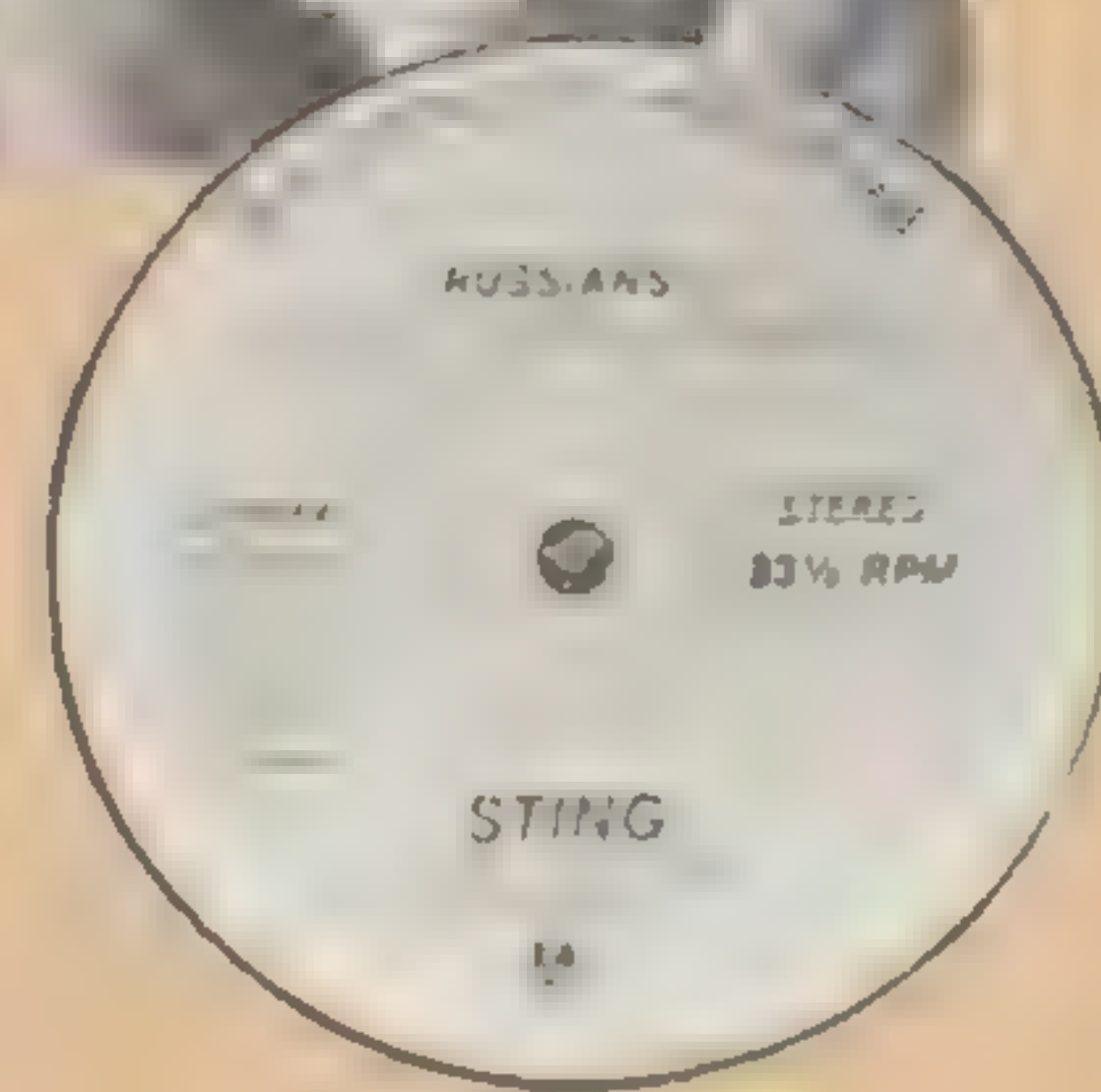
«РУССКИЕ» У СТИНГА

ТАСС

Больше мы не верим,
Что можно победить
в ядерной войне
Что мистер Рейган всех нас
защитит.
Но как не верить,
Ведь и у русских есть дети,
Как у нас...

Таковы слова песни, в мелодии которой легко угадывается одна из прокофьевских тем. С обложки пластинки несколько настороженно смотрит светловолосый человек с короткой стрижкой. Это популярный певец и основатель группы «Полис», 34-летний музыкант и композитор Стинг — автор песни «Русские», выпущенной в Нью-Йорке отдельной пластинкой.

— Толчком для написания песни стали передачи Советского телевидения, которые можно смотреть в Колумбийском университете Нью-Йорка, — говорит Стинг, настоящее имя которого Гордон Самнерс, в первом для него интервью советским журналистам. — Не секрет, для многих на Западе Россия до сих пор остается далекой, загадочной и таинственной страной. Своей песней я хотел приблизить русскую культуру к тем, кто этому не противится. «Русские» стали моей самой большой удачей за последнее время. То, что я делаю, — это попытка посеять в сердцах людей добрые семена, которые, как я надеюсь, когда-нибудь прорастут.

ИДЕТ ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

Не правда ли, похоже на кадр из какой-нибудь голливудской кинофантазии на щекоконущую нервную тему! Молодцы с вычестерами в ожидании жертвы. Но при этом никакой фантазии! Идет охота на человека, единственная вина которого — в полученном от природы цвете кожи. А происходит все, как вы, наверное, догадались, в ЮАР. Жестокое насилие по отношению к черным и «цветным» стало повседневной практикой в этом государстве. Ежедневные аресты и пытки тысяч противников расовой сегрегации, в том числе детей, расстрелы демонстраций, ограничения на работу печати еще раз доказывают: реформировать апартеид невозможно, его необходимо уничтожить.

TIME

НАПАДЕНИЕ — ЛУЧШАЯ ЗАЩИТА

Радарные установки непрерывного слежения, склады с боеприпасами, аэродромы за колючей проволокой, батареи мешков с песком вокруг палаток и солдаты в форме отрядов Национальной гвардии США. Где такие почти фронтовые условия на американской территории?

Нигде. Планка у входа лаконична: «Добро пожаловать в лагерь «Техас». Территория, которую он «арендует», географически принадлежит Гондурасу, от американских границ

весьма далековато, хотя до территории независимой Никарагуа — рукой подать. «Летучие гвардейцы», как называют себя воины, почти всегда в действии. Заканчиваются одни маневры, как тут же начинаются другие. Меняются лишь командиры да солдатские контингенты, а провокации против соседней суверенной республики непрерывны, вплоть до рейдов на ее территорию. «Что делают наши полковники на так называемых «временных базах» в Гондурасе?» — этот вопрос все чаще звучит в американской печати.

World

WEEKEND

ОВЦЫ НА МАРСЕ

Не торопитесь снисходительно улыбаться, вас могут неправильно понять в США. Не кто иной — сам президент Рейган высказался за идею выращивания кроющих животных на отдаленной от Земли 80 миллионов километров планете. Возможно, и придется облачить их в скафандры на пастбищах под куполами, ничего, так даже экзотичнее. А разве не экзотика весь проект колонизации Марса, с которым недавно ознакомили публику? За сорок ближайших лет (согласно планам созданной для этой амбициозной цели комиссии) красную планету предстает превратить в некий «пригород» США в Солнечной системе. 50 тысяч американцев получат жилье в искусственных городах с энергоснабжением от солнечных батарей...

Несложно в марсианской идиллии усмотреть продолжение «звездных планов» президента. «Те, кто доживет до 1995 года, смогут убедиться: мы не шутим...» — заметил престарелый профессор Джеральд О'Нил, разъяснявший детали проекта. Но, может быть, у президента и тех, кто его поддерживает, появится благородная идея — включить в число первых колонизаторов Марса часть американских бездомных! Как чудесно могло бы это прозвучать, совсем в духе славного «американского гуманизма»!

РАКУРС

ПОДАРИТЕ МНЕ СОЛНЦЕ
И ГОЛУБОЕ НЕБО...

ЧТОБ НЕ СКУЧАЛИ ВОДОПАЗЫ

Японская фирма «Сони» прочно освоилась на рынке сбыта телевизионной техники. В лабораториях фирмы разрабатываются ныне перспективные модели с широким экраном, совсем плоские, гиганты для улиц и площадей. А вот модель сегодняшнего дня — первый в мире пылестойкий и влагопроницаемый мини-телевизор. Ему не страшен не то что дождь, в шутку или всерьез реклама гарантирует просмотр передач даже под водой с передачей сигнала по кабелю. Как бы там ни было, в одном американском магазине для привлечения покупателей действительно опустили «Сони» в аквариум с золотыми рыбками.

КОГДА РИСУЕТ ДАМИАНИ...

«Искусство неразрывно, музыка находит свое продолжение в живописи, живописные традиции не чужды кинематографу...» — так считает известный мастер итальянского и мирового кино режиссер Дамиано Дамиани. Шестисерийный телевизионный фильм «Спрут», до этого — «Признание комиссара полиции прокурору республики», «Человек из пиццерии»... Работы, ставшие классикой прогрессивного кинематографа Италии. Но и до недавних пор мало кто знал, что у 64-летнего режиссера есть давнее занятие — живопись.

Когда в одной из римских картинных галерей были выставлены работы Дамиани, успех, по признанию прессы, превзошел ожидания. Его творческая манера продолжает традиции таких мастеров кисти, как Пабло Пикассо, Фернан Леже, Джорджо де Кирико.

КТО ЕСТЬ КТО

Андреас
ПАΠΑНДРЕУ,
премьер-
министр
Греческой
Республики.

— Что касается идеи превращения Балкан в безъядерную зону, мы верим, что прежде всего она отвечает духу балканской дружбы и сотрудничества. В то же время эта идея может иметь огромное значение как пример вклада в дело разоружения и мира в Европе и во всем мире.

Жоржи
АМАДУ,
бразильский
писатель,
лауреат
международной
Ленинской
премии
«За укрепление
мира
между
народами».

— Долг и труден путь, пройденный человечеством. Но что заставляет людей избираться к сияющим вершинам!.. Что движет рукой ученого, когда он нажимает на рычаг, отправляя спутник в бескрайнюю даль, и в небе — в этом предмете Вселенной — возникают новые звезды и новая Луна!

Правда идет по Земле, освещая людям дорогу.

Мартин
ЛЮТЕР
КИНГ III,
негритянский
общественный
деятель
США.

— Мой отец, Мартин Лютер Кинг, когда речь заходила о борьбе без насилия, всегда подчеркивал: необходимо точно очертить круг проблем, после чего использовать диалог как способ их решения. Я снова и снова повторяю — только лишь наличие диалога позволит сделать шаг вперед к нашему мирному будущему.

Станислав ТОКАРЕВ

НЕ ПРОИГРАТЬ БЫ ЧЕЛОВЕКА

Несколько лет назад победительницей крупнейшего международного турнира по гимнастике стала очаровательная, веселая и, разумеется, юная спортсменка. Дабы не уязвлять ни в чем не виноватую, обозначу ее литерой В.

На заключительной пресс-конференции того турнира прозвучал вопрос: «Позвольте, а сколько лет чемпионке?» «Столько, сколько положено по правилам, — был невозмутимый ответ, — пятнадцать, возраст гимнастической зрелости». «Тогда почему же, согласно стартовому протоколу недавнего первенства страны, ей не исполнилось и четырнадцати?» Спрашивавший продемонстрировал протокол. У отвечающего загорелись уши, но он сквозь зубы процедил: «В протоколе ошибка». Дотошный репортер не успокоился. Он показал другой протокол — международных юношеских соревнований, из коего следовало все то же. И вновь в ответ: «Ошибка!»

«Никакая не ошибка, я сам видел, как ей подменяли документы», — сокрушенно сказал мне один из руководителей Федерации гимнастики.

Позже я спросил тренера, как-де так вышло. Тренер, человек интеллигентный, разведя руками, сослался на приказ старшего тренера сборной, в ту пору уже уволенного.

Я представил себе, каково было девочке, когда все — друзья, родные, одноклассники — все все знали.

То есть, конечно, у нее быстро отболело, тем более, что ей объяснили: так надо...

Лгать, мол, можно, но в высших интересах.

Пишу эти строки и представляю себе, как некое руководящее спортивное лицо возмущается. И доказывает, что шло оно в свое время на это во имя чести и славы державы.

Но сейчас, когда свежий ветер перемен веет над страной, многое и в спорте должно оценивать иначе. Уверен, никто и никогда не докажет, что, мол, подлог — во имя и на благо и гласность здесь ни к чему...

Что, если бы известный пятиборец Онищенко, соорудивший себе хитрую шпату — с механизмом, который когда хочет, тогда и зажигает табло, — с оглушительным позором попавшийся на Олимпиаде в Монреале, не попался? Или знал бы о его новации только тренер? Подвергло бы тогда Онищенко спортивное руководство публичному ostracismu?

То, что целая команда везла с собой за рубеж пятаки мешками, поскольку кто-то выяснил, что сия отечественная монета тождественна тамошней, годной для игрового автомата, осталось в тайне. Во имя и на благо. Равно как и то, что один «на-

Рисунок Сергея ТЮНИНА

ходчивый» тренер пририсовал к иноземной купюре лишний нолик и от правил питомца — юного питомца! — ее разменивать...

Ну, а выдающиеся атлеты, мастера «железной игры» Писаренко и Курлович, дисквалификация которых была пояснена в спортивной газете традиционно застенчивой формулировкой «за поведение, несовместимое» и т. д. Они тоже попались за границей — в Канаде. Попались на том, что везли туда — в целях спекуляции — изрядную дозу препарата, содержащего анаболический стероид, допинг.

Их наказали, да. Но нужно было наказать публично, гласно. И смыть, таким образом, пятно с нашего спортивного стяга.

Во всех областях жизни это сегодня понятно. В спорте, похоже, еще нет.

Вот какой эпизод рассказал мне заслуженный тренер СССР Владимир Филиппович Аксенов. Рассказал на подмосковной спортивной базе, которая находится на озере Круглом,

на тренировочном сборе, когда все, намазавшись, спят и в вечерней тишине только скрипят рассыхающиеся половицы.

Аксенов когда-то вырастил двукратную олимпийскую чемпионку Эльвиру Саади, ныне чемпионку мира Ольгу Мостепанову.

Так вот, речь о том времени, когда шестнадцатилетняя Ольга выступала в Монреале на очередном мировом первенстве. Согласно правилам, по итогам двух дней определялось, кто из команд — числом трое — будет бороться за личное первенство. На первом месте в тот момент шла Наталья Юрченко, за ней была Мостепанова и дальше — Ирина Бараксанова. Вслед — Оксана Омелянчик и Елена Шушунова.

В свободный день поехали на тренировку. «С какого снаряда я завтра начинаю?» — спросила Мостепанова старшего тренера Андрея Радионенко. «Пока работай на каком хочешь, я потом все скажу». Потом — в конце тренировки — Радионенко собрал

девушек и, отводя глаза, скороговоркой, без объяснений, объявил, что ни Мостепанова, ни Бараксанова в финале не участвуют, их заменят Омелянчик и Шушунова.

Бараксанова, новичок, ждала такого поворота событий.

Мостепанова была им сражена.

— Она не могла прийти в себя, — рассказывал Аксенов. — Они с Юрченко обняли друг друга и заревели.

Юрченко — капитан команды, Ольга — комсорг. Они плакали от несправедливости, которую не могли себе объяснить, и никто не мог. Можно сказать, до самой Москвы у Ольги глаза не просыхали... А теперь я объясню, в чем дело. Радионенко таким образом отомстил мне. Читал в «Советской России», как здесь, на Круглом, народный контроль поймал его на том, что он утаивал от спортсменов дефицитные продукты. Тренерам было предложено подписать письмо, что ничего подобного не было. Я отказался — единственный. Меня наказали: в Монреаль Ольга поехала без меня. И ее там наказали тоже.

Меня спросят: «Ну, а кто выиграл в Монреале?» И я отвечу: «Первое место поделили Шушунова и Омелянчик». «Тогда, — спросят меня, — что вас не устраивает, если медали все равно у нас? Какая разница, чьи они, медали?» Вот это именно меня и не устраивает. Никакие медали не могут заменить для нас самого ценного — человека.

Спорт изначально — игра. В «кто быстрее», в «кто сильнее». Помню, во времена моего детства, когда кто-нибудь из нас начинал «качать права» на футбольном поле, ему кричали: «Ты что? Не корову проигрываем!» — разумея при этом, что, как ни приятна победа, нельзя делать из нее самоцель, смертельную необходимость, идти ради нее на все.

Мне рассказывал член Центрального штаба Всесоюзного клуба «Кожаный мяч», как однажды, когда финал проходил в Кемерове, местная команда оказалась изрядно сильнее приезжих и раз за разом радовала сердца как рядовых болельщиков, так и чиновных.

Впрочем, приезжие тренеры оказались людьми бывальыми. Они пронохали, что победоносный соперник укомплектован с нарушением положения: из разных общеобразовательных школ вместо одной и даже из школ спортивных, что тем более запрещается. Запахло скандалом. Снимать команду не решились, договорились с местными властями, и те — надо же! — вызвали ребят и потребовали, чтобы команда, скомплектованная по их же указанию, в полуфинале проиграла. От греха подальше. Но ребята еще не умели проигрывать нарочно. Выиграли — к ужасу собственного начальства. Вышли в финал. Тогда уж в руководящем кабинете, со стуком кулачным, с угрозой дисквалификации, велено им было финал отдать гостям.

Отдали. И вот мой знакомый товарищ вышел награждать их серебряными медалями. А они стоят и плачут. «Мальчишки, что вы огорчаетесь? — подбодрил ребят представитель Центрального штаба. — Серебро — это тоже неплохо». А они в ответ: «Мы потому плачем, что все в городе знают, кто мы такие».

Все, что здесь рассказано, полагаю, показывает, насколько спорт отражает реалии окружающего мира. В мире этом мощно, взламывая льды вчера еще запретных для критики зон, идет провозглашенный партией процесс обновления.

И если кто-то полагает, что этот процесс его лично не коснется, то, думаю, ни до какого финиша ни в каком деле он не дотянет...

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ГЕМИМА

Еремей ПАРНОВ

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА

Возвратившись после недолгого отсутствия на подмосковную дачу, домработница профессора-химика Солитова увидела, что окна выбиты, дверь закрыта на замок, а сам хозяин дачи исчез. В ходе следствия выясняется, что в кабинете-лаборатории Георгия Мартыновича во время проведения им опыта произошел взрыв. Следователь прокуратуры Гуров выдвигает версию, по которой домработница Солдатенкова причастна к происшествию, потому что ей профессор завещал дачу и значительную сумму денег. Выясняется также, что Солитов взял из поселковой сберкассы полторы тысячи рублей, возможно, для покупки редчайшего травника...

В

таблицах планетных часов, составленных, быть может, еще шумерскими жрецами, каждой планете был отведен «преимущественный час», когда именно она считалась господствующей. День получал имя той планеты, которая открывала своего рода график, управляла первым часом. Вавилонская неделя начиналась с отмеченной преимущественным влиянием Сатурна субботы, которая и поныне носит у англичан наименование дня Сатурна. Потом идут дни Солнца, Луны, Меркурия, Юпитера и уже знакомой нам пенорожденной Венеры — Афродиты. Как видите, люди и поныне, зачастую вовсе о том не подозревая, отдают регулярную дань наидревнейшим астрологическим представлениям. Для алхимиков, астрологов и колдунов прошлого они имели самодовлеющее значение. Для магии черные книги, как вы, наверное, догадываетесь, отводили преимущественно ночные часы: от полуночи до первых петухов.

— И крик петуха...

— Правильно: прогонял прочь распоясавшуюся нечисть. Впрочем, у каждого духа были свои часы дежурств, когда его дозволялось вызывать, говоря по-нашему, на дом. При всяческих превращениях, в том числе алхимических, выбирались часы Сатурна, Марса, Меркурия и Луны, для любовных заговоров — Солнца и Венеры, при волхвовании против всевозможных недугов — Сатурна и Марса. Всего я, конечно, не помню, но продолжать можно до бесконечности. Не надо упускать при этом, что волшебная власть планетных часов, как ночных, так и дневных, не являлась постоянной, изменяясь каждые сутки, в зависимости от сочетания планет и созвездий.

— Поэтому всякому порядочному алхимику требовалось разбираться и в астрологии.

— Bravo! — одобрил Баринovich. — Все процедуры были также скрупулезно расписаны по фазам Луны, знакам Зодиака и носили особое символическое наименование.

— Это-то я заметил. — Люсину в пору было схватиться за голову. Только теперь он начинал постигать, какую непосильную ношу самонадеянно взвалил на свои плечи. Годы и годы кропотливейшего труда нужны для того, чтобы хоть приблизительно разобраться в отобранных в солитовском кабинете бумагах. Годами он никак не располагал, месяцами и даже неделями — тоже.

— Вижу, вы приуныли?.. Я вас, наверное, совсем заговорил?

— Ничуть. — Владимир Константинович попытался подвести хоть какие-то итоги. — Значит, если мы видим в записях знак Луны или, скажем, Венеры — кружок с крестиком, то это может означать все, что угодно: саму планету, день недели, а то и вовсе отдельный час. Так?

— Если бы только! А серебро или медь не होते? Ведь каждой планете соответствует еще и своя металлическая стихия. Той же Венере — медь, Луне — серебро, Солнцу — золото. Златоделие, например, именуют «делом Солнца». Алхимики щедро рассыпали планетные знаки.

— Но тогда...

— Именно поэтому золото входило во многие лекарственные рецепты, — ответил Баринovich на едва прозвучавший вопрос.

— Это безумно интересно! Может быть, впервые в жизни я жалею, что выбрал не ту профессию. В моей несчастной голове полнейший сумбур, но что-то необычайно значительное предчувствуется где-то на самом доньшке. Если не возражаете, то перейдем непосредственно к растениям.

— Что мне в вас нравится, так это целенаправленность. Хоть и сетуете на сумбур, а главного направления не теряете.

— Это уже от профессии.

— Ну что ж, семь бед — один ответ, давайте разбираться с растениями. Едва ли я удивлю вас, напомнив, что их культ сложился в незапамятные праязыческие времена, напоминая о себе неизжитыми игрищами, вроде костров Иоанновой ночи. Ведь наилучшее время для сбора трав приходится на Иоаннову ночь...

— А в другие месяцы? — быстро отреагировал Люсин.

— На последние фазы Луны, начиная с двадцать третьего дня.

— Именно в этот срок она и отбыла к себе на Шатуру, — задумчиво пробормотал Владимир Константинович. — Простите, пожалуйста, это я так, о своем, — спохватился он.

— Собственно, мы близки к завершению. В планетной «табели о рангах» травы занимали следующее место. — Баринovich вновь воспользовался своим сочинением как справочником: — Солнцу был посвящен подорожник, хранящий жар и силу, Венере — вербена, цветок любви и веселья... Далее, полагаю, можно не продолжать, потому что символическое значение растений не одинаково трактовалось в разные времена и в различных странах. Отсюда постоянные разночтения.

— Мандрагора?

— О, корень мандрагоры следовало отрывать после начертания трех concentрических кругов. В старинных рукописях она изображалась в чело-веческом облике. Если не соблюдалась требуемая процедура, мандрагора, якобы жалобно кричавшая, когда ее вырывали, могла покарать обидчика и уйти глубоко под землю, подобно колдовскому цветку папоротника.

— Недавно по телевизору показывали сборщиков женьшеня. Так у них тоже целый церемониал. Рыть можно только костяной лопаткой и уж никак не железом, нельзя повредить ни единого волоконца, словом, не подступись.

— Древнейшая традиция зелейников, сохранившаяся до наших дней. — Баринovich обрадованно закивал. — Таежная мистерия! Разницы, в сущности, никакой: на Востоке — женьшень, на Западе — мандрагора. Впрочем, различие есть, и весьма существенное. Женьшень действительно отличается поразительной биологической активностью.

— Что в мандрагоре содержится, вы не знаете?

— У нас ее, к сожалению, не изучают. И вообще не следует слепо полагаться на молву. В ней столько всего перемешано! Отголоски древнейших практических знаний и полнейший вздор, от которого волосы дыбом встают, курьезные выдумки и зоркие наблюдения. Взять хотя бы наперстянку, из которой готовится дигиталис, совершенно незаменимый при лечении заболевания сердечной мышцы. Впервые, если не ошибаюсь, она нашла применение в Ирландии, откуда перекочевала в Англию. Потом о ней надолго забыли. В немецких травниках Иеронима Бока и Леонгарда Фукса она хоть и упоминается, но лишь в качестве «рвотного, слабительного и выводящего влагу средства». А такой авторитет, как Парацельс, вообще не признавал за наперстянкой целительных свойств. Вот и верь после этого отцу ятрохимии. Лишь в наше время из нее были выделены первые сложные гликозиды. Кто знает, может, и мандрагора одарит нас чем-то совершенно неожиданным. Вас, я вижу, она особенно интересует.

— Исключительно в связи с работой Георгия Мартыновича. Нашему ведомству эта самая мандрагора доставила-таки хлопот.

— Могу сказать одно: она безусловно ядовита, как, впрочем, и наперстянка, и адонис вернализ, цветок умирающего и оживающего с новой весной финикийского бога.

— Где яд, там исцеление. Змея с чашей.

— Жизнь и смерть, — на свой лад откомментировал Баринovich. — Замкнутый в кольцо эскулапов гад... А вы еще удивлялись посадкам Георгия Мартыновича. Чародейные травы с незапамятных времен выращивались в садах.

Услышав, как требовательно заблеял в коридоре звонок, Люсин торопливо поднялся. С благодарной и вместе с тем виноватой улыбкой приготовился произнести подобающие слова. Но помешал прозвучавший за дверью торжествующий вопль:

— Пятерка! Ура-а!!! — Отпрыск великого человека проскакал на одной ножке. — Папа, мама! Сюда-а!

Его восторг требовал публичного, причем самого безотлагательного подтверждения. Первая в жизни пятерка, даже за принесенный из дому цветок, кое-чего стоит. Тот, кому это непонятно, очень немногочисленному научился в жизни и слишком многое растерял.

— Поздравляю. — Преисполненный сочувствия Люсин торжественно пожал руку счастливо зардевшемуся отцу. — Даже подумать страшно, сколько я отнял у вас времени.

— Надеюсь, не без пользы для дела, — рассеянно кивнул Баринovich, целиком обратившись в слух. Душой он уже был где-то там, в зачарованных недрах уютной кухни, где все чада и домочадцы, пораженные успехами первенца, наперебой изливали восторг: и пели ему осанну, и кадили сладостным дымом.

Глава пятнадцатая

СОВЕЩАНИЕ У ПОЛКОВНИКА

Люсин смог увидеться с Крелиным лишь за четверть часа до совещания у начальства. О результатах волжанской эпопеи он в общих чертах уже знал, но интересовали, конечно, подробности.

— Похож, — развел руками Крелин, присаживаясь по обыкновению на угол стола. — И в этом все дело. Надо же так! Притом, обрати внимание, похож не столько на самого Солитова, сколько на эту его фотографию. Такое, знаешь, не часто встречается в нашей практике. В профиль — ничего общего. Выступающие надбровные дуги, смазанный подбородок и нос другой. А в фас — на тебе, пожалуйста. Будь моя воля, я бы давал в разных ракурсах.

— Ишь чего захотел — воли!.. Однако быстро вы размотали.

— А что толку?

— Ну, для этого мужика, положим, толк есть. Кстати, что с ним?

— Обычная история: диабетическая кома. Вместо того, чтобы сунуть ему в рот кусочек сахара, эти... — Крелин, в ком зазря погибал гениальный мим, убедительно продемонстрировал, кого он имеет в виду. — Словом, затеяли спихобол с умирающим человеком. Если бы не городская больница, пиши пропало. Буквально с того света вытащили. Гуров, уж на что тертый калач, но и его проняло. Он там чего-то пишет по своей прокурорской части. И правильно! Эта братия просто-напросто не желает выполнять самые элементарные обязанности, за которые им, кстати, исправно платят денежки. Медики называются! Клятва Гиппократ, так их растак.

— Наши, насколько я понял, тоже не с лучшей стороны себя выказали?

— И не говори! Семья с ног сбилась, называют по всем инстанциям, а эти голубчики сидят себе и не чешутся. Между нами говоря, они решили, что мы прибыли именно по этому поводу. Надеюсь, ты меня не осудишь, но я не особенно старался развеять их не слишком приятные заблуждения. Пусть подумают на досуге.

В кабинет Кривцова они вошли минута в минуту, когда остальные уже сидели за приставным столом. Все, как это теперь повелось, были в форме. Даже Борис Платонович Гуров надел по такому случаю свой прокурорский пиджак со звездочками в петлицах. Не обнаружив на столе пепельницы, он страдал от одного лишь сознания, что не придется курить.

Полковник посмотрел на электронный циферблат над дверью, дрогнул бровью, но ничего не сказал. Подождя, пока вновь прибывшие расселись, он с каменным лицом выдержал долгую паузу, затем, слегка прочистив горло, тихо спросил:

— Больше никого не ждем?

— Все на месте, — кратко ответил Люсин, хотя он и надеялся на то, что догадаются пригласить кого-нибудь из ОБХСС. Очевидно, всюду нужно поспевать самому.

— Тогда доложите, в каком состоянии дело. Владимир Константинович поднялся, одернул китель и действительно очень кратко, потому что присутствующие были в основном в курсе, обрисовал положение.

— Конца, выходит, по-прежнему не видать, — не без подтекста попенял Кривцов, поигрывая остро отточенным карандашиком. — А время, между прочим, летит...

— Отработка сигнала из Волжанска проведена в рекордно короткий срок, — с напускным безразличием отметил Люсин. — И никак не в ущерб основной работе.

— Основной! — не повышая голоса, выделил интонацию полковник. — Где она, эта основная? До вчерашнего утра, полагаю, все у вас заклинило на этом Волжанске. Да и кто бы был лучше, когда поступает такой сигнал... Значит, какие у нас имеются версии?

— Версии прежние, — убежденно ответил Владимир Константинович, опускаясь на стул. — Ограбление, несчастный случай и, наконец, только что обозначившаяся фигура книжного спекулянта. Вполне возможен и некий смешанный вариант, потому что все три возможности причинно взаимосвязаны: звонок насчет редкого издания, посещение сберкассы, последующее ограбление или же несчастный случай где-то в дороге. Я уж не говорю о том, что преступник мог проследить Солитова вплоть до самой Москвы.

— Нужно подключить ОБХСС, — рассудил Кривцов. — Этот книжный червяк вполне мог оказаться подсадной уткой... Какие меры приняты?

— С ОБХСС свяжемся. Что же касается мер, то в данный момент ведется проверка постоянных и временных жителей, начато прочесывание местности. Вообще-то район считается довольно благополучным. Однако недавно там возник известный «очаг нестабильности», который серьезно затрудняет проверку. Как назло, в одиннадцати ки-

лометрах от солистовской дачи выделили территорию для садово-огородного товарищества «Столичный композитор». Застройка у них сейчас в самом разгаре, так что пришлого люда более чем достаточно.

— Списки членов затребовали?

— Уже в работе.— Люсин перелистал блокнот.— Композиторов, как вы понимаете, там кот наплакал, процентов сорок. Кроме обязательных участков, отошедших по линии исполкомов, какую-то часть забрали себе работники просвещения, автобаза, чаеразвешочная фабрика и спорт-клуб «Вымпел». Землеустройство, дороги, коммуникации — все это просто так, по щучьему велению не делается. Садовые домики опять же, водоснабжение, транспорт. Короче говоря, всякого рода завыв, замы и директора представлены должным образом, в том числе ответственные работники службы общепита. Очевидно, в качестве фигур наивлиятельнейших, располагающих разветвленной системой связей. Кроме пайщиков, в поле нашего зрения неизбежно попадают и различные исполнители, производители работ. Как официальные, связанные договорами, так и левые. Шабашники, всевозможные жучки, халтурщики и откровенные проходимцы.

— Вы располагаете фактами или делитесь своими предположениями? — спросил Кривцов.

— Пока только предположениями.— Люсин упрямо нахмурился.— Но за фактами, уверяю, дело не станет. Я знаю, о чем говорю.

— Он прав,— поддержал Гуров.— Схема, можно сказать, типовая. Тут бы тоже не помешало заручиться помощью по линии ОБХСС. На запах меда слетаются не только труженицы-пчелки, но и навозные мухи. Представляю, сколько рвачей клубится на стройплощадке.

— Только не отвлекайтесь от цели. Злоупотреблениями там и без вас есть кому заняться.

— Ясно, товарищ полковник.

— Что нового по линии НТО? Почему буксуем?

— Слишком мало вещества,— объяснил криминалист.— Объект, как известно, подвергся длительной экстракции и на нашу долю почти ничего не осталось. С трудом наскребли кое-какие крохи для хроматографии и спектрометрии.

— Поехало! — бесцеремонно прервал Кривцов.— Спектрометрия! Главное сразу ясно стало... Не можете, значит, определить?

— Нет,— односложно ответил Крелин, замыкаясь в себе.

— Так и говорите. Ваше предположение, Люсин, таким образом, по-прежнему остается в подвешенном состоянии. Галлюциноз, самоотравление и прочая фармакология лабораторией пока не подтверждаются. А раз так, то нечего и в расчет брать.

— По идее,— неохотно признал Люсин.

— Наука, она, что твой клещ: вопьется — не оторвешь. А нам время дорого. Мы не можем ждать, пока товарищ Крелин осчастливит открытием все прогрессивное человечество. В темпе действовать надо, в темпе! Заключение из поликлиники получили?

— Анамнез почти исключает возможность внезапного приступа с расстройством сознания.— Владимир Константинович сразу понял, что именно интересует начальство.

— Вот видите!

— Там сказано: почти,— осторожно возразил Люсин.— Да и сомнения насчет химии остаются, хотим мы этого или нет. Вероятности, как известно, складываются.

— Несмотря ни на что, вы настаиваете на своей версии? — непритворно удивился Кривцов.

— Во всяком случае, я бы не рискнул ее отбросить за здорово живешь.

— Даже так? Ну, смотрите...

— Нужно искать того, кто таился за дверью,— с полной уверенностью заявил Гуров.— Криминальный сюжет, как правило, до ужаса прост. Здесь почти наверняка убийство.

— Не смею спорить с вами, Борис Платонович.— Люсин равнодушно пожал плечами.— В меру сил мы отрабатываем такую возможность.

— Но ведь теперь у вас появился кончик. Тяните же поскорей! Все силы надо бросить на этого спекулянта!

— Оно, положим, верно,— уклончиво возразил Люсин.— Но ведь тоже куча несообразностей. В его поведении нет логики.

— Откуда это вытекает? — спросил Гуров.

— Начнем хотя бы с главного. Зачем участнику или, допустим, соучастнику преступления навлекать на себя лишнее внимание? Разве доктор наук Баринович за язык тянул этого самого Петю? Ничуть не бывало! Он сам ему позвонил и предложил книгу, упомянув при этом о разговоре с Солизовым. Зачем, спрашивается? Одно из двух: он либо абсолютно не причастен, либо законченный идиот.

— Не обязательно, Владимир Константинович. Он же не мог предвидеть, что вы каким-то образом выйдете на этого вашего доктора,— быстро нашелся Гуров.

— Не берусь судить.— Люсин начал уставать от пустопорожнего разглагольствования.— Тем более что свои построения мы возводим пока на пустом месте.

— Первое самокритичное замечание,— отметил Кривцов.— Я, конечно, не говорю, что время потрачено впустую, но хвастать действительно нечем. Конкретных достижений пока не видать. Прошу поднажать, товарищи. Что же касается направления поиска в целом, то тут у меня особых претензий нет. Можете быть свободны.

Глава шестнадцатая

ЭХО МОНСЕГЮРА

Игорь Александрович Берсенева, оставив дверь на цепочке, внимательно изучил служебное удостоверение и лишь затем впустил Люсина в квартиру. Держался он с подчеркнутой холодностью, впрочем вполне корректной, хотя на изъявления сочувствия, чего требовала элементарная вежливость, отреагировал категорическим заявлением.

— Я бы попросил вас избавить мою жену от ненужных расспросов,— тихо и поэтому особо значимо сказал он, сразу напомнив Владимиру Константиновичу родимое начальство.— Она еще не оправилась и незачем терзать ей душу. Да это и бесполезно, потому что последний раз мы виделись с Георгием Мартыновичем прошлым летом и ничего существенного сообщить вам не сможем.

Люсин с молчаливым пониманием склонил голову. Настаивать на чем-то своем, будь даже в том особая необходимость, было бы не только бесполезно, но и глупо. Такой, как Берсенева, мог свободно выставить за дверь да еще и нажаловаться. Что-то, а акценты он умел расставлять точно.

Берсенева возвратились в Москву на неделю позже, чем это предполагалось. Телеграмма, хотя и составленная в предельно осторожных выражениях, вызвала у Людмилы Георгиевны нервное потрясение, и вылет пришлось перенести. Таково изначальное свойство беды, что она почти всегда застает человека врасплох, незащищенного, почти голого перед ее роковым леденящим порывом. Сокрушительная внезапность обрушившейся на ее плечи горестной вести более всего потрясла Людмилу Георгиевну. После бездумного счастливого забытия, в которое она позволила себе окунуться, пробуждение оказалось особенно жестоким. В первое мгновение она даже как бы обиделась на кого-то — нет, конечно, не на отца — за столь изощренное, почти преднамеренное коварство. И сразу мучительно устыдилась, жгуче переживая не вполне осознанную свою вину, которую уже некому было простить. Потом ощутила, как растет и ширится в ней такая тоска, что не выплакать никакими слезами. И стало понятно, что то непроизносимое страшное, чему и в мыслях не должно было сыскаться названия, но чего Людмила тем не менее постоянно ждала, все-таки не миновало ее. Мамину смерть она пережила как катастрофический разлом, расколовший уютный, застрахованный от всяких потерь остров. Все надежды ее и неосознанная наивная уверенность в собственной защищенности мгновенно перекинулись на отца, рисовавшегося таким неприступным утесом. И вот он тоже должен исчезнуть — вопреки всему Людмила еще хранила слабый росток надежды, — раствориться без остатка.

Она стремилась удержать хоть что-то и не могла поспеть за отбегавшей волной, с ужасом прозревая пустоту одиночества, спрятавшуюся за тонюсенькой корочкой боли. Людмила не понимала, что с ней происходит. Еще не зная о том, получили смертельный сигнал частицы ее потрясенной памяти, таившие ускользающий в вечную мглу образ. Им не могло быть замены, и они уже отмирали незримо, катастрофически сужая пространство души. Затаявшись в маминной спальне, где каждая мелочь спешила напомнить о том, что так необратимо отделялось теперь от ее существа, Людмила перебирала старые фотографии. Искала в выцветших грудах хоть какой-нибудь живой отклик и не находила. Пыльный бархат альбомов хранил лишь бумагу, ломкую на загнутых уголках, случайно запечатлевшую узнаваемые, но уже отуманенные далью отчуждения черточки. Она слышала, как всхлипнул обрывком мелодии звонок в передней и забормотали приглушенные голоса, но долетевшие до нее звуки показались нереальными.

Провожая Люсина в кабинет тестя, Игорь Алек-

сандрович приостановился у затворенной комнаты, приложил палец к губам и далее проследовал уже на цыпочках. Его выверенные движения покорились неуместной нарочитостью.

— Собственно, что вас интересует? — спросил он, притворив дверь.

— В бумагах, найденных на даче, есть неясные места.— Люсин ограничился формальным ответом.— Хотелось бы разобраться.

— Понятно.— Игорь Александрович задумчиво облизал губы.— Документы вы нам, надеюсь, вернете?

— Само собой разумеется. После завершения следствия вы получите все до единого. По описи... Вернее, Людмила Георгиевна как основная наследница.

— Основная наследница? Что это значит?!

— Георгий Мартынович оставил должным образом оформленное завещание, по которому дача и часть денег предназначаются Аглае Степановне Солдатенковой.

— Кому-кому? — Неприятно озадаченный Берсенева деланно расхохотался.— Этой выжившей из ума фефеле? Ну учудил!.. Ничего, мы это переиграем!

— Имеете полное право. И вообще, завещание сможет войти в силу лишь по окончании следствия. Вернее, шесть месяцев спустя. Впрочем, я не знаю всех тонкостей, поскольку не имею отношения к вопросам наследования.

— Это же надо придумать такое! — Игорь Александрович все не мог успокоиться.— Не иначе как старая ведьма его окончательно околдовала! Загипнотизировала... Нельзя все-таки оставлять человека в таком возрасте без присмотра. Бедный папа!

— Георгий Мартынович отличался легкой внушаемостью?

— Еще какой! Он был ужасно доверчив. Не знаю, чем могла приворожить его подобная особа, по-моему, даже в ранней молодости она выглядела кошмарно, но он у нее только что с рук не ел.

— Кажется, для этого были определенные основания? — осторожно осведомился Люсин.— Я слышал, что она излечила Георгия Мартыновича от какой-то тяжелой болезни? — Подавив ненужные эмоции, он попытался вызвать Берсенева на откровенность.

— Кто это вам сказал? — Игорь Александрович брезгливо поморщился.— Небось она же? Сказки для детей младшего возраста. Конечно, старикан отличался некоторой мнительностью, но без того, но тяжелая болезнь — это враки! Совершенная чушь. Так, обычные возрастные недомогания... И вообще, лично я не доверяю всем этим фитотерапевтам да гомеопатам. Сплошное шарлатанство.

— Зачем же такая крайность? По-моему, и сам Георгий Мартынович травками не пренебрегал...

— Только в силу профессионального интереса.— Игорь Александрович всплеснул руками, сделавшись вдруг необыкновенно общительным и словоохотливым.— Вы разве не знаете, что он прославил свое имя новыми химическими соединениями? Учтите, что это был сугубо научный подход, ничего общего не имеющий с... — Слово было забыл слово, он зацелкал пальцами, — ну как его?

— Знахарством,— подсказал Владимир Константинович. Он догадывался о причине происшедшей с Берсеневиной перемены, и ему стало грустно. Но с чисто тактической точки зрения упоминание о завещании оказалось действенным.

— Именно! — Игорь Александрович просиял, отринув былую чопорность и изо всех сил стремясь выглядеть симпатичным.— А вот она, наша милая старушенция, самая типичная знахарка. Надеюсь, вам удалось с ней подружиться? — Он попытался замаскировать излишне пристальный взгляд добродушной улыбкой.— Хотя завоевать ее симпатии очень непросто. Мне, например, это не удалось, несмотря на все старания. Не жалует нас с Людочкой тетка Аглая, не жалует... Сами, наверное, убедились?

— Мы с ней почти и не говорили.— Люсин небрежно отмахнулся, разгадав, куда пущен пробный шарик.— Так, по существу происшествия. Что она могла рассказать? Одни вздохи... Да и не было ее в то время на месте: к родным ездила.

— Знаем мы этих родных! — усмехнулся Берсенева.— Кстати, вам не кажется несколько странной цепь совпадений? Совершенно неожиданное завещание, последовавший за ним вскорости взрыв?

— «После этого — не значит вследствие этого», — учат мудрые латиняне.— Люсин доверительно улыбнулся.— Но странноватый оттенок действительно налицо. А какова ваша точка зрения на сей счет?

— Откуда мне знать?.. Есть, однако, старый и верный принцип: ищите, кому это выгодно. Да, уважаемый Владимир Константинович, не мне вас учить, но так называемая случайность далеко не столь проста, как нам иной раз видится. Копните поглубже, и обнаружится железобетонный каркас.

— Никуда не денешься — диалектика. — Люсин сделал вид, что не понял намека. — Человеку, к сожалению, не дано знать всех последствий. Жизнь ведь не шахматная партия.

— М-да, такого никто из нас не предвидел. — Берсенева твердо держалась намеченной линии. — По существу, бедный Георгий Мартынович был пленником этой, простите, деревенской бабщины. Вечный труженик и книголюб, он обнаруживал полную беспомощность в житейских делах. Любая мелочь могла вывести его из равновесия. Яйца «в мешочке» и то не умел сварить. Предоставленный сам себе, он очень даже свободно мог стать жертвой...

— Вы имеете в виду нечто конкретное?

— Если бы! Мы не виделись с ним больше года. Кто знает, как развивались события.

— События? — Люсин упрямо не желал подать руки помощи, хотя прекрасно видел, что лишь боязнь потерять лицо удерживает Берсенева от конкретных обвинений.

— В известном смысле. — Страдая от типично милицейской ограниченности, как ему думалось, Игорь Александрович терял терпение. — Как вы не понимаете, что даже нелепое стечение обстоятельств может быть подготовлено всем предшествующим ходом...

— Ходом чего?

— Человеческих взаимоотношений, бытовизма, привычек? Мало ли?

— Это как раз понять не трудно, Игорь Александрович. Ваши рассуждения вполне объективны. Однако каких бы то ни было причинно-обусловленных связей я, извините, не вижу. Очевидно, многого я просто не знаю.

— Я тоже. Но даже того, что известно, вполне достаточно. Взрыв, например.

— Вы не считаете его случайным?

— Не знаю, не знаю, — протянул Берсенева, давая понять, что питает по этой части глубокие подозрения. — Уж как посмтреть. Я бы на вашем месте не был столь благодушным. Мой тесть полвека почти занимается экспериментом, и никогда ничего подобного с ним не случалось.

— Это, конечно, не довод, но прислушаться не мешает.

— И я так думаю.

— Давайте рассуждать вместе, Игорь Александрович, — предложил Люсин, ничем не обнаруживая истинного своего отношения. — Взрыв, кстати, довольно умеренной силы, произошедший уже после ухода Георгия Мартыновича. Таковы факты. Совершенно точно установленные и документированные. Содержавшиеся в колбе летучие вещества взорвались только потому, что полностью выкипела водяная баня. По-моему, этого вполне достаточно, чтобы не абсолютизировать, скажем так, данный момент. О каком-то там благодушии, как видите, не может быть и речи. Все наши усилия сосредоточены на главном: на поисках. Вы согласны со мной?

— Ну, если так установили... — Не будучи осведомленным в деталях, Берсенева сразу почувствовал слабость первоначальных позиций и легко отступил, поскольку во всей этой неприятной истории его волновало лишь непредвиденное осложнение с наследством. Черт с ними, с деньгами, хотя и их жалко, но отказаться от такой дачи было выше его сил. Да и с какой стати? Натолкнувшись на непонятное сопротивление явно недалекого милиционера, которого на всякий случай хотел залучить в союзники, Игорь Александрович утратил всяческий интерес к совершенно бесполезному разговору. — Вам виднее. Моя единственная задача — всемерно содействовать компетентным органам, — заключил он с оттенком дешевой патетики. Все-таки беседа оказалась не столь уж бесплодной. Вопрос о даче мог разрешиться только после завершения следственной волокиты. Это Берсенева усвоил намертво. «Что ж, нет худа без добра, — улыбнулся он про себя. — Больше времени останется для маневра». Дача на участке в четверть гектара, да еще на берегу озера, «стоила обедни».

— Я очень ценю ваше содействие, — поблагодарил Владимир Константинович. — Вы не позволите осмтреть библиотеку, архив?

— Сделайте одолжение. — Берсенева широким жестом обвел просторную комнату с симпатичным эркером, обставленную резной, черного дерева мебелью.

Продолжение следует.

СОАВТОР ГОРОДА — КАЖДЫЙ

Начало см. на стр. 17.

правы. Но мне, гостю, подумалось: такой город греет, его любишь, он западает в душу.

Главный художник много размышляет о путях развития городов, «очеловечивания» их:

— Как нет близких людей, так не должно быть и близких городов. Каждый из них — дитя своей истории, экономики, культуры. Столетиями создавались облики Москвы, Киева, Таллина... Но красота города — понятие относительное. Не следует, например, городу-провинциалу стыдиться, что он не столица. Нужно лишь профессионально подчеркнуть то, что для него естественно и характерно. В любом городе живут мастера, почему бы не привлечь их?

В своих поисках Пуронас идет не от «кабинетной» идеи. Он с головой погружается в историю, проводит свободное время в архивах и раскапывает то, до чего не доходили руки историков. Свои находки он оформляет в виде планшетов, на которых рядом с выпиской из документа может соседствовать репродукция старинной гравюры или собственный рисунок, «доосмысливающий» историческую информацию. Планшеты эти собраны в несколько коробок, и, на мой взгляд, в них сосредоточился обильный материал для книги по истории города и края. Но не будем забегать вперед, а просто познакомимся с некоторыми материалами. Вот относящаяся к первым векам тысячелетия гравюра, на которой изображена осадная техника в действии. Может быть, от таких орудий оборонялись древние шяуляйцы?

Вот первая книга, выпущенная в 1634 году, с шяуляйской тематикой. Выпущена она по случаю освящения костела (который уцелел до наших дней) и написана на польском языке. Но есть четырнадцать строк на литовском! Для историков это очень важный факт.

А вот факт, может быть, менее важный, но не менее любопытный: последнюю «ведьму» сожгли в Шяуляе в 1716 году. Рядом рисунок: женщина доит молоко из топора. Когда в Шяуляе ели первую картошку? В 1767 году. А это что за чудо-махолет? Писарь городской ратуши А. Гришкявичюс в прошлом веке изобрел машину, машущую крыльями. Перелетел, негодник, над каретой генерал-губернатора, перепугал старика до смерти да сам чуть не убили, свалившись... А это что за телега о восьми колесах? Сам германский кайзер за изобретение предложил сто пятьдесят тысяч золотых рублей. Теперь тягачи на восьми колесах ходят, а корни идеи — вон они где...

Однако история историей. Она сама по себе увлекательна и поучительна, но Пуронас как художник извлекает из нее чисто художнические идеи. Почему, скажем, такой махолет не может украсить одну из площадей города?

А те четырнадцать строк на литовском языке? Говорится в них о Шяуляе, который, подобно птице Феникс, неоднократно возрождался из пепла. Шяулис — это стрелок, сауле — солнце и еще птица... И вот под пером художника рождается символ города, несущий все три начала. Может, рождается новый городской герб? Историческая информация, воображение художника, поиск — все это интересно само по себе! Когда за этим стоит еще и задача связать сегодняшний день с днем минувшим, работа становится ценнее.

...С отцом и сыном Куликаускасами мне очень хотелось познакомиться. Шутка ли — в газете прочитал — вдвоем собрали орган! И не только собрали — сами каждую трубу изготовили, довели до нужного звучания, сотворили необходимую механику и электронику, продумали воздухоподачу... Словом, затратили выдумки и труда не меньше, пожалуй, чем давний их земляк-воздухоплаватель. В одной из аудиторий педагогического института я услышал глубокие и сочные звуки инструмента, который внешне никак не напоминал орган. Посетители концертных залов привыкли видеть поблескивающие металлические трубы, здесь одно дерево. Мастера утверждают: дерево дает благородный, лишенный металлического привкуса звук. Специалисты тоже знакомы с инструментом, они высоко оценивают качество звучания. Йонас Йонович Куликаускас и Альгирдас Йонович — настройщики музыкальных инструментов. Сухоощавый мужчина, которому никак не дашь восьмидесяти с гаком, в более ранние годы играл в симфоническом оркестре, преподавал му-

зыку. Сын немало лет отдал морю, плавал штурманом на «рыбаке», а вот дальше пошел по стопам отца.

В Литве широко проводятся конкурсы детской песни. Начинаются они в школах республики, а заканчиваются в столице. Готовя ансамбль для такого конкурса, Лида, жена Альгирдаса, попросила мужа придумать какое-нибудь оригинальное сопровождение. Так появилось несколько дудок. Успех превзошел ожидания: жюри заинтересовалось, по телевидению показывали... Мастером (работал Альгирдас с отцом) пришла в голову мысль слепить несколько трубок, приделать клавиатуру. Так стал возникать орган. Первые трубы делали из карпатского бука, потом из карельской березы. Чем тоньше для трубы доска, тем светлее звук, больше обертонов, богаче окраска. Сколько мастерам дерева пришлось перебрать, чтобы отыскать нужное! В каких только делях не побывать. За одной из елей Альгирдас ездил в Томск, тысячу — своим! — рублей истратил, но нашел то, что искал.

Работа для Пуронаса и Куликаускасов не столько средство пропитания, сколько способ существования. И таких людей в Шяуляе немало.

Кто-то стал инициатором создания одного из первых в стране домов инженера. В его стенах можно и новинки технической литературы почитать, и со свежими работами художника ознакомиться — поспорить с автором, выпить чашечку кофе или поиграть в кегли. В одном из залов дома — сосредоточенная тишина. Здесь руководители производств, ректоры, главные специалисты осваивают дисплеи... А кто принес те же компьютеры в заведение, на дверях которого написано «Детский сад-ясли № 37»? Чудаки-дяди с шефствующего завода. Они, видите ли, считают: чем раньше малыш притронется к клавишам этой забавной игрушки, тем больше прока от него можно будет ждать в будущем. А другие чудаки-дяди (и тети, конечно!) так украсили помещения в общем-то казенного заведения, что, попав туда, захотелось закричать: не верю — показуха! Такого я нигде не встречал. Ну, что ж, Шяуляй, я замечу, вообще городок из странных. Никак ему не удается, не хочет сидеть в ряду себе подобных, не высовываясь. То провозгласит: «Шяуляй — город велосипедистов!» И все поверят. То объявит фотографический фестиваль — опять от гостей нет отбоя. Но и этого мало. Каждый год организуют здесь республиканские праздники. То фестиваль струнных оркестров и балльных танцев, то конкурс хоров, то прослушивание старинной музыки. И каждого приезжего разместит, каждой покормит, обеспечит всех транспортом, наконец, сценическими площадками, и все это в работающем городке, живущем своей жизнью.

Отчего же здесь все так, как есть? Почему так мало «объективных причин», чтоб помешать всему этому? Откуда шяуляйцы берут деньги, чтоб красить фасады и ставить красивые фонари? Почему в кофейных пахнет кофе, а не черт-те чем? Какие такие возможности украшать город первоклассной скульптурой, когда в иных городах и весех приличной мусорной урны не сыщешь? Кто же им все это дал?

Отвечу, как понимаю: никто никому ничего не должен! Не должен дать, не должен разжевывать, не должен в рот положить. Не должно быть подателей и просителей! Каждый имеет то, чего достоин. Да, если жители Шяуляя привыкли любить и лелеять свою землю, свою историю, свои обычаи — поклон им. И прежде всего за науку. Любить родину надо деятельно, активно. Не бороться за чистоту, а подметать! — как давным-давно подсказывали сатирики. Вот шяуляйцы и подметают.

Перед отъездом я встретился с первым секретарем городского комитета партии Кестусисом Вацлавичем Залецкасом. Достаточно молодой человек — сорок с небольшим, до этого поста был председателем горисполкома и видит, я бы сказал, жизнь города стереоскопично, как бы с двух точек зрения.

— Иногда мне звонят по какому-то вопросу, я отвечаю, что его решает горисполком. А на другом конце провода возмущаются; мол, что вы такое говорите, все решается в горкоме, и это всем известно! Партийные руководители действительно иногда не дают самостоятельности людям. В результате насаждают иждивенчество. Вы спросили, кто был инициатором всех дел в Шяуляе, с кого все это началось? Знаете, я бы не стал искать кого-либо. У города сто тридцать семь тысяч хозяев. И все они соавторы доброго дела.

Хотя мне до того и называли людей вполне конкретных и достойных, настоящих инициаторов того или иного начинания, я подумал: прав секретарь горкома партии. Здесь в каждого жителя вдохнули веру в то, что он далеко не последняя спица в колеснице.

Н. ПИРОСМАНАШВИЛИ. Начало см. на стр. 8

таких художников. Но не о каждом таком художнике получается такой фильм. За что благодарить его создателей — режиссера Эльдара Шенгелая, сценариста Эрлома Ахведиани (чей сценарий, кстати, и получил на конкурсе право стать фильмом) и оператора Автандила Варази, исполнившего роль Пиросмани? За что — за цвет, за настроение, за родившую и похоронившую в себе художника Грузию, за доходящую до подлинности документальной передачу его одинокой души?..

Нет. За то, что, выходя из кинотеатра и смущенно озираясь, чтобы идущие рядом не заметили, как вы утираете влажные глаза, в это время в вас клокочет — и, дай бог, в идущих с вами рядом — вопрос: неужели всегда будет возможна такая форма отношений зрителей и художника — прижизненного равнодушия и посмертного почитания?

Фильм об этом. И жизнь Пиросмани об этом.

Бесхитростны и прекрасны надписи и подписи на картинах Нико: «Охот на медвѣдын», «Да здравствует компания Бего. Бог да умножит всем добрую жизнь», «5 руб.», «Рзбоникъ укралъ лошдѣ», «Миланеръ бездетный бедная съ детьми».

Но есть одна великая надпись на жестяном натюрморте: «Да здравствуйте хлеба солнаго челове...»

Неграмотно? Нет — гениально! Эта фраза, как птичье крыло, разворачивает смысловое оперение — не одно перо: крыло, рождающее полет. Никто из грамотных не написал такого.

Что написал Нико?

Это слова голодного человека, которому отломали теплую краюху хлеба, и у него нет сил на последний слог — он проглатывает его вместе с первым куском хлеба. И повисает: «...челове...»

Это слова встретившего на пыльной дороге арбу с хлебом. Он приветствует эти хлеба. И хлебопека, выпекшего их, еще не остывшего от печного жара, в потной еще рубашке, соленого — «солнаго».

А может, он хотел громко сказать всем людям самое существенное: «Да здравствует хлебосольное человечество!»

Хлебосольное — доброе, отзывчивое, сердечное, сознающее, что на земле все земляки.

Голос оборвался — нескольких букв не хватило.

Роздал бы я детям, которых так любил Нико, самые большие и самые яркие цветные карандаши, чтобы на громадных картонах написали они радостными буквами эти слова и подняли бы их так высоко в небо, чтобы все люди в мире увидели: «Да здравствует хлебосольное человечество!»

Впервые приехав в Грузию, я долгое время не мог отделаться от ощущения, что мне давно знакомо и любимо все это: холмы, виноградники, повозки на пыльных дорогах... И когда я вошел в зал, где были выставлены все сохраненные полотна Пиросмани, я понял — вот откуда знакомо и любимо мне все, что называется Грузией. Пиросмани передал национальный дух, душу. Изменилась внешняя фактура — дух неизменен. Он так же чист и непосредствен.

В те дни проходила декада русской литературы в Грузии. Мы много выступали. Константин Симонов собрал небольшую группу поэтов для встречи в Академии художеств. Встреча была домашней, душевной.

«Ну что, Григол, — обратился Симонов к Григолу Абашидзе, — успеем мы с тобой пробить музей Пиросмани? Я уже завещал работы, которые есть у меня, для этого музея. Пожи-

ПОВАР.

вем еще немного, пробьем музей?..»

Он не успел увидеть новых триумфов великого Нико: выставок, музеев, книг,—но он в них верил и приближал их.

Уже многие знали тогда, что Симонов болен. Но никто не знал о его завещании похоронить его так, чтобы не было могилы. Возможно, поэтому он просил меня прочитать тогда мои стихи о Пиросмани.

Склоняюсь, Мцхета, к твоему плечу.
Я сбился с ног, прошу тебя, как маму,
скажи мне — где могила Пиросмани?
Могила Пиросмани я ищу.

Ты, лунный медвежонок на бревне,
вы, к водопою скачущие лани,
где похоронен Нико Пиросмани? —
скажите мне.

КУТЕЖ
ТРЕХ КНЯЗЕЙ.

Я сбился с ног.
Все спутано. Все скомкано.
Как стрелку размагниченного
компас,

меня кружит.
Я ошалел от буден.

Могилы нет. И никогда не будет.

Художнику могила не нужна.
Безденежны, бездомны, безобидны,
приставка «без» и в смерти им верна:
они бессмертны — значит,
безмогильны!

Но если повстречаете сирень,
вы к ней чело горячее приблизьте,
вы знайте —

это прорастают кисти
художника,
худого, как свирель...

ТАТАРИН —
ПОГОНЩИК ВЕРБЛЮДОВ.

«ЕСЛИ ЧТО-Я ЗА ВАС!»

Так мы с Сергеем Гордеевым и познакомились. По пути разговорились. Быстро уловив, что домой ему не очень-то хочется, пригласил его к себе попить чаю, потолковать о жизни, а может быть, и побеседовать для журнала, о чем я честно его предупредил.

— В назидание другим? — чуть иронично заметил он.

— Почему в назидание?

— Да потому, что я падший человек.

Я присмотрелся к «падшему человеку». Соломенные волосы, даже в темноте они обращали на себя внимание, руки в ссадинах — рабочие, джинсы потертые, куртка модная. Два-три вопроса, и стало понятно: мой попутчик стандартно-типичный (да простятся мне эти слова). Акселерат, пижонист. Но меня подкупила его искренность.

«Падший человек» по дороге к дому помог мне донести коробку, открывал мягко дверь парадной, закрывал, придерживая дверь, словно он жил на первом этаже и на себе испытал, каково ежедневно слышать среди ночи стук двери, тщательно вытирая ноги при входе, — словом, всячески демонстрировал воспитанность и доброжелательность.

Крутилась магнитофонная лента. Сначала он косился на магнитофон, а потом ничего — привык.

— Ну, почему же вы считаете себя падшим? — Я взглянул на своего знакомого и подумал: хоть сейчас снимай его на обложку молодежного журнала, девочки вмиг раскупят.

— Почему? Во-первых, я курю. Во-вторых, пью, в-третьих, тунеядец, в-четвертых, все время обманываю мать, в-пятых, неверный жених, — он загибал пальцы на одной руке и перешел на вторую, — в-шестых, я не знаю, чего хочу в жизни, в-седьмых...

Что ж, решил я про себя, попытаемся вместе разобраться в «падшем человеке».

— Кем вы хотите быть?

— Шофером. Просто шофером. Еще хорошо бы сняться в главной роли в кино, чтобы все тебя узнавали. Я мотогонщиком хотел быть. Однажды смотрел по программе «Время» мотогонки. Так сняли, закачаешься...

Сергей выставил перед собой руки, и я увидел, как он, находясь во власти скорости, дороги, словно срывается с мотоциклом. Исчезла равнодушная улыбочка, глаза загорелись. Мало того, мне показалось, что ветер зашевелил его соломенные волосы. Понимаю, что показалось, но было именно такое ощущение.

И я понял: мотоцикл — его страсть.

— А почему ты не пошел (он попросил перейти на «ты») в мотогонки? Есть же спортивные клубы, секции...

— Потому что дурак. У меня была возможность купить «Хонду». Отец обещал, а потом раздумал. Обещалкин мой отец. Мать с ним разошлась, когда мне было шесть лет. Появился отчим. Я его папой зову. Он хороший. Брата своего от «второго отца», Алешку, люблю. Он хоть и моложе меня на шесть лет, но мы понимаем друг друга. Я ему теперь как отец. С отчимом мать-то разошлась.

(Как бывает: я про увлечение мотоциклом, а вот куда привел разговор.)

— Вы представляете, мой отец платит алименты, — продолжал Сергей, — каждый месяц шесть рублей и шесть копеек. Он художник. Когда есть работа, когда нет. А еще он пьяница. Отчим тоже пьет. Не повезло... матери, мне, Алексею... Так вот за «Хонду» просили полтора куса. — Он посмотрел на меня и разъяснил: — Полторы тысячи. На наших машинах как: чуть неправильно газ сбросил, сцепление резко отпустил — и хрюкнешься. Машина «на козла» встанет, и чайником по асфальту проскрипишь — и все, считай, что труп. А на «Хонде»... Ну, почему мы не делаем классных машин? Мы ведь такая страна! Я пошел в мотоклуб при 128-м ПТУ. Сам учился в ПТУ № 59, но у нас не было секции. Дали мне жуткую машину. Но и на ней я выжимал, что

— ИЗ ГОСТЕЙ Я, ДРУГА В АРМИЮ
ПРОВОЖАЛИ.
ПОДКИНЬТЕ ПО ПУТИ, ПОЖАЛУЙСТА.
МЕТРО ЗАКРЫТО, АВТОБУСОВ НЕТ.
НО ПРЕДУПРЕЖДАЮ: ДЕНЕГ НЕТ.
ПОМОГИТЕ, ЕСЛИ НЕТРУДНО. —
И ОН УЛЫБНУЛСЯ.
— ВЕЗУ ЗА ИНТЕРВЬЮ, СОГЛАСНЫ? —
ПРЕДЛОЖИЛ Я.
— СОГЛАСЕН. —
И ОН БЫСТРО СЕЛ В МАШИНУ.

мог. Однажды набрал скорость, а сцепление бросил. Инструктор разорался на меня... и выгнал.

— Вам бы повиниться, — начал было я, снова перейдя на «вы», — объясниться с инструктором. Вы ж действительно могли и машину загубить, и, как вы сказали, хрюкнуться.

— Мог бы. Только я не переносу, когда кричат.

...После ПТУ он попытался поступить в институт.

— Бабушка меня уговорила: «Внучок должен иметь высшее образование». Она мне говорила: «Ты только подай документы, начни сдавать, а остальное я беру на себя». Я ПТУ окончил и имел только четыре «четверки»: эстетика, физкультура, специальность и правоведение, а остальные... «тройки». И то многие натянули. Должен кто-то оканчивать училища. Чего врать-то, ставят нам «тройки», когда мы знаем на «двойку», то есть ничего не знаем. И я пошел сдавать экзамены в институт. У бабушки в авиационном институте родственники работают. Большие начальники. Стыдно мне было, но сдавать пошел. Математику написал...

— На «двойку»?

— Ха, на «двойку»! Кол с трудом поставили. Все перепутал. Математику ненавижу. Бабушка крик подняла, бралась все заново устроить, чтобы я пересдавал, но я уперся. Не буду, и точка. За чем мне это? Я в шоферы пойду!

(Знакомая ситуация, не правда ли? Сын, дочь, внуки наши хотят одного, выбрали себе, для себя профессию, а мы заставляем их выбирать ту, которая нам кажется нужнее, престижнее, важнее. Мы часто ломаем биографии. И становятся врачами и учителями те, кто ненавидит больных, детей... Хорошо, что бабушке не удалось устроить внука, хорошо!)

— А бабушка хороший человек?

— Она любит меня. А дед мой умер. Бабушка помогает матери. И маминой сестре, тетке моей — она меня старше на полтора года, сейчас замуж вышла, — тоже помогает. Муж у тетки — студент МАИ, ему двадцать лет. Все у них получается. Завидую. Раньше бабушка в торговле работала. У нее знакомые везде. И живет не хуже других. Двухкомнатная квартира, ковры, хрусталь, цветной телевизор. Дедушка-то не пил... Не то что мои отцы. — Он тяжело вздохнул, бросил взгляд на книги в моей комнате, добавил: — Скучно мне, в 17 лет я тоже не знал, чем заняться, как убить время, где развлечься. Дискотек в нашем районе нет, а в другой ездить — стоит ли? Были бы дискотеки ежедневно, вот это жизнь! Я танцевать люблю. Ноги длинные — танцую красиво, только не умею. Хотел научиться брейку, а где школу найдешь?

— Ну, а как со спортом? Не хотелось серьезно заняться?

— Хотелось. Но я же старый, пришел на стадион «Алмаз», он рядом с моим домом, и говорю: «У меня метр девяносто. Возьмите в баскетбол». А мне в ответ: «Опоздал ты, юноша. Мы набира-

ем 70-й, 71-й... А у тебя 68-й год рождения. С твоим годом нигде не берут. Можешь по стадионам не ходить, бесполезно. У нас есть два человека 72-го года рождения, и рост у них 2,03 и 2,04, представляешь?»

И тут я поймал себя на ощущении личной виновности перед Сергеем. Сколько постановлений на самом высоком уровне было принято по массовости спорта! Кто должен отвечать за их невыполнение? Прежде всего мы, старшие. Кто должен научить молодых горожан использовать возможности большого города? Опять-таки мы! Но я решил вернуть разговор в прежнее русло:

— А каким ты хочешь стать, что изменить в себе?

Он посмотрел на меня чуть мечтательно и, как мне показалось, серьезно задумался.

— Каким? Честным. Мне надоело врать матери. И не врать вроде бы нельзя. Скажу, например, что пиво пил с ребятами, — скандал возникнет. А скажу, что у друга отмечал день рождения, — мать смолчит. Трудно врать. Надо запоминать, кому и что сказал. Просто ужас. Хорошо бы ничего такого не делать, из-за чего приходится врать, а? Ведь есть такие люди? Вот вы врете? — Он посмотрел на меня внимательно.

— Стараюсь не врать.

— А, стараетесь! Значит, врете, а если не врете — обманываете. — И, не дожидаясь моего ответа, продолжал: — Хочу быть сильным, чтобы никого не бояться. Хочу, чтобы мое финансовое положение стало стабильным, основательным. Придут друзья домой и скажут: «Хорошо живешь!» У меня долги сейчас — 30 рублей. Нужно бы до армии отдать. Жениться хочу. Детей хочу. Чтобы были девочка и мальчик, погодки. Почему погодки? А чтобы не отличались друг от друга. У меня как? Брат на шесть лет моложе, мне все время говорили: ты пойми, он маленький, а ты взрослый. Так было и в шесть лет, и в десять, и в тринадцать... Да и сейчас, я в армию ухожу, а мне говорят: он, Алешка мой, маленький. Теперь-то понимаю, брат действительно маленький. Я это два года назад понял. Иду как-то по двору и слышу, Алешка с кем-то ругается и как закричит: «А я брату своему скажу, он тебе покажет! Любимому брату скажу!» Хотелось схватить Алешку и расцеловать. Но не стал. Я же взрослый. Когда дети в семье ровесники, то у них все поровну: тебе половина и ему половина.

Он долго думал, что ж еще пожелать. Так ничего и не придумал.

Мы говорили с ним о матери, о том, как ей трудно с двумя детьми. Вспомнили о собаках. О болонке, попавшей под машину, — девять лет в доме жила, о доге, которого потом мать продала. Читает Сергей мало, больше всего ему нравится Джек Лондон. Телевидение смотрит редко и очень огорчен, почему в программах мало дают рок-группы.

— А как ты относишься к моде?

— С пониманием. — И, запустив пятерню в прическу, добавил: — Но краситься думаю прекратить. Теперь этот цвет не модный. Смешно, да? Скажи мне пять лет назад, что я буду красить волосы, обсмеял бы такого человека. А ведь есть и взрослые, я знаю, красятся.

В разговоре наступила пауза. Сергей о чем-то вспомнил и философски заметил:

— Не везет мне в жизни. Не везет, и все тут. Распределился после ПТУ слесарем-инструментальщиком в одно объединение. Вышел на работу. Ну, этот день отметили. Я прогулял — меня уволили. Но в трудовой книжке запись не сдвали. Книжку не успели завести. Мне теперь надо всеми правдами и неправдами срочно открыть трудовую книжку. Иначе шесть лет трудового стажа пропадут. Три года в училище и — меня на флот определили — три года службы.

Потом мы коснулись с ним проблемы, о которой обычно стесняемся говорить. Книжки про ЭТО есть, но они раскупаются, не успевая дойти до прилавков магазинов. Каждого юношу, каж-

дую девушку ЭТО волнует. Мало того, беспокоит и тревожит, интересует, привлекает. ЭТО! А если мы об ЭТОМ — о половом воспитании, о сексуальной культуре — будем говорить? Появись вовремя нужная литература, кто знает, может быть, у Сергея легче прошел бы переходный период.

— Я давно начал половую жизнь. Было три девушки. Нет, — он усмехнулся, — три женщины. Если женюсь, жена должна быть мне верной, я тоже не буду ей изменять. Давайте не будем говорить на эту тему, а то я врать вам начну. Мы с моими друзьями, Витькой, Санькой из ПТУ, Борькой с нашего двора, говорили об этом. Все у всех одинаково. Много ли у меня друзей? Хватает. Что делаем? Слушаем музыку, я «тяжелый рок» люблю, иногда складываемся на пиво.

Долго мы еще говорили. Как найти свое призвание, как относиться к родителям. Сергей вспомнил любимую учительницу — она преподавала в младших классах. Вместе обсуждали проблему наркотиков. Он с гордостью заявил, что от курения, уколов отказывался, хотя и предлагали. Попробовал однажды таблетки, но было противно.

— Вот ты в армию уходишь, а невеста остается?

— Остается. Она у меня добрая, красивая, работает на фабрике-кухне. Я у нее дома был. Знаю, нравлюсь я ей. Только ведь я в армию ухожу. А она остается. Мама мне говорит: «Сергея, не смей. До армии не надо жениться. И вообще не смей ЭТО. Мало ли что...» Мама, думаю, права. Эх, через две недели «гражданка» кончается. Но, если честно, я считаю, настоящий мужчина должен отслужить... Это я не потому вам говорю, что вы журналист, я действительно так думаю. Я в армии изменюсь. Я лентяй, а там лентяи не дадут. Пить хочу бросить, курить. Машину научусь водить — я же шофером хочу быть.

Часто задумываюсь: вот на два-три года уходят наши юноши в армию. Попадают в другую обстановку, живут по режиму. Возникает ли там свое, особое, мужское братство, закалка, рост духовный? И сколько мы (может быть, я не прав) не используем возможностей для воспитания юношей именно в армии. Впрочем, это — что может дать армия и что она должна делать для воспитания мужчин — тема отдельная.

...Затянулся наш разговор. Сергей рассматривал книги, привык к микрофону, а в конце нашей беседы спросил:

— А вы действительно будете писать обо мне? Я не против. Можете даже фамилию мою указать. Таких, как я, много. Только ведь не напечатают. Кому это интересно — читать про таких, как я? Ничего интересного. Писать надо о людях выдающихся. А я что?

Мы вышли из дома. Время ночное. И тут к нам подошел милиционер. С тех пор, как в микрорайоне, где я живу, участились кражи из машин, милиция усилила ночные наряды. Сергей опасливо покосился на стража порядка.

Мы сели в машину. Он посмотрел на меня и серьезно сказал: «Вы учтите, если что — я за вас! Хулиганы там или мало ли кто...»

А мы? Будем ли мы за него?

ОТ РЕДАКЦИИ. Молодой собеседник нашего корреспондента привлекает своей искренностью, хотя и отталкивает незрелостью, не так ли? Его позиция: «Если что — я за вас!» — вызывает симпатию, ностораживают поспешность и поверхностность суждений, отсутствие какой-либо позиции даже по отношению к устройству собственной судьбы. Может быть, истоки душевной незрелости юноши в его не очень-то благополучном детстве! Не исключено. Кто-то, возможно, попытается объяснить его затянувшееся мужание традиционным стереотипом: мол, не нашел комсомол дороги к сердцу паренька. Только никто и самому Сергею дороги к комсомолу не заказывал. Кто же, как не он сам, должен был защитить себя и в таком, прямо скажем, пустячном деле, как устройство в спортивную секцию! Полагаем, что отсутствие у Сергея интересов, например, к чтению — именно ЕГО упущение, ведь дорога в библиотеку, на выставку тоже не заказана. Воспитание характера, развитие интересов — это не в последнюю очередь дело и самого молодого человека.

А что думают по этому поводу наши читатели? Каким показался вам Сергей?

В последнее время «Огонек» обращается к неоднозначным, спорным явлениям в молодежной среде: достаточно вспомнить публикации о брейк-дансе, о творчестве рок-группы «Аквариум», о «люберах». В редакционном портфеле есть материалы и для новых дискуссий.

Ждем писем! Надеемся на продолжение разговора в очередных выпусках рубрики «Молодежь: дела и проблемы».

И БЫЛИ НАШИ

ОБ ОДНОЙ ВСТРЕЧЕ СПУСТЯ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

— Только пусть ворота будут открытыми, — попросил один из них.

— Я заказал такси на 12.30, — нахмурился другой.

— Мне нужно спешить на заседание комиссии, — деловито произнес третий.

Евгений Евтушенко не торопился: он был гостеприимным хозяином...

ПОМЫСЛЫ ЧИСТЫ...

Фотокорреспондент «Огонька» Дмитрий Бальтерманц просил на съемку четверть часа. Когда же из тридцатиградусной стужи они вошли в тепло и уют и радушный хозяин стал угощать гостей горячим чаем с вареньем из какого-то экзотического фрукта, когда он включил видеоролик чудом сохранившейся у него киноленты снятого четверть века назад поэтического вечера — все сразу же впились в экран, ведь на экране были именно они, — я понял: разговор состоится. Не дождавшись пассажира, вернулось в Москву заказанное такси, ворота еще долго оставались открытыми, официальное заседание комиссии прошло без одного из ее членов.

Зато щелкали затворы фотокамер, крутились магнитофоны, не умолкала речь. Как захватывающе интересно было просто на них смотреть и слушать их, родившихся в тридцатых, начинавших писать стихи в сороковых, издавших первые сборники в пятидесятых, ставших всемирно известными в шестидесятых, вошедших в школь-

ные хрестоматии в семидесятых, выпустивших собрания сочинений в восьмидесятых! Одним словом, не обижая других замечательных поэтов — их ровесников и современников, мне захотелось поговорить именно с ними, с теми, кто, наверное, чуточку больше, чем кто-либо другой из их поколения, был любим публикой, читателями. Да, именно они, Вознесенский Андрей Андреевич, Евтушенко Евгений Александрович, Окуджава Булат Шалвович, Рождественский Роберт Иванович, были ярчайшими звездами на небосклоне русской поэзии пятидесятых годов. Тех лет, о которых очень точно сказал Леонид Мартынов: «Удивительно мощное эхо! Очевидно, такая эпоха». Та очистительная эпоха, когда всех волновали по-новому зазвучавшие понятия: «свобода», «правда», «справедливость», «совесть».

В чем-то сегодняшняя атмосфера совпадает с той эпохой. Более полно мы вдыхаем очистительный озон уже нашего времени, и искусство распрямляет крылья, очищаясь от затхлости, примитива, равнодушия и конъюнктуры.

...Взгляните на фотографию: как умиротворен-

но беседуют гости, собравшиеся в Переделкине! Можно подумать, что, повстречавшись под парусами времени тридцать лет назад, они и не расходились. А ведь между ними пролегло многое: разность судеб, личные трагедии и взлеты, неустойчивость читательских вкусов, трансформация их собственных взглядов. Тридцать лет прожить рядом, друг возле друга, любя, ревнуя, гордясь, огорчая и огорчаясь, — не поле перейти. И пусть не вместе, не за одним столом, но съедено ими всеми по пресловутому пуду соли, соединившему их судьбы навсегда. Иначе и быть не могло: ведь все они самоотверженно преданы главному в их жизни — поэзии, искусству, слову.

А если что не так, то пусть их рассудит будущее. За то, что уже сделано, и за то, что осталось сделать. А пока...

А пока я прошу их оглянуться назад — сейчас это модно: «ретровзгляд», «ретроспектива», и не надо останавливать мгновение, пусть минуты этого «вместе», возможность неожиданного общения объединят их воспоминания-размышления

с раздумьями наших читателей о судьбах поэзии и поэтов.

Ведь со времени их пылкой молодости прошло тридцать лет. Какими они помнят себя по отношению друг к другу, к литературе, к жизни? Что осталось в них от тех, тогдашних? Они изменились, но в чем? Они изменились или их изменило время, обстоятельства, возраст? Пытались ли они изменить время?

Когда-то один из них сказал: «Нас мало, нас, может быть, четверо». Они и сегодня так считают? Видятся ли им новые четверо в сегодняшней поэзии?

А кто из тогдашних живых поэтов влиял на них? Ведь это интересно — помогал им, «ставил голос». Кому они помогли (словом, напутствием, выпуском книги, иной поддержкой) из нынешних молодых? Оправдано ли было их, «мэтров», участие в творческих судьбах дебютантов?

Чем объяснить, что они изменили основному жанру и вторглись в сопредельные искусства: кино, телевидение, музыку, песенное творчество, серьезную прозу? Что это — попытка нового опыта, хобби, неизбежность?

А вокруг другое «тысячелетие», но в чем-то и похожее на то, когда они были молодыми. Чувствуется ли прилив новых сил, желание творить или материал уже исчерпан, и, как говорили Серапионовы братья, встречаясь друг с другом, «писать, брат, очень трудно».

Включаю диктофон.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

**МЫ БЫЛИ ТОЩЕ.
И УЖЕ ТОГДА НИЧЕГО
НЕ БОЯЛИСЬ.**

Все мы тогда распевали Окуджаву. Он не написал еще песенку про дураков, но они считали его песни опасными. Белла Ахмадулина водила «Москвич», ее фарфоровый овал светился музыкой. Е. Евтушенко, сияющий первым в Москве нейлоновым костюмом, и Р. Рождественский в лыжном свитере с выпущенным воротником пламенно читали с эстрады смелые гражданские стихи. Вижу не только их, но и Ю. Мориц с ее страстной библейской нотой, у которой обрубки кос встают от гнева, геолога Г. Горбовского, Е. Винокурова с олимпийским портфелем, тончайшего гравера А. Кушнера, облупленного солдата В. Соколову. Вернулся из мест отдаленных гусяр В. Бокор. У Б. Слуцкого были фигура и слог римского трибуна, за ним чувствовались легионы.

Моя дружба с ними выразилась в стихах и статьях, им посвященных. Гласности в нашем понимании тогда не было. Попытка сказать правду о жизни и искусстве клеймилась как очернительство, с особенной злобой воспринималась эстетическая новизна. Строчка над сценой Театра на Таганке: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» — воспринималась чиновниками как крамола. Сейчас трудно поверить, что стихи «Бьют женщину» много лет назад нельзя было опубликовать. Газетная брань по адресу меня и моих товарищей была небезобидной. Переставали печатать...

Многие стихотворные строки тогда пробивались кровью.

Изменили ли мы время? Конечно. Но мы тогда не думали об этом.

Время расставляет свои акценты, отделяя нас теперь друг от друга. Видимся раз в году, но и тогда мы были разные. Вопреки легенде мы не так часто выступали вместе. Аудитории у нас были разные, да и жили мы каждый по-своему. Общими у нас были враги. Их нападки спланивали нас. Общими были страсть страны, воздух надежд, люди, верящие в нас.

Поэты, заявившие о себе в 60-х годах, пожалуй, лучшие свои вещи написали в 70-х и 80-х. В них сказались боль от крушения иллюзий. Деление на поколения в поэзии механистично. В те годы я написал о поколениях — «горизонтальном» (по возрасту) и «вертикальном» (по совести и таланту). Эти слова о «вертикальном» поколении процитировали, чтобы вывести из себя Н. С. Хрущева, на злополучной встрече с интеллигенцией в Кремле. Он потребовал меня на трибуну. Прервав мое выступление, подняв кулаки, обрушился на меня под организованный скандеж зала. За ним была могучая сила, и я не мог понять, как в одном

человеке сочетались и добрые надежды 60-х годов, мощный замах преобразований, и тормоза старого мышления. Когда я читал стихи, отбивая ритм поднятой рукой, он закричал: «Вы что руку подымаете? Вы что нам указываете? Вы думаете, вы вожди?» Н. С. Хрущев, уже будучи на пенсии, передал мне, что сожалеет о том эпизоде, и о травле, которая за этим последовала. Я ответил, что не держу на него зла. Ведь главное, что после 56-го года были освобождены люди.

Изменило ли нас время? Еще бы! Хотя уже тогда можно было угадать, кто как изменится. Тут уж совсем неуместно слово «мы». Каждый должен сам сказать о себе. В моей памяти все осталось подобно дружбе одного двора или одноклассников. Как Андрей Тарковский, с которым мы учились в одном десятом классе 554-й школы и гоняли во дворе консервную банку. Страшно, что его уже нет среди нас. Как много не удалось сделать!

Сейчас кажется, что можно было бы сделать больше. Наивным кажется юношеский максимализм — понятный, правда. Я четырнадцать лет общался с Пастернаком, боготворил его, шел за его гробом, и естественно, что влюбленность в него не позволяла видеть других поэтов. Да и когда можно было поставить рядом с ним? Много занимался поэзией как таковой, считая стихотворение вопросом, а не ответом. Публицистики у меня было мало. Стихотворение — это духовный микрокосм, духовная форма. Обидно, что порой не хватало характера отстоять каждое слово и столько строк покалечено. Дубины не сбили с пути, но, увы, отбили душу.

Горше, когда ты, как сказал В. Ходасевич, о котором мне недавно довелось писать в «Огоньке»:

...На трагические разговоры
Научился молчать и шутить...

Впрочем, может, это просто иронический стиль 80-х годов?

Недавно мне радостно позвонили, что вышел первый диск Гребенщикова. Хорошо, что публикация в «Огоньке» открыла дорогу «Аквариуму». Многие из поэтов, чьи имена названы в «Муках музы» и других моих статьях, оправдывают надежды, ныне к ним хотелось бы прибавить имена Арапова и Искренко. Рекомендую «Огоньку» напечатать их стихи.

На днях ко мне подошел поэт, когда-то заведовавший отделом поэзии в издательстве «Советский писатель»: «Сейчас все оказываются друзьями Высоцкого, везде его печатают, но, когда он еще был жив, только ты единственный приносил рукопись его книги стихов, пытался пробить. Жаль, тогда не удалось». В то время не только книгу — строку его нельзя было напечатать. Железобетонная стена. Глядишь, вышла бы книга, может быть, он жив остался.

Владимирский поэт Н. Ф. Тарасенко помог мне издать «Мозаику». В. Солоухин помог опубликовать мою первую поэму, «Мастера». Э. Межелайтис, понимая, чем ему это отойдется, не глядя, подписал в печать «Треугольную грушу». Самоотверженный Андрей Дементьев взял на себя публикацию поэмы «Северная надбавка» Евтушенко; он печатал важные для меня вещи, в том числе поэму «Ров».

Независимо от возраста люди «вертикального» поколения помогают мне. И я в меру сил помогаю людям «вертикального» поколения. Всю жизнь везде, где можно, пишу о Пастернаке. Мне удалось впервые опубликовать его стихотворение «Гамлет» из «Доктора Живаго». Трудно представить, что миллионы моих сверстников не знали его имени, хотелось бы хоть немножко пододвинуть поэзию Пастернака к ним. Помощь озеру, шедевр архитектуры, публикации мастеров, о которых годами молчали, заботы о наследии Шагала — все это, думаю, помогает и атмосфере творчества молодых. Сейчас находит поддержку мое предложение, высказанное на съезде писателей: о кооперативном издательстве. Может, оно, как свежее начинание, поможет молодым.

У нас ежегодно печатается 84 тысячи названий книг. Несколько книг Набокова, Ходасевича, Гумилева обеспечат полноту картины отечественной литературы XX века. Наши современники имеют право читать все. Какой может быть общечеловеческая глубина литературы без философской мысли? Философия должна изучаться не на уровне отрывного календаря. Забытыми пребывают такие ветви русской мысли, как мучительные раздумья Шестова о Достоевском, «биологика» Розанова, труды В. Соловьева, Флоренского, Чижевского. Их полезно было издать академическими тиражами, хотя бы для просвещенных и посвящаемых в философию. Чтобы полемизировать, нужно знать источник.

В архитектурном институте я профессионально учился рисунку, живописи, проектированию, со-

промату, истории искусства. Для меня поэзия не хобби, не профессия, а судьба. Когда я писал первую поэму о казни создателей храма Василия Блаженного, я знал по рассказу Жолтовского, что шедевр этот случайно не взорвали в 30-х годах, знал я и о судьбе ученого-реставратора Барановского. Так что поэма не только об истории архитектуры, о судьбе народной, но и о моей судьбе. Надо быть человеком Ренессанса, открывать в разных сферах, сейчас время духовного синтеза. Во всем пытаюсь найти что-то новое, свое в автолитографиях, архитектурном проекте Позтарха, рок-опере.

Спасибо 60-м годам за духовный подъем, за то, что освободили и реабилитировали людей. Это главное. Но фильм «Покаяние» тогда не только выпустить, но даже снять было бы невозможно. Возможны ли были последние острые публикации в «Московских новостях»? Все вещи нашего печатного Ренессанса глухо лежали тогда в столах. А разве возможен был исповедальный писательский съезд? Наивно думать, что все решено. Идет ежесекундная борьба с еще очень сильным, реакционным слоем нашего общества.

Но главное — свобода не вне, а внутри человека. У художника это свобода выразить себя и время по-своему, как ни Толстой, ни Блок не выражали. Как говорили философы, «в свободе скрыта тайна мира». Поэзия занимается общечеловеческими ценностями. Поэзия — это прежде всего внутренний мир человека. В ней главное — человечность.

Минувшей осенью я отказался от интересных зарубежных поездок: дома дел много, многому можно помочь. Происходит преодоление косности, и здорово, что результативно. Политически это называется демократизация. Поступок — это тоже поэзия. Глаза страшатся, а руки делают...

Поэзия рождается непредсказуемо. Ее нельзя организовать. В XX веке гребни творческих духовных взлетов приходятся на каждые 20 лет: двадцатые годы, сороковые-роковые, шестидесятые, восьмидесятые.

Одна из нынешних моих забот — комиссия по наследию Пастернака. Пытаемся основать музей на его даче в Переделкине — «трудно, брат, но нужно», восстановить доброе имя великого поэта, снять с него клеймо исключенного из Союза писателей. В Переделкине могли бы проходить Пастернаковские чтения, как наши, так и международные. Нужно целиком опубликовать все его произведения, в том числе поэтический роман «Доктор Живаго». Все это прежде всего не только для того, чтобы восстановить историческую справедливость, а для создания атмосферы нашего сегодняшнего искусства, для создания новых произведений по искреннему, как говорил В. Шкловский, «по гамбургскому счету», чтобы легче было новому «юноше бледному, со взором горящим».

Какие стихи 60-х годов я повторил бы сегодня? На вечерах меня просят почитать «Порнографию духа», «Очередь». И сегодня повторю: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек».

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО:

**Я НАЧИНАЛ КАК
ВОЛЧОНОК-ОДИНОЧКА.**

В детстве и ранней юности у меня не было ровесников, которые писали бы вровень со мной. Я всегда тянулся к старшим — к отцу, который научил меня любить стихи, затем к Николаю Тарасову, напечатавшему меня впервые в «Советском спорте» 2 июня 1949 года, и первый гонорар я получал по метрике. К критику В. Барласу, к Льву Филатову (впоследствии ставшему блестящим футбольным обозревателем). Они мне открыли Пастернака, Мандельштама, Ахматову, Б. Корнилова и П. Васильева. Естественно, я подражал взрослым, в своих стихах стараясь казаться старше. Уже в четырнадцать лет я писал так:

Текла моя дорога бесконечная.
Я мчал, отпугивая ночи тень.
Меня любили вы, подружки встречные,
чтоб позабыть на следующий день.
Я их не упрекал в такой забывчивости —
ведь я и сам их часто забывал.
Лишь только ночь уюта и отзывчивости —
я больше ничего от них не ждал.

Поэт Андрей Досталь, работавший литконсультантом в «Молодой гвардии», которому я послал эти стихи, вызвал меня письмом и неслезанно

удивился долговязому пацану со школьным портфелем.

— Мальчик, почему твой папа не пришел сам за своими стихами?

Я запунцовел:

— Это не папины стихи, а мои...

Собственная жизнь мне казалась неинтересной, поэту я и придумывал себе взрослую. Повесники тоже казались неинтересными. Я наращивал поэтические мускулы, играя рифмами, как гантелями. Ходил на все вечера поэзии и «перебаливал» всеми влияниями — от Кирсанова до Луконина. Подружился с Винокуровым, Межировым, Слуцким. С Владимиром Соколовым; он был тоже старше меня, но уже не намного — словом, был самым молодым другом из всех моих старших друзей. Соколов был первовысказывателем исповеди поколения, увидевшего войну глазами детей: «Четвертый класс мы кончили в предгрозы, из пятого мы перешли в войну». Я думаю, он был потенциально талантливее всех нас — и все мы это беспрестанно признавали. Это «мы» начало постепенно складываться. Первым моим ровесником, с которым я считал достойным дружить, был Фазиль Искандер. Он жил, правда, особняком, как, впрочем, и сейчас, но всегда учился в нашем поколении. Костяк нашей «могучей кучки», образовавшейся вокруг Литинститута в 1952 году, были Соколов, Рождественский, безвременно погибший Володя Морозов и я. Мы зачитывали друг друга стихами собственными и чужими, вместе выступали. Все мы, кроме Соколова, писали еще плохо, но, боясь сурового мнения товарища, подтягивались, соревновались. О, какое это великое чувство — боязнь мнения товарища! Сколько эта боязнь дарует, от скольких болезней — и в первую очередь от самомнения — она вылечивает! Так я, оказавшись в Литинституте уже широко печатаемым в газетах, очутился под градом целебнейших дружеских издевательств и постепенно начал вылечиваться от газетщины под нелучшего Кирсанова. Поворотными моими стихами стали «Перед встречей» (написанное под влиянием Соколова), «Вагон», «Море». Я понял, что и моя собственная жизнь, и жизнь окружающих людей гораздо интереснее, чем все вычурные фантазии. Автором всех этих переломных стихов, а затем «Свадеб», «Со мною вот что происходит», которые и сделали меня поэтом из стихотворца, был не столько я сам, сколько выскатывало не беспринципное чувство «стаи», а прежде всего любовь к поэзии, соединенная с любовью друг к другу.

В нашей среде не было ни зависти, ни подсиживания, ни взаимопроталкивания, что, к сожалению, характерно сейчас для ряда начинающих. Смерть Сталина нас еще больше соединила, потому что мы и плакали вместе, но и вместе мучительно задумались, когда постепенно приоткрывшаяся со смертью Сталина завеса над прошлым поставила нас лицом к лицу со столькими человеческими трагедиями. Кое-что мы знали и раньше, но под гипнозом воспитания не могли осознать явлений в их совокупности. В день смерти Сталина арестовали одного из наших преподавателей — поэта А. Коваленкова. Мы с Соколовым потрясенно обсуждали это и по закону нашего воспитания выискивали в нем черты «врага», вспоминали то одну, то другую его фразу, теперь, после ареста, начавшую казаться подозрительной. И вдруг Володя резко сказал мне:

— Какие мы с тобой сволочи... Вместо этого надо поехать к его жене... разделить ее горе.

Так мы и сделали. Коваленкова через несколько месяцев освободили. Жизнь менялась. Гипноз постепенно ослабевал. Студенческий курс первого послесталинского года был уже совсем другой, чем мы, — более раскованный, радикально настроенный и удивительно талантливый: Белла Ахмадулина, Юрий Казаков, Михаил Рошин, Юна Мориц. Слово «мы» начало расширяться. Приехавший в Литинститут тогдашний секретарь Союза писателей Сурков, разноречив в своем выступлении первую антибюрократическую ласточку — роман Дудинцева, кричал, показывая на свежесобранную институтскую стену: «Вот видите — на этой стене пятно. Если я, как Дудинцев, уткнувшись носом в это пятно, тогда она вся будет казаться мне грязной...» Еще совсем юный Рошин спокойно возразил ему под наши общие аплодисменты: «Да, но если отойти слишком далеко, то тогда пятно совсем не будет видно...» Сурков уехал, грозно бурча, что Литинститут — это рассадник нигилизма... Но мы не были нигилистами. Мы были полны веры в то, что жизнь надо перестраивать — дальше так жить и писать нельзя. Тогдашний Литинститут действительно был рассадником, но не нигилизма, а гласности и демократии —

будущей перестройки. За это по головке не гладили. Меня исключили из Литинститута с формальным объяснением «за непосещение лекций», а на самом деле за то, что я защитил Дудинцева. Ахмадулину и Мориц тоже исключили, правда, временно, только за то, что они в объявленный «День открытых душ» слишком открыли свои души. Но мы все равно держались вместе, хотя нас и разъединяли, как могли, и хотя мы сами иногда крупно ссорились друг с другом. Но какие это были замечательные ссоры! В них не было ничего мелкого, междоусобного — это были ссоры-споры, и споры не по пустякам, а по главным, принципиальным вопросам — по отношению к истории революции, к стране, к роли искусства. Во многом мы были наивны, необразованны, нам не хватало порой тонкости вкуса, многослойности мышления. Но зато нас нельзя было упрекнуть в иждивенчестве, в социальном равнодушии, в инертности, в потребительском «вседолампочкизме». Если бы тогда кто-нибудь в нашей компании рассказал бы пошлые анекдоты о Чапаеве и Петьке, он схлопотал бы по морде. Но в Литинституте были и посредственности, угрюмо завидовавшие тем, кто старался двигать время и искусство вперед. Окончательный раскол произошел во время «дела Пастернака», когда ряд студентов, шантажируя исключением из комсомола и из института, требовал подписей под письмом, где заявлялось, что Пастернака надо вышвырнуть, как свинью, из нашего советского огорода. Некоторые вчерашние «прогрессисты» сломались, подписали (да еще испросив разрешения у самого Бориса Леонидовича). Потом они деградировали и как поэты. Их имена, когда-то шумевшие в студенческих аудиториях, сейчас не помнит никто.

Маяковский в своем футуристическом манифесте когда-то уподобил слово «мы» глыбе, на которой стояли он и его соратники среди свиста и негодования. Наше «мы» тоже было такой глыбой, и с этой глыбы многие соскальзывали. Но на нее поднимались и новые соратники. Так появился Вознесенский, ворвавшийся в поэзию в отличие от многих из нас сразу — с молниеносностью фейерверка. К этому «мы» принадлежат и Булат Окуджава. Хотя он и старше нас по возрасту и даже успел повоевать, но как поэт зазвучал в то же время. Саша Аронов, Нина Белосинская из замечательного литобъединения «Магистраль» однажды спели мне хором одну из первых песен Окуджавы, и я был ошеломлен — настолько романтическая чистота этих безыскусных, но в то же время тонких, умных песен соответствовала нашим надеждам. Что нового внесли поэты-шестидесятники в нашу жизнь? Первое — резкая антикультурная направленность. Она была общей для всех нас, несмотря на разницу индивидуальностей. Второе — «детабуизация» всех тем, на которые были наложены писанные или неписанные табу. Третье — отвращение к «барабанному» патриотизму, к национальной ограниченности. Четвертое — новый поэтический язык, включавший свежую ассонансную рифмовку, поиски новых ритмов, метафор, интонаций, безбоязненное употребление современных, даже подчас жаргонных оборотов, так называемых «непоэтических» слов. Пятое — расширение поэтической аудитории до площадей, заставившее читать стихи даже тех, кто их раньше не читал. Шестое — триумфальный выход русской поэзии на международную арену.

Разумеется, названными именами русская поэзия нашего времени не ограничивается. Она непредставима и без ушедшего безвременно Рубцова, и без многих других. Но характерно вот что: первые стихи Рубцова в Москве были напечатаны с моей помощью в «Юности», и у нас были с ним самые теплые дружеские отношения, но после его смерти некоторые критики неэтично начали стаскивать его и меня лбами. В ряде критических анкет в перечне ведущих поэтов имена Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы, Рождественского высокомерно не упоминались, а им противопоставлялись длинные обоймы других имен. Была изобретена фальшивая групповая теория «тихой», то есть якобы настоящей поэзии и «эстрадной», то есть псевдопоэзии. Пример профессиональной этики показал Владимир Соколов, объявленный лидером «тихой поэзии», когда он осудил такое противопоставление.

Интерес к поэзии, упавший в годы торжества лакировочных тенденций, небывало возрос. Поэтические книги, раньше залеживавшиеся на прилавках, стали мгновенно расхватываться, начали становиться даже предметом спекуляции на книжном «черном рынке». Тиражи с пяти- или десяти-тысячных стали подниматься до сотысячных или выше. Издательство «Молодая гвардия» впервые в нашей издательской практике решило начать выпуск дешевых небольших книжечек стихов, ис-

ходя из предварительных запросов магазинов. Римма Казакова набрала, если мне не изменяет память, что-то около четырехсот тысяч заявок. Но когда дело дошло до имен Вознесенского, Ахмадулиной, Окуджавы и автора этих строк, то издательство растерялось, получив миллионные и двухмиллионные заявки, и не нашло ничего лучшего, чем прекратить эту серию, так как именно эти поэты беспрестанно атаковались тогдашней «Комсомольской правдой» за «поэтическое гусарство», «пошлость на эстраде» и даже за «несмыслимые синяки предательства».

Но вкусы молодежи шли вразрез со вкусами этих критиков, и своей любовью наши читатели верно поддерживали нас в самые трудные минуты. Наше поколение раздражало своей неумной активностью, вмешательством во все наболевшие вопросы, и раздражение это выплескивалось порой даже на самом высоком уровне. Вознесенскому кричали: «Забирайте свой паспорт и уберите, г-н Вознесенский!» Это неправда, что нам слишком много было «позволено», — свои права мы не «качали», а вырывали, иногда обдирая до крови руки.

Наша популярность раздражала и многих наших собратьев по перу. На ленинградском совещании один поэт заявил с ядовитой иронией: «Евтушенко жалуется в своих стихах, что ему, видите ли, мешают границы»... Давайте пошлем его за границу — пустите Дуньку в Европу! Ну что ж, спасибо ему за рекомендацию. «Дунька» с той поры побывала в 85 странах мира, и положила руку на сердце могу сказать, что с честью несла знамя нашей русской поэзии. Когда Роберт Рождественский написал стихи «Да, мальчишки...», утверждающие право молодежи на самостоятельность, Николай Грибачев немедленно ответил ему стихотворением «Нет, мальчишки». Но неправильно было бы утверждать, что поддержку мы получали только в читательской, а не в профессиональной среде. Без поддержки профессионалов мы бы не выжили. Великое дело сделал для нашего поколения и для развития поэзии в целом Степан Петрович Щипачев, предоставлявший нам страницы журнала «Октябрь». Когда меня не пускали за границу как «морально неустойчивого», Степан Петрович пошел в высокую инстанцию и сказал, что ручается за меня своим партийным билетом, выданным ему в годы гражданской войны. Щипачев сформировал президиум Московской писательской организации наполовину из молодежи, включая и меня, и Вознесенского. Но наш президиум просуществовал всего несколько месяцев — он был антидемократическим путем разогнан. Нас поддерживали и словом, и помощью в печатании П. Антокольский, К. Симонов, М. Луконин, Б. Слуцкий, А. Межиров, М. Львов, Е. Винокуров. Сколько нервов стоило Я. Смелякову, назначенному редактором моей поэмы «Братская ГЭС» (с хитрой целью заставить пойти меня на уступки), пробивание этого моего многострадального детища! В поэме было сделано 384 (!) поправки, но тем не менее она не рухнула, не заколима в сторону лакировки. Мужественное решение принял В. Косолапов, напечатавший «Бабий Яр» в «Литгазете». Твардовский, несмотря на его ревниво-придирчивое, а иногда даже мучительно-жесткое отношение к поэзии, доходившее порой до пуризма, постоянно печатал меня даже в самые трудные минуты. Весьма далекий от меня по своим позициям Е. Поповкин в нелегкий момент одной из моих глубоких опал неожиданно предложил мне напечатать стихи в журнале «Москва», что и сделал (кстати, он же напечатал и роман «Мастер и Маргарита», не принятый Твардовским). Ю. Мелентьев и В. Осипов, стоявшие во главе издательства «Молодая гвардия», печатали и меня, и Вознесенского, и Рождественского, что им было совсем нелегко.

Поддержка нашего поколения исходила и от многих тогдашних работников ЦК КПСС.

Традиционную поддержку русской поэзии в ее нелегкие моменты оказывала своей любовью Грузия. Крупной поддержкой было само существование театра «Современник», Театра на Таганке, плеяды молодых художников и скульпторов, разделявших с нами наши поиски правды и методов ее выражения. Легче, надежнее становилось от появления таких фигур, как Шукшин, Высоцкий, от нравственной гражданственности старших — М. Ромма, К. Паустовского, К. Чуковского, А. Яшина. Мне и Вознесенскому повезло — незадолго перед смертью нас успел напутствовать Пастернак. Если первой нашей аудиторией было в основном студенчество, то мы начали ощущать поддержку и серьезных ученых, и космонавтов, и рабочего класса. Мы постепенно переставали становиться выразителями только своего поколения, и нашими читателями, поверившими в нас, становились и новые студенческие поколения, и люди гораздо старше нас.

Гласность, становящаяся нормой нашей жизни, не была нам преподнесена с неких «верхов» на блюдечке с голубой каемочкой. Мы эту гласность выстрадали. Демократизация поэзии началась раньше демократизации жизни в целом, была ее неотъемлемой составной частью.

Во многих зарубежных странах общественная жизнь и поэзия существуют, как бы не пересекаясь. Но когда-то я написал: «Поэт в России больше, чем поэт», и это правда, ибо ни в одной стране не существует, начиная с Пушкина, такой общественной мощи поэтического воздействия, как в нашей стране. Поэзия у нас не только отражает жизнь, но и во многом ее духовно предопределяет.

Меня поражает порой социальная индифферентность некоторых молодых поэтов. Ведь на самые острые темы, связанные сегодня с борьбой против саботажа перестройки, с борьбой за демократизацию, пишут не они, а опять-таки мы, «шестидесятники». Формула «все в мире лишь средство для сладкопевучих стихов» не выжила. Попытка подменить на знамени нашей поэзии Пушкина на Фета тоже не выжила. Фет при всем своем мастерстве лишен гражданского всеобъемлющего темперамента. А без такого темперамента, без способности «всеотклика» (выражение Достоевского) не может быть подлинно национальным поэт. Сегодня подлинным национальным поэтом нельзя быть и без интернационализма, без ощущения кожей всех болевых точек земного шара.

Поэзия констатации никогда не будет выше поэзии протеста против несправедливостей, поэзии борьбы за утверждение братства людей. Когда сегодня некоторые поэты жалуются на снижение тиражей своих книг, сваливая всю вину на книготорг, они правы лишь частично. Но разве поэзия нашего поколения, которую днем с огнем не найдешь на прилавках, обладала какой-то особой комплиментарной рекламой? Единственная реклама, которую мы получали в ранней молодости, — это была ругань. Песни Окуджавы в течение многих лет звучали только в самодельных записях. Единственный большой однотомник Ахмадулиной до сих пор издан только в Грузии. Высоцкий при жизни так и не держал в руках своей книги. Шукшину так и не удалось снять «Степана Разина».

Критики когда-то писали, что интерес к нашей поэзии — это мода, и она скоро пройдет. Но прав был Слуцкий, сказав, что если мода не проходит в течение стольких лет, то это, может быть, не мода, а любовь. А право на любовь надо заслужить. Некоторые поэты хотят комфортабельной жизни — они не хотят ни за что бороться (за исключением самих себя), никогда не рискуют головой за дело справедливости, не проявляют никакой гражданской смелости, а потом еще удивляются и негодуют, почему их книги не раскупаются. Так уж повелось на Руси, что в понятии нашего народа поэт — это народный защитник. Почему народ должен интересоваться теми, кто не интересуется им? Есенин гениально писал о березках. Но сведение темы Родины до посредственных воздыханий о березках современных виршеписцев — это гражданское бегство от стольких ножевых проблем реальной, а не сусально-святочной родины. Я не идеализирую наше поэтическое поколение. Все мы писали иногда и, к сожалению, пишем плохие стихи — поспешные, со вкусовыми сбоями, а иногда и те, за которые бывает потом стыдно, да поздно — что написано пером, не вырубишь топором. Мы совершали не только смелые поступки, но и шли на компромиссы. Иногда отмалчивались — а это тоже компромисс. Но каждый из нас в меру своих сил старался искупить минуты слабости новыми бросками на крепость косности, общественного застоя.

Мы сформировались духовно и профессионально во время общественного катаклизма, когда в стенах этой крепости образовались бреши. Мы прорвали в эту крепость и продолжали вести нашу войну, иногда разъединенно, слыша на отдаленных улочках выстрелы товарищей. Бреши искусно замуровывались, отсекая нас от поэтической молодежи. Вырывали вокруг крепости ров с водой, чтобы следующему поколению стало невозможно прорваться к нам на помощь. Мы смертельно уставали, патроны и силы кончались. Над нашими головами начали кружиться иностранные вертолеты, гостеприимно сбрасывая заманчиво покачивающиеся над нашими головами веревочные лестницы. Но по ним карабкались только слабые, обменявшие борьбу за свободу в своем Отечестве на радиостанцию «Свобода». А мы не сдались, мы верили, что день, когда наши надежды станут явью, придет. Нет, не напрасно мы срывали наши глотки в дискуссиях и на эстраде, которая была для нас полем боя за этот день. Сегодня к управлению многими сферами нашей жизни

приходят те люди, которые когда-то студентами слушали наши стихи, прорываясь в залы без билетов. Наша поэзия, наши надежды стали частью психологии этой новой формации. Мы росли и развивались вместе с ними, помогали, как могли, своими стихами, чтобы наша страна стала на путь гласности, без которой немыслима экономическая перестройка. Эта новая формация — поколение не запятанных трагедиями прошлого. Такая биография дает возможность нового мышления, освобожденного от комплекса вины. Конечно, мы постарели, но мы еще многое должны досказать, сделать. Мы должны бороться за дело надежд нашей молодости и помочь воспитанию тех, кто заменит нас. Мы, конечно, изменились, но не изменили нашей молодости. В решениях XXVII съезда партии и в проводимой сегодня линии мы с радостью видим многие наши осуществляющиеся надежды.

Мы иногда ссорились, и даже, к сожалению, долго. Но на съезде писателей мы снова выступали плечом к плечу, как когда-то, и это не было групповым сговором, а было естественным, как сегодняшнее развитие истории. И вот впервые за много-много лет мы собрались вместе в Переделкине и смотрели на видео чудом уцелевший эпизод из хуцневского фильма «Застава Ильича», когда-то вырезанный, где мы в 1962 году читаем стихи в Политехническом. Я смотрел на эти кадры, и, ей-богу, мне захотелось плакать...

Когда-то я написал такие строки: «Быть со старым товарищем — как вернуться на Родину». Такое чувство у меня сегодня.

**БУЛАТ
ОКУДЖАВА:**

**НАС ОБЪЕДИНИЛО
И ВЫДВИНУЛО ВРЕМЯ.**

Это были такие годы, когда внезапно и бурно начало пробуждаться общественное самосознание, рождались надежды, возникла потребность в духовном общении. Мы делали попытки говорить с людьми не тем языком, который господствовал долгие годы, а тем, который таился в них. Эти попытки увенчались некоторым успехом. Оказалось, что наш откровенный диалог обоюдно важен.

О первой моей книжечке говорить смешно и стыдно. Это была очень слабая книга, написанная человеком, страдающим калужской провинциальной самонадеянностью. Хорошо, что в Москве я подвергся битью своими собратьями. Это меня очень отрезвило, о многом заставило задуматься.

Моими учителями были Пушкин, Киплинг, Пастернак. Если говорить о тех, кто «вывел меня в люди» в практическом плане, не могу не вспомнить добрым словом Антокольского, Наровчатова, Евтушенко, Григория Левина, Михаила Львова.

Ныне я — профессиональный литератор. Пытаюсь рассказать о себе с помощью прозы, стихов, музыки.

Я думаю, что «нынешние времена» явились продолжением «тех времен», и в этом смысле весь еще не израсходованный запас энергии отдаю им с радостью и надеждой.

**РОБЕРТ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ:**

**НАМ ВСЕМ
КРУПНО ПОВЕЗЛО.**

Наша литературная молодость совпала с двадцатым съездом КПСС. Совпала с общей разбуженностью страны, народа, совпала с неожиданным и мучительным переосмыслением прошлого, с возвращением реабилитированных, с круговоротом споров, сомнений, надежд и — вопросов, вопросов!

Задавая эти вопросы и пытаясь ответить на них, мы искали себя, взрослели, учились жить, учились любить и ненавидеть, учились думать...

С Евгением Евтушенко я встретился в Литературном институте. Так что знакомы мы с ним (даже вспоминать страшно) аж с 1951 года!

С Булатом Окуджавой и Андреем Вознесенским я познакомился позже — году в пятьдесят пятом. Как мы относились друг к другу в то время?

Да, по-моему, нормально относились. С большим интересом и уважением. Хотя, конечно, и не без некоторой доли «подросткового», почти мальчишеского соперничества. (Сейчас вспоминаю все это, и самому смешно становится: господи, какими же молодыми были мы тогда!)

Часто встречались, вместе выступали на поэтических вечерах, бывали друг у друга дома, разговаривали, спорили, читали стихи.

Помню вечер, когда Булат впервые спел две свои песни...

Долгое время нас упоминали вместе, ругали вместе и хвалили вместе. Впрочем, если вспомнить шестьдесят третий год, то, пожалуй, больше ругали, чем хвалили.

И молодыми нас называли тоже очень долго — лет до сорока пяти. Но мы не обижались: глупо на это обижаться.

У каждого из нас были свои сложности, свои удачи и неудачи, свои находки и потери. Мы жили, мы работали, но иногда мне казалось, что мы постоянно кому-то сильно мешаем. Причем мешаем неизвестно чем. Наверное, самим фактом своего существования.

Во всяком случае, регулярно на протяжении этих тридцати лет некоторые наши коллеги по СП устно и печатно (но зато всегда с невыразимой радостью!) заявляли о том, что наконец-то мы «кончились», слава богу, «сошли со сцены», «исписались» и т. д. И каждый раз нам торопливо подыскивали замену, опубликовывая «более достойные списки молодых поэтов».

Однако проходило полгода (или год), и тем же самым коллегам почему-то приходилось выступать снова и опять яростно доказывать, убеждать самих себя в том, что уж теперь-то мы «наверняка кончились», «прошли», «исчезли с поэтического горизонта»!

Так что «кончались» мы множество раз. И никакими «творческими некрологами» нас теперь не удивишь. Привыкли.

И все-таки мы продолжаемся. Каждый — в меру своих сил. И будем продолжаться до тех пор, пока продолжатся наши жизни.

Изменились ли мы за тридцать лет?

Безусловно, изменились. Иначе-то и быть не могло!

Что осталось в нас от тех, тогдашних?

Думаю, что многое осталось. Наверняка остался стержень характера. Ведь вырабатывается он в человеке гораздо раньше двадцати лет. Осталась память о военном детстве. Осталось ощущение начала и надежда, что какие-то главные строки, главные наши стихи еще на подходе.

Осталось (и приумножилось) искреннее уважение к литературе.

Пытался ли я «изменить время»?

Ну, знаете, для того, чтобы ставить перед собой подобную задачу, надо обладать воистину гигантским самомнением!

Вы только представьте, как же должен выглядеть поэт, который сидит за письменным столом и на полном серьезе размышляет: «А что будет, ежели я в ре м я изменю?!»

А вот с теми или иными вредными, лживыми тенденциями конкретного времени бороться можно и нужно. Всегда. При всех обстоятельствах. Даже через «не могу».

Строку: «Нас мало. Нас может быть четверо...» — я запомнил сразу. И, наверное, запомнил не я один. Но, по-моему, Андрей Вознесенский тогда схитрил: никого, кроме себя, не назвав, он как бы предоставил другим поэтам умозрительное право «бороться» за выход в эту четверку.

Ну а если говорить серьезно, то все рассуждения о «тройках, четверках и пятерках» больше подходят для хоккея с шайбой, чем для поэзии.

Необходимо отметить главное: мы никогда не были «группой» в нынешнем, литературном (а точнее, околослитературном) смысле этого слова. И поэтому никогда не занимались тем, чем занимаются такие группы сегодня, то есть не пытались «захватить» газету, журнал или издательство для того, чтобы подкармливать «своих» и обрывать на «чужих».

На подобную «активную творческую жизнь» у нас не было времени. Да и желания тоже не было...

Заметных и по-настоящему молодых поэтов (из тех, кому сегодня 23—25 лет), к сожалению, назвать не могу. Может быть, они и есть, но я их пока не знаю.

Мы входили в литературу, в поэзию, в которой еще вовсе работали Твардовский и Смеляков,

Заболоцкий и Мартынов, Антокольский и Светлов, Луговской и Сельвинский, Симонов и Луконин, Самед Вургун и Назым Хикмет. Работали и другие (в том числе и очень большие) поэты. Но я перечислил только тех, с кем неоднократно доводилось встречаться, беседовать, выступать, ездить по стране, а с некоторыми посчастливилось и дружить.

Все они в той или иной мере помогали нам. Помогали хотя бы тем, что были! И память о встречах с ними, их советы, их принципиальность, их стихи помогают нам до сих пор.

А еще тридцать лет назад вместе с нами входили в литературу такие поэты, как Борис Слуцкий, Владимир Соколов, Белла Ахмадулина, Олег Чухонцев. Без них наша тогдашняя память и наш нынешний день тоже будут пустыми.

Есть и наши ровесники в республиках — на Украине, в Латвии, Литве, Белоруссии, Грузии, Армении, Казахстане, Таджикистане. Двадцать пять лет назад мы подружались с ними, и дружба эта продолжается по сей день. Помогает ли нам она? Конечно, помогает...

Помогать другим — дело естественное. А вот говорить и даже помнить об этом считаю занятием необязательным.

В сопредельные жанры «вторгался» потому, что это интересно. К тому, что делал (статьи, песни, «Документальный экран»), всегда относился очень серьезно. Во всяком случае, никаким «отдыхом от поэзии» эта часть работы для меня не была.

Время сейчас разворачивается настоящее, интересное, живое. Очень нескучное время сейчас разворачивается!

Быть только свидетелем происходящего, существовать по принципу «Ну-ну, поглядим-посмотрим, что у них получится...» — это значит предать свою молодость.

В перестройке страны надо обязательно участвовать!

Так и будем жить.

* * *

Ревностному обожателю поэзии, как мне кажется, нетерпится теперь спросить: «Почему же на такой важный разговор не была приглашена Белла Ахмадулина?» К сожалению, Белла Ахатовна не смогла в тот день приехать в Переделкино и принять участие в общей беседе. Я встретился с ней чуть позже. Вот что она рассказала...

**БЕЛЛА
АХМАДУЛИНА:**

**У ВРЕМЕНИ НЕТ ПРИВЫЧКИ
ХОДИТЬ ПО ОБОЧИНЕ.**

И они, эти тридцать лет, не мимо меня прошли, не стороной. Или я, во всяком случае, не на обочине находилась. Они через меня и двигались, эти тридцать лет. И мудрено было бы мне не измениться. Да и всем, кого касается это время, не удалось не измениться. Но я как-то по своим собственным правилам полномочна лишь за себя отвечать и о себе рассуждать, потому что полагаю, что изменилась я, весьма изменилась, но моя доброжелательность к моим коллегам осталась неизменной. Каждый из нас, наверно, и тогда, и сейчас отстаивает право на художественную отдельность и совершенно не собирается держаться в этой вот неразрывности имен, присутствующих в сегодняшнем разговоре. Эта отдельность и тогда, наверно, была заметна, но каждый в ней, видимо, только утверждался по мере своего развития.

Я без лишнего упоения и без всякого обольщения вспоминаю собственную молодость. Я не могу быть ею зачарована, я, конечно, изменилась. Что во мне осталось от прежней? Думаю, то хорошее и в тех пределах, в которых это хорошее было мне дано. И мне не удалось с этим разминуться, потому что есть что-то изначальное, чему судьба и характер как-то следуют. Но сам этот мой молодой образ не слишком для меня обольстителен. Умственное развитие мне тоже удалось претерпеть, и то состояние моего ума я вспоминаю как неудовлетворительное, то есть всегда резвое, всегда очень пылкое, готовое к вдохновению. Я много писала, не замечая времени суток. Но если строго говорить, то это отча-

сти и отнимало время от моего образования, я чувствовала свое невежество, свою недостаточную осведомленность (я и сейчас не могу ее назвать достаточной), но тогда она не позволяла мне многого прочесть.

Представление о недавней отечественной истории было какое-то поверхностное и смутное. Сейчас я к этому более серьезно отношусь и большую ответственность в связи с этим ощущаю. Но как важны были именно те годы! Они так много переменяли в жизни общества, и это сказывалось на успехе поэтических эстрадных выступлений, потому что люди как бы ждали от поэтов скорейшего ответа на вопросы, которые их занимали. Что касается меня, то я еще не могла сама ответить на многие вопросы, занимавшие в то время нашу слушающую и читающую публику. Я, правда, не знаю, насколько и сейчас в этом преуспела, но с годами мне пришлось поступиться какой-то все-таки суетностью слишком шумных выступлений, и сегодня к ним совершенно спокойно и строго отношусь.

Да, течение времени не может не влиять на человека. Я уверена, что эти тридцать лет, наполненные многими важными событиями, так или иначе содействовали и тем моим качествам, из которых я сейчас состою. Сама же преднамеренно влиять на время никак не действовала и думаю, что это было бы слишком развязно и претенциозно, но я думаю, что все-таки всякий человек, допущенный до каких-то художественных изъятий или вообще любых изъятий своей личности, так или иначе сказывается на времени. А суждений о том, кто на кого сумел повлиять, нужно спросить у тех, кому сегодня тридцать, у тех, кто родился в ту пору. Думается, что они ответили бы так же.

Кстати, когда мы начинали, тогда жили великие русские поэты Анна Андреевна Ахматова, Борис Леонидович Пастернак, и я несколько бы не обиделась, если бы какие-то люди мне сказали: знаете, совсем не ваши выступления на меня повлияли, а присутствие этих имен в литературе. Да, один из нас сказал: «Нас мало. Нас может быть четверо...» Но другой из нас сказал: «Я стою прошу прикрыть на пять персон на площади Восстанья в полшестого...»

Да, когда мы начинали, тогда начинали многие... Просто по разным причинам иные из них не были так известны. Наш ровесник Александр Кушнер, к примеру, который жил другой жизнью, более замкнутой, более тихой и вообще незаметной... преподавал. Я говорю это к тому, что Политехнический и Лужники не единственный путь для поэта.

Кто повлиял на меня? Мое отношение к Ахматовой и Пастернаку можно назвать только обожанием. Обожание не есть самый счастливый способ относиться к тому, кого ты любишь, потому что это как-то заведомо обречено на некоторую независимость. Хотя бы потому, что сила вот этого моего чувства никак не допускала меня до того, чтобы я искала с ними встречи, напротив, я их страшно сторонилась, ну, видела их, конечно, но не потому, что имела такую прыть, а просто по судьбе так вышло. Просто совпадение с ними на белом свете на меня очень действовало. Но были еще влияния другого рода. Скажем, Ярослав Смеляков. Я познакомилась с ним в 56-м году, еще будучи совсем молодой, и эта встреча не могла не поразить меня. Он, кстати, был первый, для меня первый из тех, кто вернулся из несправедливого заключения. Я ведь рано начала литературную жизнь и сразу попала в среду старших по возрасту. Кстати, все упомянутые вами поэты были хоть не намного, но старше меня, и эта разница в возрасте незначительна, но они, несомненно, влияли на меня своей работой, своим недалеким присутствием. Но вот вернулся Смеляков. И мой убогий опыт, совсем малый и совсем благополучный, все-таки сумел воспринять в себя опыт совершенно мне неведомый. Ну как соотносить собственный уют недлинной пока биографии с тем, что происходило на белом свете? Мне как-то сразу стали помогать. Я попала в литературное объединение к Евгению Винокурову, еще до Литературного института. Он принял во мне живое участие, многое мне дал, его поражала моя страшная неосведомленность в литературе, искусстве. Он искренне поражался той умственной темноте, которая сочеталась во мне с какими-то светлыми порывами души. Он сам напечатал мои стихи, передал Щипачеву. Я не однажды вспоминала мягкость, доброту Степана Петровича. Во-первых, я жила тогда в огромной коммунальной квартире, а родители мои не ощущали моих литературных занятий, и Степан Петрович стал звонить им. Это совершенно поразило моих родителей. Он стал звонить и просить меня увидеться, а я от молодой гордости, за которой стояла только скованность и неуклюжесть,

я уклонялась от этих встреч. Но тем не менее он все-таки нашел способ увидеться и напечатал мои стихи. Вскоре я получила письмо от Ильи Сельвинского, которое предредило легкое мое поступление в Литературный институт. Ведь стихи-то мои были совершенно детские.

Потом по сюжету моей жизни я видела писателей многих, действовавших в литературе, общалась с ними. Трудно назвать литератора, с которым бы я разминувшись, и многие имели ко мне какую-то мягкость и благосклонность, и от каждого из них во мне что-то осталось. Это было больше, чем обучение, это была жизнь, будившая дух, я проходила какую-то литературную и человеческую школу.

Старалась ли я помочь молодым? Самое большее, что я об этом могу сказать, — это то, что я, правда, всегда старалась как-то кому-то помогать разным способом, любым для меня возможным, но поминать об этом считаю совершенно невозможным. Мне кажется, что всякое упоминание о том, что ты старался для людей чего-то сделать, вообще сводит на нет значение этого маленького добродетельного... Думаю, что они сами еще отзовутся когда-нибудь...

У нас есть сейчас все основания ощущать перемену времени, и мне бы хотелось это соотносить в каком-то смысле с собой, с теми моими коллегами, которые начинали вместе со мной. Будем надеяться, что эта перемена времени, несомненно, благодатно скажется на появлении новых литературных имен. Потому что всякая перемена такого рода поощрительна для появления новых имен не только в искусстве, но и вообще в разных областях человеческой деятельности. Во всяком случае, я искренно надеюсь на это.

А прилив сил, он всегда приходит ко мне, только когда я сосредоточена и замкнута в своей работе.

* * *

Упомянутое Б. Ахмадулиной стихотворение заканчивалось строками: «И были наши помыслы чисты на площади Восстанья в полшестого». Как слова эти удивительно искренне и пронзительно соответствуют благим порывам в будущее молодой тогдашней поэзии! Утверждение себя в жизни и в искусстве, гражданственная наполненность дум и помыслов, удивительно распахнутое волнение за все, что происходило вокруг... И здесь же почти юношеский максимализм принципов и оценок происходящего, «маяковское» ниспровержение тех или иных авторитетов, вера друг в друга. И неважно в конце концов четверо, пятеро (Булат Окуджава, наверное, имел в виду еще и других, когда восклицал: «Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, ей-богу»). Важно другое, и об этом говорили в Переделкине почти все: они не стали «ставей», группой. Все они разные, у всех свои пути в жизни и в литературе, к кому-то из них, вероятно, судьба более благоволила, к кому-то менее — важно другое: их путь в поэзии был ярким, заметным, плодотворным. Они сделали свое дело. Очень хорошо об этом сказал поэт Вадим Шефнер: «...Никто не предполагал, что группа молодых поэтов столь быстро и целеустремленно войдет в нашу поэзию и не только утвердит в ней себя, но и изменит расстановку поэтических сил. Конечно, этим поэтам помогло время. Но ведь и они помогли времени. К стихам их можно относиться как угодно, это — дело вкуса. Но нельзя отрицать того, что молодые поэты послужили как бы неким бродильным началом, что они подняли интерес читателей к поэзии вообще. И перед лицом массового читателя яснее стало видно, кто чего стоит и кто на чем стоит». Я бы вспомнил и произнесенную будто сегодня строку Е. Евтушенко: «Посредственность неестественна, как неестественна ложь».

Чего у них не отнимешь, так это и в самом деле одного, но самого, пожалуй, главного — таланта. Нынешнее время — время талантливых, инициативных, энергичных людей. В какой бы сфере жизни они ни пребывали. Без них не будет движения вперед, без них немыслима перестройка.

Так получилось, что сегодняшний номер «Огонька» совпадает с годовщиной работы XXVII съезда партии, провозгласившего принципиально новые тенденции общественного развития и нашего поступательного движения вперед. И это движение должны осуществлять личности, творцы. На обложке нашего журнала известные советские поэты. Их имена знакомы каждому. И пусть их пребывание в литературе, нелегкая творческая работа, их книги, дела, поступки помогут нынешним молодым, тем, кто думает «делать жизнь с когом». Ведь истинная поэзия — это живая глава живой истории.

Феликс МЕДВЕДЕВ.

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

МНОГИЕ ИЗ ВАС, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, В ПИСЬМАХ И ПО ТЕЛЕФОНУ ИНТЕРЕСУЮТСЯ, МОЖНО ЛИ СЕЙЧАС ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «ОГОНЕК».

ДА, МОЖНО! В ЛЮБОЙ ДЕНЬ И НА ЛЮБОЙ СРОК, ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

ЕСЛИ ВЫ ОФОРМИТЕ ПОДПИСКУ, ПРЕДПОЛОЖИМ, ДО 1 АПРЕЛЯ, ЖУРНАЛ НАЧНЕТ ПРИХОДИТЬ К ВАМ С 1 МАЯ. ПОДПИСАВШИСЬ ДО 1 МАЯ, ПОЛУЧИТЕ ЕГО 1 ИЮНЯ. И ТАК ДАЛЕЕ, В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ГОДА.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ. О КАЖДОМ ФАКТЕ ОТКАЗА В ПОДПИСКЕ ПРОСИМ ИЗВЕЩАТЬ РЕДАКЦИЮ.

ДЗИРО ИКУСИМО «ТАКСИСТ»

«Провести за рулем почти целые сутки, постоянно разыскивая новых пассажиров, очень тяжело... к концу смены шоферы от усталости буквально валятся с ног. Но зато им не приходится, как большинству людей, сидеть привязанными к рабочему месту, и к этому прибавляется еще горделивое сознание того, что ты зарабатываешь деньги совершенно самостоятельно...»

Дзиро Икусимо — один из наиболее читаемых современных писателей Японии. Причем занимательность сюжета сочетается у него с постановкой острых социальных проблем. В этом вы сможете убедиться, прочитав в ближайшем номере «Огонька» его рассказ «Таксист».

НА КРАЮ ЛЕДЯНОЙ КУПЕЛИ

Зимнее купание младенцев. Вот уже несколько лет эта тема одна из популярных не только в разговорах, но и в прессе. Учитывая противоречивость суждений о таком способе раннего закаливания — одни его безоговорочно принимают, другие столь же категорично отвергают, — редакция решила в одном из номеров рассказать о клубе «Невские моржата». Полагаем, что читателям будет интересно узнать мнение о зимнем купании младенцев профессора И. М. Воронцова.

НАШ ХЛЕБ

Хлеб не выбирают, хлеб наследуют. Потому что он основа основ. Корень жизни. Хлеб — достояние общенациональное, он объединяет нас. Еще Николай Крюков предсказал: «Многоплеменный караван поделит с братом брат: Литва с Кряжистым Пермьком, с Карелою — Туркмен...» И все же, скажем и об этом, лучше всего национальные хлеба готовят там, где они впервые появились на свет. Редакция поручила обозревателю К. Барыкину и фотокорреспонденту Дм. Бальтерманцу подготовить серию фотонивелл о национальных хлебах. Первый рассказ — о латвийских мастерах хлебопечения — в «Огоньке» № 12.

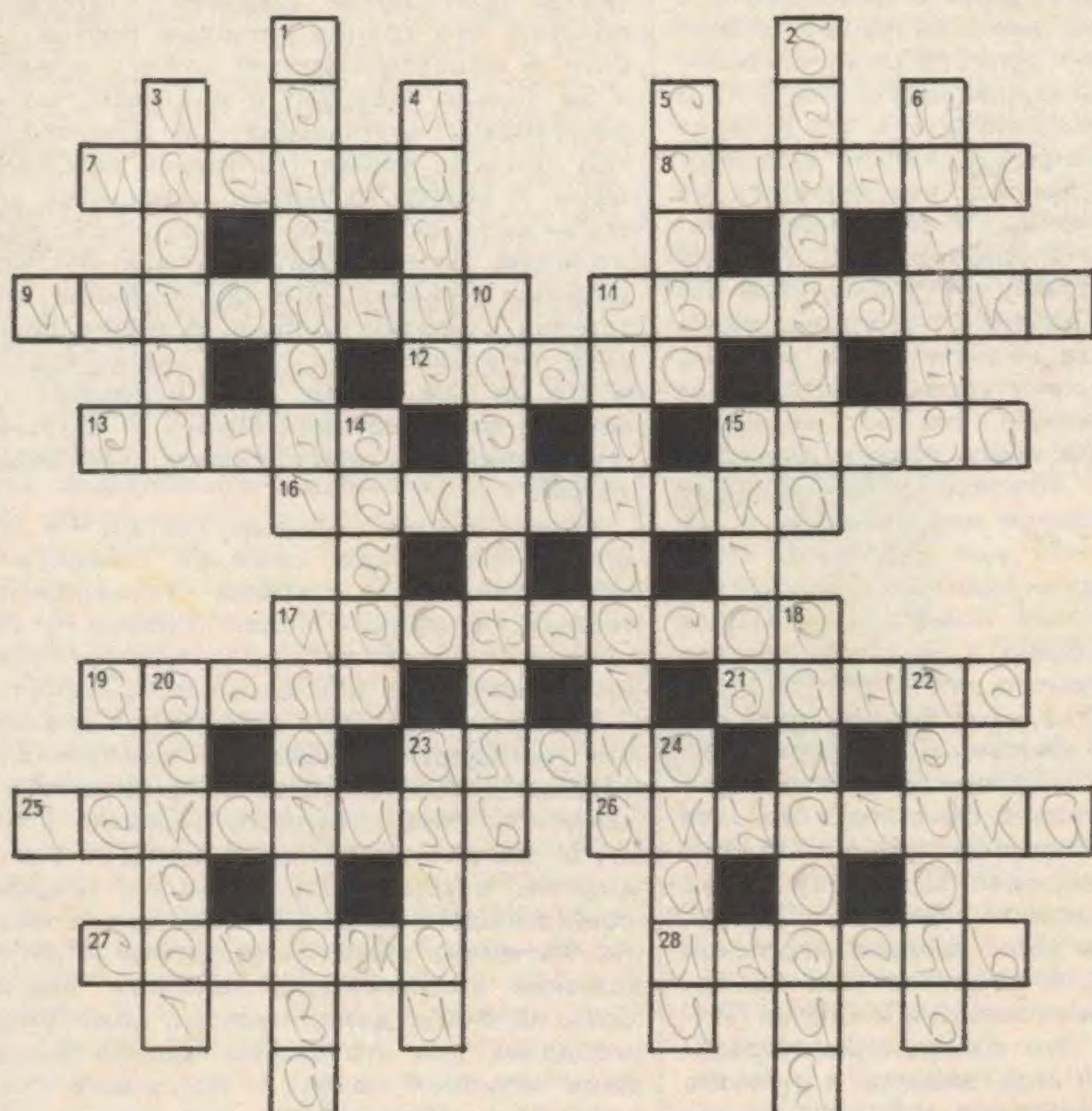

НЕ ИЗМЕНЯЙ СВОЕЙ МЕЧТЕ

«Мне говорят, так принято. Но кем? Когда? А если я не хочу жить по канонам? Я не хочу себя переделывать, подлаживаться под «правила», жизнь — это же не правила уличного движения!»

Народная артистка РСФСР Алла Пугачева отвечает на вопросы читателей и нашего корреспондента С. Власова в «Огоньке» № 11.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Эластичная лента для снимков. 8. Бродячий певец-музыкант в старину на Украине. 9. Опытный участок для выращивания и изучения сельскохозяйственных растений. 11. Декоративное растение, цветок. 12. Способ передачи информации на расстояние. 13. Период поединка в боксе. 15. Порт на Белом море. 16. Отрасль геологии. 17. Ученое звание преподавателя вуза. 19. Стихотворение А. С. Пушкина. 21. Выдающийся итальянский поэт XIII — XIV веков. 23. Опера С. В. Рахманинова. 25. Изделия из волокон и нитей. 26. Раздел физики, учение о звуке. 27. Повесть В. Ф. Пановой. 28. Порода комнатных собак.

По вертикали: 1. Узор для украшения архитектурных сооружений. 2. Приток Днепра. 3. Рыба семейства карповых. 4. Горная страна в Средней Азии. 5. Жанр древнерусской ораторской прозы и письменности. 6. Массовое собрание для обсуждения политических вопросов. 10. Овощное растение. 11. Спортсменка. 14. Непроходимые лесные заросли. 15. Электронная лампа. 17. Ткачиха, новатор текстильной промышленности, Герой Социалистического Труда. 18. Инструментальное музыкальное произведение. 20. Постановление Советской власти в первые годы революции. 22. Ритмическая фигура в музыке. 23. Город в Монгольской Народной Республике. 24. Животное семейства жираф.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 7. Полетаев. 8. Фатьянов. 10. Манипулятор. 12. Тасман. 13. Нептун. 14. Швейк. 16. Жалейка. 17. «Охотник». 18. Титан. 19. Лидер. 20. Трава. 22. Опора. 24. Буслаев. 25. Кутахов. 26. Азарт. 27. Атеизм. 29. Диабаз. 30. Механизация. 33. Сценарий. 34. Керамика.

По вертикали: 1. Катран. 2. Ольхон. 3. Комиссар. 4. Пери. 5. «Заря». 6. Золотник. 9. Существование. 10. Материализм. 11. Реставрация. 14. Шатрова. 15. Контакт. 21. Гусеница. 23. Горбатко. 28. Мератх. 29. «Динамо». 31. Азин. 32. Алеа.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

Народные музыканты.

Дьявольское очарование.

Игрок на гуаре.

Автор этих гравюр — Леонель Лопес-Носса. В течение ряда лет он выступает как критик по проблемам искусства в кубинском еженедельном журнале «Бозмиа» — одном из самых популярных и читаемых журналов на острове Свободы. Между «Огоньком» и «Бозмией» успешно развиваются тесные дружественные контакты, и Лопес-Носса был гостем нашей редакции.

Леонель Лопес-Носса — автор нескольких книг. Два детективных романа — «Стеклянный глаз» и «Убийца роз» — были опубликованы в Мексике, где он жил в течение нескольких лет в период разгула диктатуры Батисты. Был активным коммунистом. Романы «Табак» и «Воспоминания о тридцать шестом годе» (о национально-революционной войне в Испании) публикуются уже после его возвращения на Кубу.

Девятнадцатилетним юношей Ло-

пес-Носса поступил в школу живописи «Сан-Алехандро» в Гаване, но, как сам рассказывает, был изгнан за бунтарство. Начиная с 1972 года работает в Мастерской гравюры в Гаване и экспериментирует в области графики. Увлечен искусством литографии, используя самую различную технику. Его картины не раз выставлялись на Кубе.

Почти во всех его работах можно заметить острый интерес автора к кубинскому фольклору, народным ска-

заниям, стихам и пословицам... Все это порождает своеобразные мотивы и фантазии в творчестве художника, где мы заметим и любовь к шутке.

«Я считаю, что живопись — один из самых сложных для понимания видов искусства. Для того чтобы найти истину, нужно сделать, наверно, около тысячи рисунков, — говорит Лопес-Носса. — Образный язык не всегда доходит до зрителя, а ведь так хочется, чтобы дошли твои идеи...»

Эстелла АЛЕНИКОВА

Радости и тревоги современного мира отображает монументальная декоративная композиция «Мир нашему дому». Ее изготовили львовские художники Иван и Оксана Онуфрий. «Тема нашей работы созвучна помыслам и мечтам всего советского народа, требующего не допустить ядерного кошмара на планете», — говорят молодые супруги.

О жизни и труде современников, героической истории Отчизны рассказывают многие произведения Ивана и Оксаны. Гобелен «На крыльях революции» украшает холл Дворца культуры в карпатском городе Сколе, композиция «Львов в золотом сентябре» прописалась в Звездном городке, а триптих «Цветы земли» экспонируется во Львовском Дворце торжественных событий.

Не стоит без дела ткацкий станок в домашней мастерской, вплетаются в основу разноцветные нити шерсти, льна, люрекса, сизаля...

Георгий МАЦЕНКО

Фото
Бориса
ЗАДВИЛЯ

